



№ 9
Десерт
у камна

Содержание

Рубрики

От редакции	2
Из истории языка. Происхождение фразеологизмов	48
Работа над ошибками	59
Публицистика: Даниил Николаев	105
Итоги конкурса «Посвящения»	114
Благодарности	120

Стихи

Иван Гладких	3
Александр Савостьянов	16
Вера Арнгольд	16
Александр Винокур	16
Анна Ледневская	40
Кирилл Сорокин	49
Лиса Салливан	96
Сергей Бондаренко	104
Наталья Эткеева	108
Юлия Павлова	113

Проза

Евгений Базаров	6
Катерина Кульянова	8
Любовь Селезнева	22
Михаил Соболев	41
Кирилл Сорокин	50
Мария Исаева	64
Глеб Зиновьев	99
Скрытимир Волк	101
Юлия Вебер	109

Рисунки

Евгений Бем	Обложка, 5
Ирина Жорушкина	15
Ольга Неводова	21, 39, 47
Ирина Реуцой	58, 63, 82, 95, 98, 107

Тематическая рубрика. Зима, зимние праздники

Михаил Соболев	17
Лада Петрунина	17
Наталья Рыжих	18

Здравствуйте, дорогие наши читатели.

Прежде всего, хочется сказать, что 20 октября нашей газете исполнилось 2 года. Поздравляем всех с этой датой. В связи с днем рождения мы проводили самый масштабный конкурс в истории нашей газеты: прием произведений проходил сразу на трех ресурсах: на сайтах Вконтакте, stihi.ru и proza.ru. Итоги этого конкурса можно посмотреть в конце номера.

Кроме того, возле некоторых произведений вы увидите пометку «Выбор читателя». Если помните, у нас раньше была рубрика с таким названием. С этого номера мы решили возродить ее, но не выделять ее в отдельный блок, а помечать тексты из этой рубрики специальным значком. Напомню, что суть рубрики в том, что читателям предлагается из представленного списка произведений выбрать те, которые они хотят видеть в номере.

Продолжает свою работу рубрика «Работа над ошибками». На этот раз мы учли ошибки прошлого номера и выделили больше времени на работу, поэтому результат радует больше, чем в прошлый раз.

С этого номера стартует тематическая рубрика. В девятом номере в эту рубрику вошли произведения на тему «Зима. Зимние праздники». Одной темой объединены и рисунки. На этот раз вас ждут портреты.

Ну, и конечно, в номере будут новые, и уже полюбившиеся вам, авторы стихов и прозы, а также статья из цикла «Об истории языка».

Приятного чтения и счастливого Нового Года. С уважением

Редакция БУКа





Иван Гладких
Угасъ сапожника Якоба

Галдят арлекины, поют менестрели,
Толпа суматошна, пьяна,
Зевакам обещано море веселья —
Сегодня казнят колдуна.

Грозя негодяю жестокой расправой,
Шумит обезумевший люд
И слышатся крики то слева, то справа:
«Везут! Посмотрите! Везут!»

В тюремной кибитке, железом обитой,
Звения кандалами, сидит
Слуга Вельзевула, Творцом позабытый,
Отступник, ужасный на вид.

Уродливый старец, кривой и горбатый,
Бельмастые щурит глаза,
Он знает, что будет сожжен до заката,
И молча клянёт небеса.

Он думает: «Радуйтесь, добрые люди!
Ликуйте, покуда сильны!
Но знайте: однажды вас тоже осудят
И бросят в костер Сатаны!»

Булыжники ваши терзают и ранят —
Так бейте меня! Но клянусь —
К хозяину самого первого камня
Я лютым кошмаром вернусь!»

Исполнит огонь обвинителей волю:
Злодей-чернокнижник умрёт —
Насытившись местью и смертника болью,
Начнёт расходиться народ.

Толпа расползётся по всеям, по сёлам
От празднества дикого прочь,
И Якоб, сапожник, хмельной и веселый,
Домой возвратится под ночь.

С приятною думой, ласкающей душу,
О том, что «антихрист» и «зверь»
Был камнем его поражен и оглушен,
Толкнёт он дубовую дверь...

Печальные вести сапожника встретят:
«О, Якоб! Мужайся! Жена
Твоя, Аннабэль, не увидит рассвета —
При родах скончалась она».

В обшарпанной люльке, среди полотенец,





Вы



Слова проклятий и молитв шепчу я, чуя
 Холодный запах, источенный смятой мятой,
 Напоминающий о Вас... Не Вы ли были
 На диск луны и тусклых звезд плеяды? Яды
 Безумных дум лишали сна... Невзгоды... Годы
 Душили выученных слов удавы... Да, Вы
 Привыкли к вечности и крепче стали стали,
 Теперь лишь Вам известно, как узнать у знати
 Секрет потерь и как спросить у сброда брода...
 О, если б мир сошел с ума... Тогда бы, дабы
 Вы, сумасшедшие, не позабыли были
 О чистой логике, живой когда-то, даты,
 Таблицы, явки, номера, пароли, роли,
 Вы вновь бы разум обрели... Стяните нити
 Провисших мыслей. Вам, живым, наверно, скверно...



Собаки страсти

Скупа на ласки жизнь простой дворняги:
 То хвост сведёт, то клещ засядет в ухе,
 То, вдруг, лишай появится на брюхе,
 (Про блох молчу) — сплошные передрыги.

А уж когда, обпившись где-то браги,
 Придет хозяин, как всегда, не в духе —
 Не миновать хозяйской оплеухи...
 Уж лучше жить с бездомными в овраге.

И так всегда: не чаешь в нем души,
 Примерно служишь, а в награду, братцы, —
 Пинки да горький вкус собачьих слёз...

Бывает, поскулишь в ночной тиши,
 Повоешь и... Простишь, ведь обижаться —
 Людская блажь... А пёс — всего лишь пёс...



Однажды



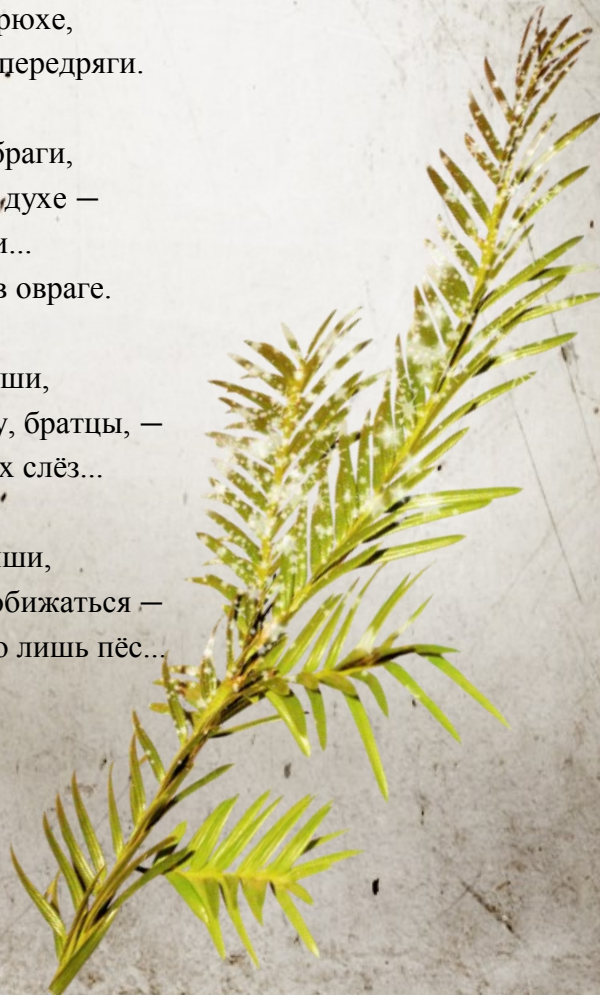
Однажды я решу не умирать...
 Поддавшись глупой прихоти моей,
 Господь откроет ветхую Тетрадь

Учета Жизней. Он запишет в ней
 Размашисто и жирно: «Человек,
 Живи — твоих не ограничу дней».

И я закончу бесполезный бег
 С барьерами по кругу. Отдышусь —
 И вдруг увижу небо, солнце, снег...

Меня отпустит жалящая грусть,
 Сотрётся грязь пустых забот и слов,
 Отступит вечный страх... И я проснусь...

И прошепчу: «Я понял... Я готов...».





Евгений Бем

Анна





Евгений Базаров
Человек идет на небо



Дождь лил уже четвёртый день. Бесконечно и нудно. У неба словно проломилось от ветхости дно, и теперь вся влага, которая там была, вытекала вниз. Тяжёлые потоки мутной воды неслись вперёд, увлекая за собой слабые части Земли.

Человек был бессилён. Сидя в тёмной сырой избе, он слушал шум дождя за стеной и думал о том, что теперь рожь на поле сгниёт.

Человек часто хлопает себя по штанине с прорехами. И вдруг поднимается, открывает скрипучую дверь и с надеждой вглядывается в серую бесконечность неба.

— Эх...

— Всё так же.

На тёплой печи зашевелилась баба. Это, конечно, в хозяйстве предмет полезный, но болтливый.

— Баба, давай щи!

Подхваченный ухватом горшок опускается на грубо сколоченный стол. По избе разливается аромат человеческого бытия.

«Вот живёт в лесу волк и не знает вкуса наваристых щей. Значит, волк не знает и половины счастья!», — так рассуждает про себя человек, зачерпывая деревянной ложкой горячую пищу. От жарких щей живот наполнился сытой тяжестью, а мысли в голове раскалились. «Человек, он всякой земной твари сильнее, а против какой-то жалкой воды не может идти! Не бывать такому! Сейчас пойду и заткну небесное отверстие, и обретёт природа сухость. Ух, небесная хлябь!»

Сжатый сухой кулак погрозил потолку. Под потолком кружилась одинокая муха, ей не было никакого дела.

Баба на печи беспокоилась:

— Ты куда это собрался?

— Тебе какое дело? Твоя забота-щи готовь да кашу правь!

Натянув худую шапку на уши, человек распахнул дверь и шагнул прямо в сырую природу.

— Эх!

— А-а!!! Кормилец, поилец, оставить хочешь одну меня! Не пущу!

Баба, страшно завопив, выбежала наружу и уцепилась за худую ногу.

— Не пущу! Окаянный ты, изувер!

Не обращая внимания на проклятия и слёзы, человек пошёл вперёд, оставляя в грязи длинный след от волочащегося бабьего тела.

Дойдя до могучей сосны, он поплевал на сильные жёлтые ладони, отцепил груз в юбке и полез вверх по коричневой стволу. Дерево раскачивалось под порывами ветра и скрипело, сыпало хвоей. Баба, сидя прямо на раскисшей земле, теперь только причитала, жалуясь на судьбу. Добравшись до середины ствола, человек вдруг не удержался, скользкие пальцы разжались; и он полетел, но не вниз, а вверх, пробил унылую мокрую ткань неба.

— Эх!

Прямо посреди белого зефира и перламутрового света какой-то бедняк, обливаясь потом, шёл за плугом, вспенивал облака. Жалкие лохмотья едва прикрывали его тело. Рыжая исхудалая лошадь едва поднимала копыта. Чтобы было не так тяжело, незнакомец изредка начинал тягучую песню, посвистывал.

Мужик подошёл к несчастному, вгляделся в измученное лицо.

— Добрый человек, где это мы, на небе?

Бедняк остановился, вытер пот со лба. И ответил неожиданно сильным голосом:

— Конечно.
— Эх, вот куда меня занесло! А может быть, у вас здесь и Бог есть?
— Есть, — небесный пахарь усмехнулся.
Человек совсем уже пришёл в себя и осмелел.
— А как бы мне его увидеть?
— А тебе какое до него дело?
— Зачем люди живут на Земле и мучаются, зачем на поле рожь от дождя гниёт?! Показывай Бога!
Незнакомец присел, грустно вздохнул.
— Это я. Понимаешь: «По образу и подобию...».
И стало человеку легче от мысли, что и у Бога не простое существование.
Так они сидели и говорили: Бог и человек.
На прощание Человек пожал мозолистую божью ладонь.
— Эх!





— Сабрина, ты ведь прекрасная ученица — послушная и усидчивая. Мы оба это знаем. Никогда не боялась работать над собой, стремилась к совершенству, была подобна глине, меняющей очертания под натиском моих рук. И я дарил тебе знания, стараясь превратить некогда грязную уличную девчонку в женщину мечты. Сейчас ты такова — я имею все основания гордиться. Стать и благородная порода заложены в тебя с молоком матери. Я не раз убеждался — зря скрывала ты их от окружающих, пряча за внешней грубостью. Не жалею о том, что подарил тебе второе дыхание. В ответ же не прошу ничего, кроме уединения. Да, ты не ослышалась: после проделанной работы я хочу остаться в полном одиночестве, остро ощущаю необходимость восстановить силы, собраться с мыслями. Поверь, мужчины не из стали. Они тоже проявляют чувствительность и оказываются ранимыми, порою неожиданно для самих себя. Я должен сказать тебе спасибо, но не могу сделать это сейчас. Трудно подобрать слова благодарности. Обычно такого со мной не бывает. Прошлые леди сами кланялись в ноги, но ты... ты ведь другая, правда? Чересчур серьезная, повзрослевшая слишком рано, лишенная всяческой детскости. Поэтому наша история иная, сценарий дал сбой. И сейчас я растерян, как мальчишка. Желание что-либо изменить болезненно отзывается в сердце. Разум, напротив, утверждает: перемены — не в этот раз. Терять независимость, ломаться и корректировать манеру поведения слишком тяжело. Завтра меня здесь уже не будет. Прости. И не звони больше, лишь вспоминай. Я это почувствую. А судьба... разве это про нас? Если так, то она встретит меня знаком, вынуждающим повернуть назад и признать свою неправоту. Adieu, mademoiselle. Adieu, mon ange.

Мужчина бросил телефонную трубку. До этого я вслушивалась в его холодную речь, внимала словам, упивалась родным голосом, отчего-то трогательно дрожащим, будто извечный скептик и суровый прагматик может превратиться в того, кем мечтала видеть его со дня знакомства. Наша связь была слишком тесна, тонка, пламенна. Боль пожирала мое эго, травила его желчным ядом обиды. Я была огорчена, взволнована, рассержена, но не могла разочароваться — мысли такой не допускала. Не могла презирать, даже понимая, что долгие отношения были всего лишь привычным хобби для человека, пытающегося сделать окружающих лучше, имеющего губительную склонность идеализировать мир и находить прекрасное даже там, где его попросту не может быть.

Сколько еще женщин побывает в его объятиях? Скольких он очарует своим шармом? Скольких соблазнит и скольких изменит, прежде чем найдет свою единственную? Увлекающаяся натура? Нет, это не про Гордона. Кажется, я бы тоже смогла открыть запутавшегося человека с другой стороны одним лишь жестом доброй воли, останься он хоть на день дольше в Сан-Франциско! Не знаю, что чувствую. Но чувствую, от этого никуда не деться.

Тоскливые мысли обуревали разум. Я долго не могла выпустить телефонную трубку из рук, словно на ней было запечатлено последнее дыхание того, кого так боялась потерять. Я вновь и вновь подносила ее к уху, сжимала ладонями, вслушивалась в гудки и не могла поверить в то, что теперь совершенно одинока в целом мире. Распахнутые настежь окна впускали в дом жестокую осень — ее аромат, энергию, импульсивность, скрытую в ледяном ветре, проникающем под одежду и побуждающем ностальгировать. Поднявшись с постели и стиснув зубы до скрежета, я набралась сил выдернуть телефонный кабель. Теперь мы по разные стороны нежности, дух обидчика больше не просочится в мою темницу.

Оказавшись в ванной комнате, я скинула с себя тяжелые одежды. Кожа искренне обрадовалась лучам света, пусть искусственного, но от этого не менее ласкового. Каждый миллиметр, обделенный любовью, противно ныл при воспоминании о Гордоне. Только он понимал язык моего тела и умел с ним обращаться, словно оно — ваза из благородного хрусталя. Только он считал способности недооцененными, а красоту — мощнейшим оружием, от которого нет спасения. Столько

лестных слов было брошено в мой адрес. Кто знал в ту пору, что для самовлюбленного циника они не стоят и гроша?

Горячая вода из душа приняла меня как родную, убаюкивая и настраивая на волну расслабления. Тонкие струйки впились в кожу то ласково, то дерзко, дразня и играя, как в прошлом делал это незнакомец, подобравший меня в Бэй-Вью-Хантерс — самом диком квартале, славившемся нищетой и преступностью. Пока капли ублажали тело, я рисовала в своем воображении картины, напрямую связанные с прошлым столь сладостным и столь прекрасным, что его невозможно вычеркнуть из биографии, разве что вырвать вместе с плотью, кровью — всем, чем приросла к минувшему году. Облик того дня до сих пор стоит перед глазами: знойное лето, невыносимая жара, столб пыли, оседающей на ресницах. Местный парк, выжженный солнцем и напоминающий пустошь, огражденную символической решеткой. Ни души вокруг, слишком тихо и слишком спокойно — только редкие путники, нарушающие пустынное умиротворение. Бесконечные линии проводов над головой, потертые дорожные знаки, тяжелый смог и мои кеды, заношенные до дыр. Никого не волновало, во что одета сирота и оборванка, вечно снующая по знакомым улочкам. Колени разбиты, невзрачные каштановые волосы разметались по плечам, щеки измазаны, а в зубах зажата последняя сигарета. Покинутая Богом девушка прогуливалась около полудня, разрабатывая план на день. Думала, где бы достать еду и курево. В кармане на тот момент завалились две скомканные купюры и десять центов. В один прекрасный момент я заметила на горизонте машину, по-видимому, совершенно новую. Главным критерием новизны для меня был ее глянцевый блеск, лишенный мутных разводов и подтеков, как у многих виденных ранее. Серебристый автомобиль с каждым мгновением приближался и вскоре остановился подле меня. За рулем сидел мужчина лет тридцати. Во внешности не было ничего особенного: губы, застывшие в наивной полуулыбке, прищуренные карие глаза, волосы цвета спелого каштана, почти черные, и вздернутые брови, благодаря которым лоб покрывался рядом глубоких морщин. Единственное, что меня поразило — взгляд тех самых глаз. Умный, пронзительный, изучающий. Стекло опустилось, незнакомец высунулся в окошко и произнес первое слово:

— Гуляешь?

— Да, гуляю. Тебе-то что? — резко огрызнулась я, стараясь не проявлять ни малейшего интереса и глядя на водителя исподлобья.

— Да ничего. Увидел одинокую девушку и решил задать ей глупый вопрос. Прости.

— Нечего извиняться. Меня ничто уже не удивит, — пробубнила в ответ я, ковыряя носком кроссовки сухую землю и опустив глаза. — Не местный?

— Нет. Живу за городом. — Легкая ухмылка появилась на губах собеседника.

— У тебя есть свой дом?

— Да, есть.

— Супруга, дети?

— Я разведен. Женился в Лас-Вегасе на пьяную голову. Опомниться не успел, как уже спал в чужой постели. Девчонке хотелось самостоятельности, попасть в семью и побороть комплекс маменькиной дочки. Спорила меня и схапала живьем. Еле избавился! — Мужчина рассказывал обо всем с огромным энтузиазмом, располагая тем самым к себе и заставляя улыбаться в ответ. — А потом бежал из города. Сменил не одно место жительства. Сейчас здесь. Пока мне все нравится.

— Как же тебя занесло в этот район? — поинтересовалась я.

— Не знаю... просто ехал куда глаза глядят. А ты почему здесь?

— Потому что тут каждая мелочь близка сердцу. Тут моя семья, учеба, свобода, в конце концов! —

Пришлось приврать, дабы не упасть в грязь лицом.

— Ты ведь лукавишь сейчас. Должно быть, свобода занимает главенствующее место в этом списке?

— Глаза его сузились до предела, колкий взгляд резал без ножа.

— А не все ли равно? Ты богатый, вот и поезжай к себе в особняк! Устраивай вечеринки и



созывай подружек, у которых, кроме косметики и блестящих шмоток, ничего нет! Проводи дни без толку, попивай коктейли через трубочку, а мне и так хорошо!

Странник покачал головой, а после поднял стекло. Я огорчилась не столько тому, что обидела человека: мне было жалко слов, оставленных без ответа. В ярости стукнув по крыше кулаком и схватившись за ушибленную руку, я тут же дождалась ответной реакции. Дверца распахнулась.

— Эй, тише! Не срывай злость на любимом мною куске металла. Вот, держи... — Мужчина протянул аккуратно сложенные зеленые бумажки. — Хватит на то, чтобы купить себе еды, а после перебраться в другой квартал и снять где-нибудь комнату. Я отыщу тебя и помогу по мере возможностей.

— Сколько здесь? — спросила я, взяв деньги и перебирая купюры. — Черт побери, да ты псих!..

— Отчасти все мы психи. Возьмешь или нет? У тебя тридцать секунд на раздумье.

— Я... не могу! И не хочу! Признайся, ты маньяк? Купить меня собрался, а потом найти и выпотрошить?! Слышала о таких. Отказываюсь! Забери свои подачки и вали с моей улицы!

— Подумай еще раз. Другого такого шанса может не быть, — проговорил странник удивительно серьезным, сдержанным тоном.

— Издеваешься? Да я таких каждый день здесь вижу! Ко мне люди тянутся, не пропаду. Можешь не волноваться.

— Судя по тому, сколько лет твоей одежде и как долго ты не смотрелась в зеркало, те, кто появляется здесь «каждый день», не так уж щедры.

Сомнения окутали разум. Разумеется, я хотела взять деньги. Разумеется, взяла бы их в любом другом случае. Но этот парень был мало того, что настойчив и убедителен, так еще и слишком бескорыстен. Я чувствовала искренность и безвозмездную самоотдачу. Было неловко и стыдно. Я с ужасом осознала, что просто не заслуживаю этого божественного дара. На душе становилось все хуже. Минуту моих раздумий прервал уже полюбившийся тембр голоса:

— Да что же ты такая робкая! Садись, поговорим по дороге.

Паническая неуверенность — вот что я испытывала в тот момент. Мялась, топталась на одном месте. Время капало, новый знакомый смотрел на свои часы и считал секунды перед тем, как захлопнуть дверцу. Нужда заставляла решать: остаться в ненавистном месте — голодной и никому не нужной, либо наступить на саму себя и все предрассудки, устроившись рядом с водителем. В конечном итоге я сделала выбор, изменивший мою судьбу.

Пока мы ехали прочь из города, я успела поинтересоваться, как зовут благодетеля. Имя звучало красиво и величественно — Гордон Росс. Улицы и дома мелькали перед глазами: я с радостью провожала взглядом привычные места и знакомые лица, ничуть не тоскуя по прошлому. Новые ощущения нежданно ворвались в мою некогда размеренную жизнь. Я никогда ранее не пересекала пределы города. Сейчас же передо мной открылась удивительная, возможность стать другой, почувствовать себя в окружении непривычных вещей.

Вскоре мы подъехали к кирпичному зданию с треугольной крышей. В нем было две спальни. Меня приятно удивили огромная гостиная в бежевых тонах и телевизор, которого я с рождения была лишена! Как только друг завез машину в гараж, он отпустил меня изучать дом. Первым местом, куда я направилась, явилась кухня.

Все, что попадалось мне на глаза, было надкусано хотя бы пару раз. Голод сделал из меня жуткого фаната еды, даже той, которую в прошлом не переваривала. Росса это забавляло: он смеялся и снисходительно качал головой, пока я с безумным остервенением рылась в чужом холодильнике.

— Поживешь пока здесь, потом что-нибудь придумаем. — Хозяин дома осторожно прервал мою трапезу. — Эй, ты... обжора! Прекращай. Скоро мы отправимся в ресторан, главное — как следует тебя отмыть.

— Ресторан? Господи, куда я вляпалась?! Даже вилку в руках держать не умею, —

возмущалась гостья. — Кстати, где твой пес?

— У меня нет пса.

— А для чего же тогда будка? — пробормотала я, дожевывая сэндвич.

— Когда мне было семнадцать, мечтал о четвероногом друге, даже кличку придумал — Ларри. Но родители говорили, что я недостаточно внимателен и ответствен. Они не потакали моим желаниям. Тогда пришлось копить ничтожные карманные деньги, на которые позже приобрел несколько крепких досок у одного строителя. Из них смастерил будку, надеясь, что когда-нибудь стану самостоятельным и заведу долгожданное животное. Предков это злило, они были в ярости. Никто меня не поддерживал. Отец говорил, что я не смогу заработать себе на жизнь, мать слéпо вторила ему. В колледже я был самым скромным, отношения с противоположным полом не складывались. Местная шпана твердила, что так будет всегда. Да мне и не нужны были те размалеванные шлюхи! Я мечтал об идеале — своем, близком, не похожем на других. Подрабатывал где придется, откладывал деньги. Сразу после учебы ушел из дома и положил начало новой жизни.

— Такой же свободной? — спросила я, пытаюсь найти в нас общие черты.

— Не совсем. Трудился без отдыха, нашел свое призвание, обрел успех и благословение фортуны. Выстраивал стратегию, рассчитывая каждый свой ход. Теперь обо мне говорят в десятке городов. И лишь тогда, когда весь мир завертелся вокруг, я обрел долгожданную свободу — материальную и духовную, а еще независимость от чьего-либо мнения.

— А будка? Ты возишь ее с собой?

— Нет, что ты! — Приятель улыбнулся. — Каждый раз отстраиваю заново или покупаю. Несбыточная мечта надолго поселилась в сердце. В этом смысле меня никто никогда не понимал... и вряд ли поймет.

— Так почему не купишь собаку? — Голос мой был полон удивления.

— Все не так просто. Мне слишком часто приходится переезжать. Это этап, который не удается завершить по сей день — ниточка, связывающая меня с прошлым, с родителями и запретами. Просто нет сил переступить границу, чтобы окончательно почувствовать себя полноценным человеком. Я не готов. А сейчас... — Гордон резко сменил тему, — беги в душ! Он на втором этаже. Потом зайди в дальнюю комнату и поройся в шкафу, выбери себе платье. Вечер близится.

— Постой, откуда у тебя женские платья? Сам носишь?

— Боже упаси! От бывшей жены остались. Стащил парочку из Вегаса.

Усмехнувшись, я пожала плечами и ринулась наверх. Пришлось тщательно смывать с себя грязь и копоть, осевшие на коже за годы скитаний по улицам Сан-Франциско. К слову, в шкафу у Росса оказалась целая дюжина платьев, если не больше. Меня это не насторожило. Может быть, он просто фетишист, «позаимствовавший» одежду у бывших подружек?

Вечером мы отправились отведать французскую кухню. Перед этим новый друг провел со мной долгую поучительную беседу, познакомил с азами этикета, в результате чего я начала уверенно обращаться со столовыми приборами. Мы с ними сразу же полюбили друг друга! Не помню, что было в меню. Какие-то диковинные блюда, названия которых даже не выговорить. Все вокруг выглядело необычно и радовало глаз: совсем другие люди, шикарные интерьеры. Наряд, что я себе подобрала, был насыщенно фиолетового цвета. Он здорово сочетался с моими зелеными глазами, как считал Гордон. Я доверяла вкусу спасителя, поскольку у него был внушительный опыт в подобных делах.

Прошло больше года. Вы спросите, что происходило за это время? И беды, и радости, мелкие ссоры и душевные примирения. Всего не упомнишь. Помощник вселял в меня уверенность, по камешку выстраивал образ с самого фундамента. Я стала жгучей брюнеткой, бросила курить, начала стильно одеваться и чувствовать себя раскованно даже в самых дорогих бутиках. Замарашка превратилась в леди, которую создатель холил и лелеял. Я думала, что он любит меня, надеялась на это, потому что сама испытывала к нему сумбурные, противоречивые, но от этого

не менее искренние чувства. Восхищение вызывали его мудрый взгляд на жизнь, ласковая улыбка, тонкие пальцы и по-мужски утонченная фигура. Манеры, привычки, бескорыстная забота, которой учитель одаривал меня с самого утра и до поздней ночи, — и так каждый день!

Я стала любить себя, разложила по полочкам жизненные ценности и приоритеты, о которых раньше даже не задумывалась. Личностные принципы обрели видимые очертания. Благодаря своим связям Росс помог мне устроиться на приличную работу. Ответственность и серьезный подход к проблемам фирмы сказались на отношении коллег, которые поначалу сторонились, а после начали проявлять уважение к девушке без должного образования. Гордон часто говорил со мной на французском, заставлял учить красивейший язык европейцев. Звал ангелом и хвалил за успехи. Единственное, что отсутствовало в нашей совместной жизни, — секс. Впрочем, всему в один прекрасный день наступает конец. Так оборвалось и расстояние между телами, жаждущими взаимного тепла. Как-то раз поздним вечером мы вернулись домой с шумной вечеринки, устроенной в честь дня рождения одной из коллег. Прилежная ученица была пьяна настолько, что кое-кому пришлось вытащить обессилившее тело из автомобиля и, перебросив его через плечо, занести в дом. Я глупо хихикала всю дорогу, болтала ногами и едва заметно постукивала друга по спине сжатым кулаком. Думаю, в эти моменты он улыбался.

Опустив меня на кровать, Гордон не заметил, как я ухватилась за его галстук и потянула на себя. Столкновение губ было неизбежно. Тишина разделяла нас до тех пор, пока тот, кого так сильно желала, не воспринял мою инициативу словно зеленый свет. Не успела я опомниться, как была прижата к постели гибким телом. Секунду мужчина просто смотрел в мои глаза, при этом положив ладонь на щеку и нежно проведя большим пальцем по нижней губе. В ответ я едва коснулась подушечки его пальца кончиком языка. В этом не было ни грамма пошлости — только чувственность, прелесть которой оба ощутили едва ли не с первых ласк. Ранее мы робели и смущались при одной только мысли о близости, но сказочная ночь располагала и подталкивала в нужном направлении, вынуждая меня поддаться соблазну.

Через мгновение Росс наклонился надо мной, сняв с себя рубашку. Еще позже коснулся теплой ладонью гладкой кожи ног, поднимаясь к изгибу бедра и по дороге собирая ткань юбки в мелкие складки. Я боялась его прикосновений, боялась разочаровать, потому что точно осознавала незаменимость Гордона в своей жизни, но в итоге ничего не могла поделать с нахлынувшими чувствами. Искусный соблазнитель прикинул губами к моей шее, оставляя на ней розоватые следы от жарких поцелуев, одновременно с этим распахивая невесомую блузку и изучая контуры женского тела на ощупь.

Кровь закипала, щеки пылали вишневым румянцем, а с губ срывались тихие стоны. Первое интимное касание заставило дернуться в крепких объятиях, закрыть глаза, растворяясь в ласке и покрываясь мурашками. Ногтями я бессознательно истязала плечо любовника. Другой рукой спустилась к его пояснице и скользнула под ткань брюк, сжав дрожащие пальцы. Позже мужчина изучил губами каждый мой позвонок, каждую клеточку тела: от припухших губ до изящных ступней, от усталых век до ложбинки на груди. Мы сплетались телами — изучая, вдыхая и осязая. Это было восхитительное чувство, невероятное, фактически граничащее с волшебством, — особенно последние секунды, заполненные радужными красками и головокружительной сладостью, доводящей до эйфории и заставляющей судорожно глотать воздух, которого в моменты неподдельного счастья так не хватало. Наутро я очнулась в постели одна, поблизости никого не было. Завернувшись в одеяло, я спустилась на первый этаж — там тоже было пусто. Машины в гараже не оказалось. На кухонном столе лежало аккуратно сложенное письмо. В строках, запечатленных на бумаге выверенным почерком, Гордон был как никогда откровенен, признался в том, что все это нереально, неправильно, что я не должна влюбляться в образ спасителя, фактически выудившего юную замарашку из дерьма. Говорил, что поиск девушки из грез стал привычным делом, работой, с которой он путешествует по

Америке. Что не может влюбиться, пока не почувствует абсолютное единение душ. Главная миссия была завершена — я действительно стала идеальной, как и многие другие его ученицы. Но видимо, не настолько, чтобы составить компанию в долгом пути по счастливой семейной жизни.

Ранило каждое слово. Боль, холод и невыносимое отчаяние наполнили собой мое сердце. За окном стоял сентябрь, первые числа осени атаковали календарь. Росс не взял с собой мобильный, зная, что буду названивать. Ближе к ночи, придя в себя, я пролистала все справочники, имеющиеся дома. Звонила в каждый отель, искала нужного человека, руководствуясь лишь именем и фамилией. И ведь нашла его, после чего выслушала долгий монолог, закончившийся словами «Adieu, mademoiselle. Adieu, mon ange».

Он ждал знака, сигнала свыше, хотел убедиться в каком-то божественном понимании, которого до этого был лишен. Что я могла сделать? Заставить звезды рассыпаться по небу в ином порядке? Попросить Богов не отнимать самое дорогое — человека сложного, упрямого, со своими комплексами и проблемами, но болезненно любимого мною?! Выйдя из душа, я попыталась смириться с тем, что это конец. Утешала себя горячим кофе и мыслями о том, что, как бы Гордон ни отпирался, сильное чувство ко мне все-таки живет в глубине его души. Надеюсь на это и ждала помощи Небес. Я выглянула в окно: темнота ночи наступала на окрестности, ставшие мне родными. Лишь силуэт будки сверкал в лунном свете, искрился и выглядел отрешенным от пейзажа. События прошедшего года мельтешили перед глазами: я вспоминала нашу первую встречу, вспоминала то, как приехала сюда. Вспоминала его слова, рассказ о собаке и желании укрепить свои жизненные позиции с ее появлением. Так вот где кроется разгадка!..

Вернув кабель на место и снова взявшись за телефонную книгу, я принялась обзванивать различные питомники. К великому сожалению, все они были закрыты в столь поздний час. Страх потери медленно, но верно убивал меня изнутри. Тогда я набралась смелости приехать к Россу и высказать ему в лицо все, что накопилось — всю боль и обиду вылить на этого мерзавца, пока он бесследно не исчез из моей жизни. Накинув плащ и выйдя из дома, я тщетно пыталась поймать машину на ближайшем шоссе. В кармане оказались всего лишь пара долларов и десять центов. Черт, черт, черт! И почему я не позаботилась об этом раньше?!

Я брела вдоль дороги на протяжении получаса, пока не услышала, как кто-то жалобно скулит, забившись в кусты возле обочины. Боязливо приблизившись к источнику звука и раздвинув ветви, я обнаружила там маленького щенка без роду и племени, выброшенного кем-то, продрогшего и забытого, а после, взяв его на руки, попыталась поверить собственному счастью.

Остановить транспорт все-таки удалось. Пожилой джентльмен подобрал нас с Ларри на улице и любезно предоставил свои услуги за те немногие деньги, что были у меня с собой. Когда я оказалась около отеля, то спрятала малыша за пазухой. Узнав номер у портье, вежливо поблагодарила его, нашла нужную комнату, оставила зверюшку у порога и несколько раз стукнула в дверь так, как ударила однажды серебристую машину незнакомца, а затем побрела домой, чтобы выспаться и оправиться от потрясения.

Утром меня ждал удивительный сюрприз. Пока я спускалась на первый этаж, краем глаза заметила вазу в гостиной. Она была полна белых роз — все еще юных, не до конца распустившихся. Подойдя к столу и склонившись над букетом, я с великим удовольствием вдохнула дивный, легкий, ненавязчивый аромат. Во дворе слышался чей-то задорный смех вперемешку со звонким щенячьим повизгиванием. Выглянув в окно, я увидела Росса, играющего с псом. Тот еще и ходить толком не научился, а хозяин уже заставлял его приносить старый теннисный мячик. Гордон так долго этого ждал, не мог самостоятельно поставить жирную точку на страницах своего не в меру одинокого и печального прошлого. Я сделала это за него — раз и навсегда.

Сейчас мы вместе, уютно и тепло наполнена каждая мелочь совместного быта. Я чувствую любимого необычайно тонко. Проникаюсь каждой новой идеей и каждым желанием человека, не

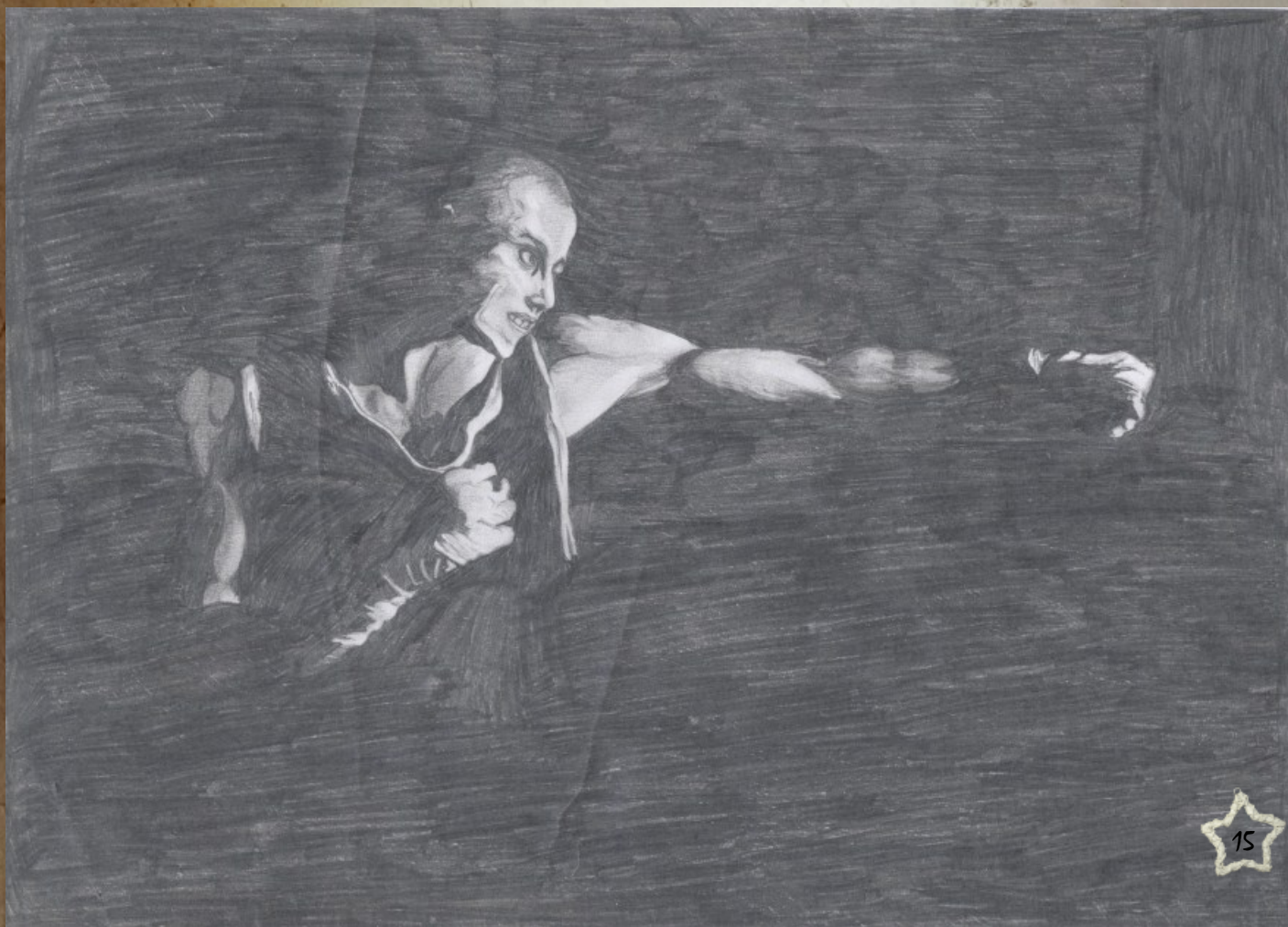
побоявшегося открыть свою душу и ставшего единым целым со мной. Он позволил мне родиться заново, я же в ответ превратила его из расчетливого первооткрывателя в застенчивого романтика, способного идти на компромиссы. Раньше он не знал, как именно поблагодарить меня, но сейчас сделал это тонко и мило, произнеся короткое «Pardonnez-moi» и бережно обняв со всей возможной теплотой.

За время нашей совместной жизни я обрела главное, то, чего не хватало одинокому мужчине в общении с другими девушками, — понимание. Научилась читать по губам и знаю, что необходимо любимому для полного счастья. Теперь же эту уникальную способность никто не отнимет... Пусть только попробуют!





Ирина Жарушкина





Александр Савостьянов

Звёздное время

Эра звёздная и разумная
Зародилась в лучах зари,
Время солнечное и лунное
Воплощая в календари...

В смысле вечности беспокоиться —
Мне так кажется — не резон!
Время просто не остановится —
Не для гибели Мир рождён...

И пока небосвод вращается,
Солнце светит на небесах —
Тенью вечности обращается
Время звёздное на часах!



Вера Арнгард

Ожидание

Средь сладкой вишни мой теперь приют,
Я волосы закалываю мятой,
И мне всю ночь малиновки поют
О том, что реки времени — возвратны.
Порой ночной, когда тебя я жду,
Как будто ты приехать должен вскоре,
Горит свеча на скатерти в углу,
Под соснами, шумящими на воле.
Я мерзну, вспоминая рук тепло,
И губ твоих всеведущих истому,
И Млечный путь, как бледное весло,
К тебе гребет сквозь звезды невесомо.



Александр Винокур



Снова бабка-повитуха осень вынесла на свет

Снова бабка-повитуха
Осень вынесла на свет:
Лес рябой и желтоухий,
Облаков дырявый плед...

Смотрит пруд печальным взглядом,
Провожая птиц отлёт;
Пёстрым танго листопада
Крутит синий небосвод...

В прошлом летние забавы,
Одинок песчаный пляж...
Погрустить пора, Вы правы,
Вспомнив знойный эпатаж...

Ждут гостей: грибное царство,
Море яблочных огней,
Всех цветов на клумбах астры -
В полотне осенних дней...



Итак, дорогие читатели, с этого номера в нашей газете появляется тематическая рубрика. В ней будут собираться произведения посвященные какой-то одной теме. Так как девятый номер выходит в конце декабря, под новый год, вполне логично было выбрать для этого номера тему «Зима. Зимние праздники».



Михаил Собаков
С новым годом!



Сегодня я наконец-то поверил, что наступил новый год — год Зайца.

Зимний питерский вечер. Стою в ожидании «зелёного» на перекрёстке Пискаревского и Мечниковского проспектов и слушаю мою любимую композицию «Маленький цветок» Сиднея Бише. Вечереет, «новогодние каникулы», спешить некуда.

Вдруг откуда-то снизу, будто из-под бампера моей «Ксюши» (Daewoo Nexia), выскакивает заяц-русак и гигантскими прыжками устремляется на «красный» по Пискаревскому путепроводу. А за ним следом, невзирая на весёлое «бибиканье» водителей, большущая, голов в двадцать, свора собак различных пород: от болонки до дога. Впереди, оглашая занесённый снегом проспект неистовым лаем, несётся поджарая, жёлтая с подпалинами гончая, длинноногая красавица-сука. За ней, чуть отстав, огромный мраморный дог и две немецкие овчарки. А там уже и вся остальная мелочь пузатая: дворняги, две короткошерстные таксы — рыжая и чёрная, астматик чау-чау с высунутым синим языком на плече, пекинес, пара болонок. В арьергарде ковыляет на тоненьких ножках тойтерьер, большеглазый, похожий на новорожденного оленёнка. Как только его, бедного, не задавили?

А чуть позже, вслед за ними, размахивая руками, несётся разношерстная компания собаководов-хозяев. В распахнутых шубах, запотевших очках, без шапок, задыхающихся, хватающихся за сердце...

Наивные люди. Они думают догнать уходящее время...



Лада Петрунина
Снежный ангел



Во дворе, где морозно и снежно,
Дети бабу лепили смешную.
Комья снега катая небрежно,
Кособокою и небольшую

И хитринкой взор ее светится,
Отражая стекляшками солнце.
Даже самый хмурый излечиться,
Увидав это чудо в оконце.

И стоит эта снежная баба,
Охраняя спокойствие двора,
Принимающая, как награду
Все, что делает с ней детвора.

И снежком слегка припорошена,
Свои ветки, как крылья, раскинула.
В зябких сумерках всеми заброшена,
Словно только что небо покинула.

Может быть неказистая с виду,
С новым снегом одев чистоту,
Не держа на создавших обиду,
Даря радостно всем доброту.

Это ангел, пришедший со снегом,
Чтоб помочь нам увидеть добро.
К нам на землю, ниспосланный богом
Вместо нимба, одевший ведро!.



Наталья Рыжик

Чудеса бывают



— Чудес не бывает, — думал Андрей, медленно шагая ранним утром по пустынной улице на автобусную остановку. Ветер гнал впереди скомканную обертку от мороженого.

— Вот и я похож на этот бумажный шарик. Несет меня неприкаянная судьба, не давая возможности хоть за что-то зацепиться, остановиться, успокоиться. Ни семьи, ни собственного жилья, а тут еще на работе проблемы. Сплошная невезуха! Даже новогодние праздники отметить не с кем. Придется, видно, в деревню к родителям ехать — и им радость, и самому не так одиноко.

Неожиданно зазвонил мобильник.

— Дедушка Мороз, — тоненьким детским голоском произнес неизвестный абонент, — подари мне, пожалуйста, щенка игрушечного. Большого, серенького и пушистого, как у Алинки. Ей недавно папа такого привез. Он Алинку балует: на руках носит и называет «Моя принцесса!». Жаль, что Деда Морозы не могут пап дарить...

— А у моего сына сейчас совсем другой папа, — подумал некстати Андрей, — Антошка теперь москвич, в элитную гимназию ходит: иностранный с первого класса, музыка, плавание. Обо мне, наверное, даже вспомнить некогда.

Мужчина поднял глаза на стеклянную витрину киоска возле остановки и вздрогнул от неожиданности. Прямо на него, чуть наклонив большую пушистую голову, смотрел оттуда серый игрушечный щенок. Сам не зная зачем, Андрей приобрел его и сунул в пакет с гостинцами. Сейчас в деревне что угодно купить можно, были бы деньги, да как-то не принято приезжать из города с пустыми руками.

Дома за столом мама спросила:

— Андрюша, ты не забыл Танечку? Я ее недавно в райцентре на рынке встретила, душевно с ней обо всем поговорили. Жаль, что у вас не сложилось: все-таки хорошая она женщина. Я и Викашке сувенир передала — игрушечного Деда Мороза. Говорят, на тебя она очень похожа. Я Татьяне номер телефона твой продиктовала на всякий случай. Не звонила она тебе?

«Звонка, конечно, не поступало. Таня — гордая. Даже о рождении дочери ничего не сообщила. Сильно обидел я ее тогда», — подумал Андрей.

...Шесть лет назад он серьезно рассорился с женой. Ушел, хлопнув дверью, казалось, навсегда, посчитав себя незаслуженно оскорбленным.

Поехал к родителям, благо был в отпуске. Вечером, чтобы развеяться, отправился со старыми друзьями на танцы в соседнюю деревню.

Ребята подходили к ступенькам сельского клуба, когда оттуда навстречу им выпорхнула стайка девушек. Одна из них неловко поскользнулась, потеряла равновесие и упала прямо в объятия Андрея.

Стремительный страстный роман продолжался ровно десять дней. Парень даже с мамой свою подружку познакомил. Обе так понравились друг другу. Но потом позвонила супруга: «Антошка заболел!». Встревоженный отец помчался в город. С тех пор Татьяну он даже не видел, хоть и вспоминал часто.

И вот, спустя годы, шел Андрей по заснеженной тропинке к незнакомому домику в деревне. Кажется, здесь ничего за это время не изменилось. В ответ на стук до боли родной голос произнес: «Войдите, не заперто».

В прихожей никого. Андрей нахлобучил вытасненный из кармана красный колпак, достал из сумки игрушку.

— Какой он красивый, этот щенок, даже лучше чем у Алинки, — детские глаза распахнулись от восторга. — А меня Викой зовут. На коробочке твой номер телефона записан был? Я у мамы мобильник взяла потихоньку, когда она еще спала. Я уже цифры знаю и набирать умею. Как ты так быстро меня нашел, Дедушка Мороз?

Андрей подхватил малышку на руки: «Как же ты вовремя позвонила, моя принцесса!».

А говорят, чудес не бывает!



Роза из мороза



— Нет ничего страшного в том, что Новый год я буду отмечать в одиночестве. Не я первая и не я последняя. Просто обстоятельства в этот раз сложились не лучшим образом. Дочь Юлька решила остаться в праздничную ночь с подружками в городе, мама уехала на все десять дней навестить новорожденного внука - сестренка постаралась аккурат к Рождественским каникулам подгадать с наследником. А Маринка, подруга называется, подвела...

Ну, так пусть хоть она в эту ночь будет счастлива. Мне в свои сорок лет уже не до капризов. Докрошу Оливье, посмотрю телевизор, а там — шампанское под звон курантов — и баиньки.

Лена закончила шинковку продуктов для салатов и собрала очистки в ведро на кухне.

— Непорядок это, оставлять прошлогодний мусор — весь год тогда дом будет засоряться. Она толкнула входную дверь, шагнула из ярко освещенного коридора в темноту и вдруг, споткнувшись обо что-то мягкое, полетела вперед. Содержимое ведерка высыпалось прямо на лежащего у порога человека.

— Свят-свят, видно кто-то досрочно Новый год отметил. Может, милицию позвать? Вроде живой, только пьяный очень. Личность незнакомая, очки на носу, ну точно Шурик из «Кавказской пленницы».

Мужчина открыл глаза, вполне внятно произнес «Роза из мороза» и опять впал в бессознательное состояние.

— Замерзнет ведь, жалко, все ж живой человек. Оттащу его в коридор на диванчик, там тепло и украсть нечего. Утром, если не смогу вытолкать, позову кого-нибудь на помощь, а сейчас не хочется портить людям новогоднюю ночь.

Наутро незнакомец имел такой страдальческий вид, так горячо извинялся, что Лена посочувствовала: принесла горячего кофе, таблетку аспирина и согласилась выслушать. История пребывания Алексея в поселке была действительно необычной, но, оказывается, кое-что Елене уже было известно. Ох, уж эта Маринка!

...Маринка, подруга и сотрудница - долго и безрезультатно ухаживала за охранником их офиса Андреем: «Не могу понять, что ему надо: мы оба свободны, чертовски привлекательны, и квартира у меня пустая. Так нет, только начну уделять внимание, он сразу строит из себя оскорбленную невинность. Ну, погоди, Андрюшечка, уеду в город, еще локти себе кусать будешь!».

Эта угроза была вполне реальной. Однажды в областном центре Маринка посетила вечер «Кому за 30» и нашла там себе поклонника. Невзрачного, правда, но с жилплощадью. Он, как оказалось, впервые пришел на вечер - друг вытащил. Яркая Маринка не стала дожидаться объявления белого танца... С тех пор она несколько раз ездила на встречу с Алексеем, ходила с ним в кафе, кино, театр. Ей нравилось командовать мягким, интеллигентным мужчиной, но раздражала его робость, инертность: всем хорош, но не орел!

Когда на работе стали отмечать Новый Год, Маринка намертво прилипла к Андрею: сидела рядом, игриво смеялась, то и дело наполняя стакан, во время танца томно вздыхала и опускала головку на плечо. В общем, парень в конце концов сдался, и с вечеринки парочка исчезла вместе. Елене пришлось идти домой одной.

Тем временем, городской жених Алексей решил сделать красавице сюрприз. Он купил розу, бутылку вина и приехал к Марине. Соседка сказала, что она отмечает праздник на работе. Мужчина долго стоял под окнами офиса, не решаясь войти. В освещенном окне,

как на экране, проходило перед ним корпоративное мероприятие. Алексей хорошо видел, как висла на другом парне Марина, как применяла все свои женские уловки и, наконец, добилась своего.

А еще его внимание привлекла полненькая женщина, которой не хватило партнера во время танцев. Стоя в сторонке, она раскачивалась в такт музыке. Мужчина испытал сочувствие и какую-то душевную близость, ведь они оба оказались «чужими на этом празднике жизни».

Незнакомка вызвала ассоциацию с пышным, но заледеневшим цветком, который Алексей держал в руках. Так же, как замерзшая роза, она казалась поникшей и скованной, такой беззащитной и трогательной, хотя была прекрасна и нежна.

Алексею сразу же захотелось обогреть ее теплом. Поэтому, когда все стали расходиться, он пропустил смеющуюся Марину с кавалером, а сам отправился украдкой за Леной. Подошел к забору и, чтобы не замерзнуть, для смелости, а также от избытка впечатлений, выпил принесенную с собой бутылку. Хотел было войти в калитку, но тут появилась ватага ребят: «Прими, дядя, для сугреву! Ты что, как не свой! Или нас не уважаешь?» Пришлось выпить и с ними, чтобы отвязались. Дальше он ничего не помнил.

Таким образом, судьба свела в новогоднюю ночь двух одиноких людей: Елену и Алексея. У случайных знакомых оказалось много общего. Тепло прощаясь, они обменялись телефонными номерами. Ровно через год состоялась их свадьба, где Марина, которой так и не удалось наладить личную жизнь, стала свидетельницей.

Когда жених вручал невесте роскошный букет, он, волнуясь, произнес: «Среди этих роз ты — самая прекрасная!»







Любовь Селезнева
Поглыб матери. Пропаша



Основано на реальных событиях.

Дорогой сестре Галай Раисе Петровне посвящаю

— Иванивна! Збирайся швыдче*! Не тримай* машину! Нимци вот-вот зайдуть! Хвылыну* даю, нэ бильше!

Лицо председателя колхоза было красным, лоснилось от пота, а вид испуганный, задёрганный.

Он битых два часа орал, собирая женщин:

— Тикать вид смерти трэба, а вы, бачь, оклунки спасаетэ...

На его плечах лежала ответственность за жизнь своих колхозников, на которых держалось снабжение фронта продуктами.

А фронт подходил всё ближе, снаряды уже рвались у самого села. Канонада орудий приближалась с каждым часом. От стрельбы дребезжали стёкла в хатах. Тишина недавно тихого села разрывалась на осколки взрывов.

Только что отбомбилась стая «Мессеров», разворошив дома, пекарню и школу. Бомба попала и в конюшню, враз порешила почти всех лошадей, которые были непригодны фронту.

— Да я щас, Федулыч, тильки оклунки покидаю в кузов и пойихалы.

Оклунков, корзин, мешков и узлов высылась приличная гора.

— Ты шо, Иванивна, нэначе всю хату збираисся с собою браты, га? Бери само необходимэ да дитей, Чикать* не стану!

С этими словами Федулыч закинул через плечо пару оклунков, в руки взял лоскутной свёрток и бегом всё отнес в дом. Открыв ляду подпола, покидал их туда. Позвал на помощь. Прибежали несколько подростков и шустрый дедок, похватили вещи и мигом управились.

— Гриша, ты тут? — окликнула мать сына.

— Тут, мамо, тут! Сидайте! — Сын из полуторки подал матери руку.

Но куда там садиться, если яблоку негде было упасть! Женщины, дети, старики, подростки сидели друг на друге, а только что запрыгнувшие мальчишки животами улеглись на деревянной кабинке.

Иванивна еще не успела занести за борт вторую ногу, как машина резко рванула с места и понеслась полем, в объезд тракта, чтобы по дороге не встретиться с фашистами. Иванивна была спокойна: если Гриша тут, то и дочки с ним. Потому, не спеша разговаривая с обеспокоенными соседками, искала место своему скарбу, но так и не нашла. Сидела на чемодане и мешке, корзину держала на коленях. Заправила под платок выбившуюся красивую косу - предмет гордости воевавшего на фронте мужа.

А коса у неё была шикарная, тёмно-русая, толщиной с руку. Бывало, уложит её вокруг головы корзиночкой и ходит королевой.

Сама она хоть не красавица, конечно, и росточку метра с полтора, но пышногрудая и не худышка; нос курнос; лоб малюсенький; губы полные, рот широкий, а ушки такие аккуратненькие как у младенца. Выцветшие брови полудугою обрамляют светлые, добрые глаза. В молодости у неё на щеках были симпатичные ямочки, а сейчас (видно, от горя) они превратились в морщины. Зато её тело было удивительно мягким, нежным, всегда тёплым. Маленькие руки с какими-то детскими пальчиками были сильными и умелыми. Петруша любил её до

самозабвения.

Где-то теперь он, муж её любимый, разъединственный? Наверное, тоже в аду обстрелов и в смертельной опасности. Семью свою в боях защищает. Знал бы он, каково им тут приходится... Что-то уже давненько вестей не шлёт. Ранен ли, здоров ли? И вообще, жив ли?.. На борозде колхозного поля грузовик так тряхнуло, что люди чуть не вывалились из кузова. Заплакал грудной ребёнок.

— Ох и бо! Це, мабуть, моя доня, — всполошилась Ивановна. — Гриша, передай мэни Любочку! Я ей груди дам.

— А де вона?

— А ты чи не взяв йии, чи шо? — побелела мать.

— Я думав, шо вы... чи Рая...

— Так и Раи нема? — закричала она, перекрывая завывания мотора. — Ох, боже ж мий, Боже! Люды добри, дэ ж мои диты?

И без того перепуганные пассажиры полуторки в растерянности оглядывались, ища глазами пропавших детей Ивановны. Но в кузове их не было...

— Ой, караул! Дитэй посиля! — заголосила женщина. — Остановить машину! Остановить шас же! — Женщина заметалась в крике: — Хлопчики, стучить шофёру, хай видстановыться! — И ещё громче закричала: — Сто-о-ой!

Но в таком рёве мотора, при такой скорости шофёру никаких криков не слышно. Мальчишки забарабанили в крышу кабины кулаками и пятками, но недовольный Федулыч показал им в окно огромный кулак, а шофёру приказал жать на все газы.

Ивановна по ногам, по чьим-то рукам и вещам пробралась к борту, мигом перемахнула его и свалилась в колючее, спелое жито, успев лишь крикнуть сыну:

— Йидь, Гриша, може хочь ты выживешь.

И уже вслед убегавшей вдаль полуторке, на лету в жнивье:

— Я до ха-а-ты-ы!

12-летний мальчишка увидел, как мать на ходу машины упала, несколько раз кувыркнулась и пыталась подняться.

— Ма-а-мо-о! — закричал он и стал пробираться к заднему борту, чтобы выпрыгнуть следом за матерью. Шустрый дедок его попридержал за ногу, уговаривая не рисковать. Но Гриша, другою ногою двинув его в рыжую бороду, вырвался из костлявых рук и перемахнул через низкий борт. Вслед ему полетели чемодан, мешок с вещами и корзина с едой, да матюки деда. Мальчишка не совсем удачно приземлился — хромал. Так, шкандыбая, он собрал с поля вещи, застегнул чемодан. Подобрал и разбросанные холщовые мешочки и узелки с едой, уложил их в корзину и поплёлся к матери, сидевшей вдали.

Стояло июльское пекло. Разъярённое солнце готово было, казалось, расплавить все живое и мёртвое. Пыль и гарь близкой передовой забивала горло, дышать было нечем. Он задыхался ещё и от жажды да груза, но упорно тащился вперёд. Потом бросил вещи и бегом побежал к матери, думая, что она разбилась и не может встать.

Но она с трудом поднялась и замахала сыну — мол, не бросай скарб. Он понял и вернулся. Разбитые коленки и локти так саднили, так пекли болью, что впору закричать. Но хлопчик снова и снова брал чемодан, тащил его вперёд метров на 30, возвращался, взваливал мешок на горб, брал в руки корзину и нёс вперёд метров на 50-60. Затем снова возвращался за чемоданом и... Так добрался до мамки.

У неё было в кровь исцарапано лицо и до самой резинки порвана юбка. В ладони застряла огромная заноза, которую она силилась вытащить зубами, потому и сидела так долго, казалось, без движений. Из нижней полной губы на её пышную грудь стекала струйка крови. Вездесущие мухи, надоедливо зудя, липли к ранам и никакими судьбами их было не отогнать. Гриша

испугался:

— Мамо, чи вы ранетые*?

— Ничого, сынок, до хаты якось доковыляю. А ты-то як? — Мать посмотрела на его изодранные штаны, сквозь дырки которых видны не менее изодранные коленки. Царапины были забиты пылью.

— А ну йды сюды! Блыще, блыще.

Гриша подошел к самому лицу матери. Окровавленными губами она впиалась в его коленку, высасывая и вылизывая грязь из ран сына, постоянно сплевывая её.

— Больно, мамо! Больно! Ны надо!

— Надо, сыну! Грязюка вопьецца в кожу и полосы на всю жисть оставит. А тоби воно надо?

— Не-а...

— А щась отвернись и промой коленки мочою — це давний способ вид загноения.

— Тю.. — засмушался парнишка.

После этой процедуры обеззараживания ран мать приложила к его коленкам листы подорожника, оторвала от головного платка полосы и замотала ими все раны сына.

— Ну и як воно?

— Та лэгше.

— Тэпэр, сыну, вытащи-но мини занозу.

И подала ему иголку с суровой ниткой из-под воротника цветастой кофты. Про свои разбитые коленки и локти она промолчала - их под одеждой не видно. Притом, очень болел бок, на который она приземлилась.

Толстая заноза сидела глубоко в ладони. Конец её Иванивна отгрызла зубами, когда ещё только приземлилась, а дальше Гриша - конечно, не хирург — исковырял всю её ладонь. Она молчала. Прокопавшись довольно долго, хлопец высосал из раны кровь.

— Щась я отвернуся, а вы, мамо, тэ ж зробіте, шоб ладошка нэ загноилася.

— Вот, бачь, ты який гарный ликарь — рецепту запомнив...

Привязав лист подорожника к ладошке, и, как говорится, «пошли они, солнцем палимы». Выйдя на шлях, увидели ужасы бомбёжки: брошенные, перевёрнутые телеги и повозки, пуховые перины, массу раскиданной одежды, посуды и прочего скарба. Даже открытые кованые сундуки с добром валялись. Над полем и шляхом ветерок гонялся за белыми снежинками из раненых подушек. Но самое страшное - трупы... Трупы мужчин, женщин, детей... Трупы лошадей, коров, собак и овец...

Над ними зудели рои мух и ползали муравьи, а в небе кружились вороны. Запах тут стоял смрадно-тошнотворный... Запах разложившихся, раздутых на солнце тел. Зной сотворил своё жуткое дело.

— Ой, мам, гля, це ж наша вчителька*. — Хлопец в растерянности остановился у распростёртого в неудобной позе окровавленного тела молодой. Ветер перелистывал страницы тетрадок и книг. У её ног на одной из тетрадок лежал окровавленный обрубок руки. На пальцах сохранились следы от чернил... Мальчик содрогнулся.

— Царствие ей небесное! — перекрестилась Иванивна, закрывая ладонью уцелевший глаз убитой. Другой глаз, видимо, выклевала чёрная птица. — Ходым скорийше видсися, сынок. — Мабуть, из Валуйской школы шла, — только и вымолвил он, укрывая убитую жизнь найденным вблизи рядом.

Слёзы на лицах матери и сына смешались с пылью трудной дороги.

Гриша задыхался не столько от зноя и пыли, сколько от ярости.

— Прокляти хфашисты! Вчительку нашу вбылы, гады! — Горевал ученик, шмыгая хлопавшим носом. — У неё же мать слипа, як вона сама житы буде?

— А мы ей не скажимо, шо Оксана Ёсиповна сгинула, — мудро решила Иванивна. — Так вона хочь ждаты дочку буде и якось житы...

— Я ей помогать стану! — вызвался Гриша.

— Ото дило! Гарный хлопчик у мене растэ!

«Всёдно я на фронт сбигу и отомщу катам за вчительку!» — мстительно пробурчал юный патриот: под его рубашкой у сердца алел пионерский галстук.

В небе загудели моторы приближавшихся самолётов, и вскоре черные вороны со свастикой стали скидывать бомбы. Мать и сын залегли в неглубокой яме от взрыва, злобно провожая глазами фашистские машины. Бомбы упали вдали от них. Но тут один самолёт пролетел над шляхом, и на втором круге стал поливать пулями лежащих вокруг мёртвых, видимо, приняв их за живых. — Вот проклятушие, даже мёртвых бояться! — вставил Гриша, поднимая голову. Но мать треснула сына по затылку, пригибая его носом в склон воронки, и прикрыла сына своим тяжёлым телом. Не удовлетворившись налётом и обстрелом, фашист снова развернулся и стал скидывать вниз какие-то пакеты, которые сразу взрывались, едва касались земли.

— Це вин мины кидае, — догадалась мать и перекрестилась: — Господи, спаси и сохрани!

— Чи таки большие мины бувають? — с сомнением спросил её Гриша.

— Так воны в связке! Их там, може, десять, а може, и вси двадцить...

Мины взрывались с оглушительным грохотом и треском, далеко окрест рассеивая миллионы осколков, потому и назывались "осколочными минами".

Над головами залёгших осами прозудело множество из них. Но, слава Богу, мимо. Большое зарево вспыхнуло над лесом, загорелось жнивье и скирда вблизи шляха. Когда налётчики улетели, мать и сын увидели удручающую картину: где лежали убитые, там, оседая, клубилась пыль. Как в замедленном фильме, на измученную землю еще долго падали и падали с неба ошмётки грязи, фрагменты человеческих тел и разбитых вещей...

— Вот, бачь, як воно выйшло, шо мертвым пришлось дважды вмирать, — комментировала увиденное мать.

— Ладно до нас не дотягнув, а то б ... — Гриша съёжился.

— До нас-то не дотягнув, а вот бомбил явно наше село... Господи, оставь живыми моих дитэй, билыше ничего не прошу! — снова закрестилась Ивановна.

Взвалив мешок с вещами на плечо, в здоровую руку взяла корзину с провизией, а Грише отдала чемоданчик с самыми ценными вещами.

— Ходим скорийше до хаты, сыну. А то як там наши девча?..

Пока они километров 10 шли до дома, бомбёжки их настигали ещё дважды. Переждав эти кошмары в воронках, мать и сын добрались до дома только к вечеру. На кофте матери сын увидел потёки и догадался, что это Любашкино молоко протекло. Но сын не знал, что под одеждой сочатся кровью материнские раны и саднит острой болью сломанное ребро. Он об этом узнал лишь на другой день в хате. Узнал и обомлел: как же она шла эти долгие километры? Да ещё и груз несла! Ни слова не сказала... Это стало для подростка примером мужества и терпения.

Деревню свою они не узнали, так она была обезображена взрывами и пожарами. Догорали сады, плетни и баньки. Дым стелился понизу и щипал глаза. Тьма застила опустевшее село. Люди, как птицы при опасности, покинули свои гнёзда...

На все эти горестные события равнодушно пялила безвинные глаза купавшаяся в чёрных облаках луна. Ей-то что? Там, наверху, ей безопасно, а на истерзанной Земле горе, смерть, разруха... К счастью, их дом оказался цел, только в саду, где созревали дули, зияла глубокая воронка. Дуль не было... Кудрявостройные грушицы трупами лежали за садом и незрелыми плодами плакали о своей несостоявшейся доле.

— А ци ж груши наш батько садыв... — Болью вырвалось из груди сына.

Знать бы ему, что в этот день, а может, и в тот момент гибели груш погиб и сам его батько... Позже эту трагическую, феноменально-мистическую историю подтвердит дата пришедшей похоронки...

Да матери было не до груш. У неё душа разрывалась от неизвестности — где дочки?

Бросив у калитки вещи, она заспешила в дом.

Он оказался тоже пуст. В коровнике спокойно лежала корова и равнодушно жевала жвачку. Однако Зорька не забыла радостно поприветствовать свою доярку радостным муканьем: а я, мол, так и знала, что ты вернёшься... В сарае в метаниях визжали голодные, испуганные поросята. В курятнике шикарный петух на насесте, увидев хозяйку, сонно зацокотал об этом выводку подруг.

«Хозяин!» — одобритительно кивнула ему Иванивна.

Собаки в конуре не было. Собаки и кошки задолго до бомбёжек покинули дома. Но и дочек тоже нигде не было...

— Дони мои, дони, де ж вы, диточки? — громко заголосила мать в хате, присев на скрипучую деревянную кровать. И застонала. Видимо, не только от потери детей, но и от ран на теле.

— Я тут! — пропищал чей-то охрипший голосок из-под кровати.

— Ох, и бо! — Иванивна театрально всплеснула руками и взглянула вниз. — Раичка, дэ ж ты була, дытына моя? — Вытащив девочку из-под кровати, она пригорнула её к себе и слёзно спросила:

— А Любочка дэ?

— Не знаю, — дрожа всем телом призналась 10-летняя дочка.

— А шо ж ты на машину нэ сила? Я ж тиби строго наказала — брать сестричку и - в машину, пока мы будемо скарб таскать.

— Я...я... побоя-а-лась... — заревела Рая, утирая нос подолом платья..

— Чого?

— А я Любочку не знайшла-а-а...

— Куды ж вона подивалася?

— Нэ зна-аю-у... — и заревела ещё громче.

— Ох, и бо! Матирь Божья, невжеж, йии на машини увезли? — переполошилась мать и села сцеживать из переполненных грудей молоко. — А-ну, рассказуй, як було дило?

Оказалось, испугавшись бомбёжки и наказания матери за то, что нянька проворонила ляльку, девочка в страхе спряталась под кровать, и там в слезах уснула.

Рассказ испуганного ребёнка прервал гул усиливающейся канонады. Снаряды с гуканьем и страшным свистом, казалось, падали совсем рядом. Их буханье разрывало истрадавшуюся Землю, молотом ударяя по мозгам людей, а свист наводил ужас скорого падения, как неминуемой смерти, и закладывал уши. Девочка соскользнула с колен матери и в панике снова юркнула под кровать. Её еле достали оттуда, так она в истерике кричала и упиралась.

— Ну, шо ты, доня моя, боишься? — Мать склонилась и на четвереньках пыталась заглянуть под низкую кровать. — В хате нам не спастися. Ходим-но у ледник, там сховаємось. Там крепкие стены, там бомбы — заразы нас не достануть! — уговаривала мать дивча.

Дрожащая девочка с радостью согласилась и первой спустилась по ступеням вниз, когда мать сняла с двери тяжёлый замок. Там у них, как в настоящем бомбоубежище: есть и стол из ящика, и нары, спички, свечки и семилинейка с керосином. Даже ждала тряпичная кукла Катя. Гриша на кирпичной стене приспособил полочку для книг и тетрадей. На стене висел портрет воевавшего на фронте их батьки. В углу под крохотными, вышитыми Раею, рушниками грустно глядели на них лики святых.

До войны здесь хранились запасы еды: в бочках со льдом сыр и брынза, шматки засоленного сала; в глечиках — залитое смальцем мясо; сюда же из сарая перенесли железные бочки и кадушки, в них хранили зерно, квашеную капусту, засыпали картошку. По полкам, бывало, развисясь, тулились пузатые тыквы. На жердочках парами висели, жёлтозубо улыбаясь друг другу, пучки початков кукурузы.

Обязательным в рационе был и душистый мёд - деревянная игрушечная кадушечка теперь манила лишь бывшим ароматом. На её дне в тряпицах Гриша хранил собранное в поле оружие. Он разобрал его на запчасти, смазал солидолом и спрятал в надежде сбежать на фронт. В добрые времена тут всегда был в запасе лёд, так что молочные и др. продукты долго

сохранялись холодными и свежими. Сейчас от запасов остался шиш да маленько...

Переждав бомбёжку в леднике, семья наконец-то зашла в дом и села вечерять. Нарезая сыр и хлеб, разливая детям из кринки молоко только что подоенной Зорьки, мать всё плакала и причитала о пропавшем младенце.

Вдруг откуда-то, как из преисподней, послышался отдалённый писк. Она подумала, что это ей уже мерещится. Но плач ребёнка продолжал терзать её сознание и она замерла. Гриша быстренько сообразил ситуацию и открыл ляду подпола. Плач стал громче. Он радостно спрыгнул на ступеньки и среди оклунков, мешков, узлов, тряпок и корзин из-под самого дна нагроможденных в спешке вещей обнаружил... свою сестренку. Целую и невредимую, закутанную конвертиком в одеяло.

Видать, мужики или пацаны, кидавшие в подпол оклунки и мешки, не заметили ребенка и бросили свёрток вместе с вещами. И это просто какое-то чудо, что ребёнок остался жив! Опухшая от слёз, мокрая с ног до головы, потная Любочка отчаянно верещала и сучила крохотными ножонками, возвещая о том, что она пришла в этот мир не умирать, и что жизнь продолжается! Но с улицы снова послышался грохот, засверкали всполохи и это прервало радость единения семьи, обретения драгоценной пропажи. Дети привычно приняли его за новый налёт бомбардировщиков или артобстрел и уже готовы были снова бежать спасаться в своё бомбоубежище. И только мать впервые за войну рассмеялась и успокоила детей радостной вестью:

— Нэ лякайтэсь*, це ж гроза, диточки мои! - и крупно перекрестилась. - Слава тобі, Господы! Дождик пишов!

Живительный, тёплый летний дождик многоточиями забарабанил по синим ставенькам пригорюнившейся было их старенькой хатки. С соломенной крыши на присьбу* напевно полились струйки, заботливо умывая её глиняные бока.

Дождь! Он наверняка прибьёт пыль, напоит раненные сады и усталые от зноя травы...

Дождь! Он обязательно смоет кровь невинно павших и навеки закроет их глаза... Он, дождь, совершит за людей последний христианский обряд: своими чистыми, небесно-горькими слезами оплачет и обмоет всех убитых, разбросанных на дорогах войны... Дождь... Как долго его ждали! Как мила эта мирная гроза, как радостна обычная молния! Она не хлестала трассирующими пулями, а лишь освещала все пакостные злодеяния войны. Эта первая с начала лета мирная гроза отзывалась в сердце салютом надежды скорой Победы. И только одна Рая не поверила в настоящую грозу: она в панике снова юркнула од кровать... Она, и став седою, при раскатах грома всегда мечется и ищет, где бы спрятаться. Ей так и кажется: начинается не гроза, а бомбёжка...

Синими глазами испуганного детства она с опаской поглядывает на ворочавшиеся в вышине тёмные тучи, из которых когда-то вылетали чёрные вОроны со свастикой на брюхе и крыльях, стреляя в неё, в её любимую корову, в её родимый дом...

Они убили её единственную радость детства — тряпичную куклу Катю.

А метавшиеся на небе молнии видятся ей всполохами взрывов и пожарищ той жестокой, давно прошедшей войны...

* Швыдче — быстрее (с украинск.)

* Тримать — задерживать

* Хвылына — минута

* Чекать — ждать

* Вчителька — учительница

* Не лякайтэсь — не пугайтесь



Подвиг матери. Под прицелом



Основано на реальных событиях

Матери моей Селезнёвой Евдокии Ивановне с любовью и благодарностью

Бои шли такие жестокие, что без упавшей пули или осколка в местах боёв места не осталось. Под таким натиском врага Советские войска спешно собрались и, забрав почти всех раненых, отступили.

Что же это такое? Снова (в третий раз!) нужно жить под вражеской пятой? Нет уж, увольте! Иванивна решила во что бы то ни стало эвакуироваться. Удивлялась лишь одному: почему их бросили свои же?..

Квартировавшие в её доме красноармейцы оставили солдатке полуслепую лошадку, а за хороший уход ещё и колхозную корову — кормилицу для детей. Ведь их Зорьку немцы слопали еще в первую оккупацию.

Погрузила она свое добро в бестарку, детей посадила сверху и поехала следом за сбежавшей ридной армией. Корову немцам на съедение тоже оставлять не пожелала — привязала Ночку к возу. Отъехала Иванивна от села километров 4-5, как тут же на шлях налетела немецкая авиация и давай на беженцев бомбы кидать да расстреливать сверху из пулемётов.

А беженцев была тьма, — ведь пожилые при фашистском режиме, нахлебались горя, намотали соплей на кулаки, больше желающих им служить не осталось. Кто на велосипеде ехал, кто корову или быка впряг в арбу или тарантас. Кто сам впрягся в небольшую тележку и тикал от немецкого «рая». Но больше всего было пешеходов — шли с детьми, в руках несли немного вещей в запас, да снедь в узелочке.

Но немцу было всё равно — дети, старики, калеки — стрелял без разбору... С жутким воем ревели груженные бомбами самолёты. С гуком бабахали, взрываясь на земле, бомбы. Стрекотали пулемёты и автоматы, разлетались осколками гранаты, горели вещи и люди. А тут ещё и дальняя — своя и чужая — артиллерия шума добавляла.

На дорогах началась паника: люди в страхе и ужасе искали спасения в любом укрытии, бежали в овраги, к лесу, в воронки.

Но падали, тут же подкошенные пулями или осколками.

Кричали раненые, плакали дети, ревели и разбегались обезумевшая от страха и крови скотина...

Ну, кто описывал ужасы ада, тот не видел этой картины — именно здесь был настоящий ад! В этой бомбёжке убили и каурку Иванивны: у спасительного оврага догнал её большой осколок и разворотил брюхо. Внутренности вместе с будущим жеребенком вывалились ей под ноги. Она выпучила глаза, жалобно заржала, и захрапев, свалилась, беспомощно суча ногами, поднимая клубы пыли и грязи.

Никогда не забыть виноватого взгляда полуслепой лошадки. Она словно просила прощения за всё зверства фашистов, за то, что не смогла вывезти семью. И вообще ничего не смогла. Даже спасти их от бомбежки.

"Нет, простите, — говорили её глаза, заполненные болью. — Я бы смогла, да мне не дали убийцы про...клятые... не да...ли... Уби...ли ме...ня... хррр..."

Телега перевернулась на самом краю воронки, весь скарб раскатился. Ладно, дети сумела вовремя выпрыгнуть. Залегли вчетвером в овраге вместе с Ночкой — ох, и послушница колхозная рекордистка, что досталась солдатке от армейцев. Всё понимала и даже

опасность чуяла и не бесилась, как другая скотина. Словно понимала — семью спасти, кроме неё, теперь некому.

Ивановна с детьми перетряслись, конечно, перевыли страхи, а едва улётели самолёты — запрягли в ярмо Ночку и поехали дале искать спасения. Хорошо, что хозяйственная Ивановна захватила с собою ярмо — ничего не захотела оставлять врагу. Вот и пригодилось.

Вслед семье еще долго несло ржание, предсмертные хрипы — извинения раненой каурки. А может, это им казалось? Освободить от мучений раненую лошадку было нечем.

Да разве поднялась бы у них рука её добить?

И Гриша и Рая заливались слезами невосполнимой потери — их покорной лошадки, безвинно пострадавшей от фашистов. Дети всегда очень трагично относятся к гибели своих четвероногих друзей.

Не проехала семья и двух километров, как навстречу им снова телеги и бегущие люди:

— Тикайтэ, там немцы!..

Поехали они в другую сторону, их и оттуда повернули, — враг в 3 км отсюда вперед прёт...

Остановила Ивановна свою телегу у самого высокого, красивого дуба, вырыла под ним ямку, закопала в неё все семейные документы и архивы и те дорогие семейные реликвии, запретные бумаги (Почетные грамоты Пети и сына за успехи в школе с портретами Сталина, книги о Ленине и вожде, альбом карикатур про Гитлера и многое другое), за которые фашист мог голову оторвать. Затоптала она ямку босыми, с потрескавшимися пятками, ногами: последнюю её обушку, привязанную к задку телеги для пушей сохранности, в клочья разорвал осколок мины. Так и шагала босиком. Но крестьянке к тому не привыкать.

Шла, вспоминая мирные вечера, когда возвращались они из райцентра с ярмарки и вечеряли под прохладой этого шикарного дуба.

Развернет она, бывало, на шелковой траве вышитый рушничок или самотканную холстинку, разложит на ней пахучие ржаные скибки хлеба в центре, вокруг — крутые яйца, головки лука с пером, да с соль в узелке развяжет.

Разрежет на шматки копченое сало, мясо отварное, уложит в рядок разваренные зубастые кукурузные кочаны, густо подсоленные.

Похрустят в теньке нехитрый крестьянский харч, запьют молочком из глечика, а уж затем окунут ноги в холодную криницу, что сразу за дубом в ложине выбегает, напевая весёлым ручейком. Умоют запотевшие лица — усталость как рукой снимет и прохлада эта, и вода. А главное — шатровая сень дерева от жары укрывала.

Здесь же, под этой шикарной сенью, Петя её всегда ласкал. Откуда бы и куда они ни шли или ехали летом, а здесь обязательно останавливались.

Подлесок закрывал их от посторонних глаз, а уж трава тут росла удивительно мягкая — дуб-то рос в парке самого графа Пидельского, некогда известного в волости ботаника и огородника.

Где уж он достал семена такой мягкой травушки, неизвестно, только постелью она стала не одной паре влюбленных.

Петя часто с гордостью ей говаривал, что под этим дубом родители его зачали. Так что и они следовали примеру предков, пока стреноженная колхозная лошадка неподалёку хрумкала шёлковую травушку.

Под пеклом немилосердного солнца Евдокии вспомнились жаркие речи любимого мужа, всплыли подробности всех их поддубных привалов с ласками в необыкновенной страсти.

— Дуняша, ласточка ты моя! — слышался ей нежный шёпот Пети...

Она невольно вздохнула, проглотив слюну бывалых нежностей. Хоть и не кстати вспомнилось, а приятная истома прокатилась по соскучившемуся без мужниной ласки телу.

Даже в поясице вдруг заломило и сердце забилося птахою в клетке.

Петя у неё был сильный и страстный, а уж ласковый до чего! Заласкает, бывало, до того, что сознание помутится. Будь это на душистом сеновале, или в телеге со скошенной травой, или дома на раскидистой деревянной кровати в пуховой перине...

Так в ласке и неге все ночи воробьями пролетали. Когда и сколько спать оставалось, об этом как-то не думалось. Крестьяне привыкли много работать и мало спать. Встреть она его сейчас, эх и оторвались бы они под этим дубом от всей души за все эти долгие месяцы вынужденной разлуки. А потом бы остальные пять километров до дома в разговорах, играючи добежали бы.

«Господи, вокруг война, а у меня такие крамольные мысли». Думала Ивановна, шла, и шла, глотая слюну сладких воспоминаний. "Дэ ты, любимый муж мий? И я, жинка твоя, и дитки наши, тай дубочек наш нас чикае — не дочекаетьця..." Глаза женщины невольно подёрнулись горестной слезою.

Женщина шла по войне, брошенная войною в самое её пекло, и всё оглядывалась и оглядывалась на величавую высоту и кудрявость дубка. Приметное место. И детям наказала запомнить этот самый высокий дубок за деревней, чтоб когда надо — выкопать документы без проблем.

Дети-то схрон запомнили, но и фашист не дремал — опять стая стервятников налетела, давай кидать бомбу за бомбой. Прямой наводкой в этот кудрявый, могучий, красивый дуб. Будто только в него проклятый и целился.

Только комлем вверх он взлетел, как пушинка, на высоте распластав свои шикарные ветки-крылья, и со свистом жажнулся оземь...

Только разлетелись вокруг его незрелые детки-желуди. Так одним махом была погублена будущая дубовая роща.

— Всю расейскую красоту губят, гады! - прошептала женщина сквозь слёзы, бесконечно сожалея об утрате счастливейшего своего места на Земле.

И поторопила Ночку, желая до темноты найти где-то пристанище, чтоб детей покормить да малую перепеленать. А малая тем временем в конвертике верещала, заходилась плачем, как уж её сестрёнка ни колыхала.

Сердце матери щемило, лицо кривилось жалостью к детям, да сейчас было не до их плача. Плач не смертелен. Сначала удрать бы из этого ада, увести детей.

По дороге подсаживала в бестарку приморившихся стариков и детишек — ну, как не остановиться и не подсобить слабым?

Сама шла рядом, оставляя в пыли широкие следы босых ног. Ведь корова — это тебе не конь. Она галопом и рысью долго не пробежит. Да и тяжело ей — стельная ведь — посочувствовала она как женщина женщине.

Ехали они в третью сторону, но и там их застала бомбёжка, и там такие же лётчики стреляли в безоружных беженцев, словно на передовой во врага.

С земли были видны улыбающиеся от злорадства пилоты, что на бреющем полёте стреляли по беззащитным бегущим людям, будто в зайцев на охоте...

Ивановна еле успела корову из ярма освободить, да увести в овраг — кормилица ведь, спасительница.

Зарёванная десятилетка Рая бежала к оврагу, согнувшись в три погибели. На плече она тащила сестрёнку, держа её за ноги.

Пелёнки растрепались на бегу, их ветер полоскал, как белые флаги. И эти флаги были видны за версту.

Головёнка ребёнка болталась за её спиной и стучалась о худенькую спину няньки, словно подгоняя бежать ещё быстрее.

Двенадцатилетний Гриша бежал от пуль, не бросив корзину с провизией и узелок с пелёнками сестрички. Как же он бросит вещи, если ушедший на фронт батько оставил сына за себя хозяином и защитником семьи?..

Внезапно впереди него совсем недалеко взорвался снаряд, от которого мигом взорвался пробитый осколками кем-то кинутый бачок с керосином.

Огненные брызги облили бежавшую искать спасения девчушку и голубенькое её платьице вспыхнуло факелом, быстро перекинувшись на русые косички.

Гриша хотел было догнать девчонку, чтоб накинуть на неё выхваченную из узла пеленку сестрички, но живой факел помчался от него с непредсказуемой скоростью.

Горящие люди всегда убегают необычайно быстро...

Ослепшая от ожогов и дикой боли горящее девча на бегу наткнулось на копну соломы. Видимо, обрадовалось спасительной преграде, да только напрасно — сухая солома тут же заразилась её огнем и вспыхнула спичкой, поглотив в своём безжалостном пламени горящую юность...

Несмотря на бомбёжку и летящие пули, на смерть вокруг, подросток остановился, не в силах сдвинуться с места — так его потрясла мгновенная трагическая гибель сверстницы. Мать окликнула сына, и паренек вышел из ступора. Побежал к семье, без конца оглядываясь на горящую копну.

Он не мог поверить, что так бывает. Если бы он, Гриша, прибежал на это место на полминутки раньше, то такая же участь ждала бы и его...

Как же близка смерть на войне! Мальчик понял это только сейчас, снова убегая от неё.

Да кто его знает, может он приближался к ней, костлявой, все ближе и ближе?

Стало очень страшно. То бомбы взрываются со всех сторон, то стрельба сверху.

А то, глядишь, обезумевшая от страха скотина затопчет.

Или разлетающиеся вещи жахнут по голове.

Да и осколки летят не глядя... Как тут уцелеть?

Крики в панике бежавшей толпы, ищущей спасения хоть за соломинкой.

Безумный ор перепуганных насмерть детей и раненых...

Кричат, зовут помочь, а помощи ждать неоткуда...

Гриша бежал от смерти, от жуткой гибели, на век замечая творившееся вокруг.

..Вон тому хлопчику то ли пули, то ли осколки, то ли огонь взрыва ослепил глаза и он, ничего не видя, ползает по земле, прося помощи, защиты и спасения...

... А вот этому бородатому старику полоснувшим осколком, словно бритвой, по самое плечо отрезало руку. В запале он торопливо поднял ее с земли и по инерции бежал вперёд. Оставшейся рукою он прижимал к груди дорогую окровавленную ношу, не в силах смириться с её потерей, будто он мог приладить её на место после бомбёжки.

Из плеча на тело так же капала кровь, стекала по рваной штанине и за дедом стелился алый след...

...Полной моложавой жиночке оторвало ноги и она в агонии умоляет пробежавших мимо избавить её от мучений:

— Люды добри, добыйте мэнэ! Добыйтэ, за Бога ради! На що мини без ножинькив житы-ы? Кому я, калека, теперь здалася?... — голосила несчастная инвалидка, истекая кровью. Но кто в этом кошмарном грохоте услышит сей жуткий призыв? А если и услышит, то разве исполнит?..

Гриша слышал обрывки этих жутких обращений. Ему хотелось бы всем помочь, но он не мог отстать от матери. Она кричала, звала, приказывала «бежать швидче, а то нимцы летят на новый захид».

И этот новый заход обрушил шквал взрывов, сотряс Землю. Она вздыбилась так, словно внутри её ворочался могучий великан. Взрывная волна пушинкой подхватила мальчишку и понесла, то поднимая, то опуская ниже, но не бросая наземь. Нет, страха в нем не было. Наоборот, в первый момент было какое-то смешанное чувство полёта. Такое чувство испытывал он на огромных качелях своего крестного батки там, в довоенном лете, когда на высоте захватывало дух, а скатываясь вниз, душа проваливалась в неописуемый восторг.

Этот его вынужденный полёт продолжался какие-то секунды, может и минуты. Времени он не помнил, но понимал, что сейчас неведомая сила его куда-то приземлит. Куда? В костёр огня впереди? В глубокую воронку позади? Посадит на кол или засыплет бараклом и песком в воронке?..

Гриша мало помнит дальнейшее. У него дыбом встали волосы на голове и мурашки прокатились по телу. Очнувшись парнишка в гуще баракла на распоротой перине... Выплёвывая изо рта пух, щекотавший нос и уши, он поднялся и с ужасом обнаружил себя рядом с толстой ногой в парусиновом полуботинке. Она лежала у самого его носа и он видел, что она была ещё жива, ибо шевелилась. Но это шевеление ему казалось, ибо шевелилось вокруг всё.

Он машинально перекрестился, удивляясь чуду живости ноги вне тела и что сам остался цел и невредим. За летящим пухом и пылью дальнейшее движение нельзя было рассмотреть. Но его взгляд неотрывно был прикован к чужой женской ноге. Где-то он уже видел такой полуботинок? Где? Ах, да! Это нога той жиночки, что на обочине дороги в стенаниях валялась, умоляя её добить. Где же она, сама хозяйка этой ноги?

Гриша оглянулся по сторонам и на месте, где недавно благим матом орала та инвалидка, увидел дымящуюся воронку. Кто же услышал её дикие вопли - Бог ли на небе, или немец с того же неба?..

Потрясение было столь велико, что мальчишка припустил бегом - геть от этого проклятого места, геть, геть! Только что заживо сгорела гарненька девчушка и вот новая жертва пала на его глазах. Сколько можно смертей! Господи, куда ты смотришь? Почему ты такое допускаешь?.. И хлопец бежал к своим женщинам сквозь всю эту кровь, стоны и боль... Словно в кинокадрах, бегут, мелькают мимо него искаженные страхом лица.

Никто никого не спасает.

Никто никому не помогает.

Это закон паники.

Это жуткий закон толпы.

Это жестокий закон бомбежки, войны, вынуждавший людей стать такими в естественном порыве самовывживания.

И этот закон называется «спасайся, кто может!».

Всё это видит перепуганное военное детство. Видит для того, чтобы рассказать о нем впереди живущим.

Вот апофеоз войны, вот весь её ужас... Вот весь кошмар, творимый фашизмом!.. Наконец, семья спряталась от врага в глубоком яру, прилегла за боками коровы. И тут лёжа, все облегченно вздохнули: может, в этой заросшей кустами глубине за большою тушею коровы их врагу не увидеть?..

Да немцу-то сверху виднее! Низко пролетая над яром, он хладнокровно полоснул по корове очередью смертельных пуль...

Кровь так и брызнула фонтанами на лежащих за нею людей. Бедная раненая скотина вздрогнула и так жалостно посмотрела на хозяйку, словно спрашивала:

А меня-то за что? Я же никому не враг, я же просто корова...

Семья, вся красная от коровьей крови, в мгновение ока откатилась от любимицы в кусты,

но и там лётчик их увидел: охотился, как за зайцами.

На другом круге летчик метился уже в людей. Одна из немецких пуль вонзилась Рае в ногу. Девчонка дико взвизгнула, села, схватившись за рану, но мать быстро сняла с головы платок, зажала им рану, кинув при этом девчонку наземь.

А летчик уже разворачивался в новом круге.

Мать в диком крике приказала детям лечь на спину, распластав руки и ноги, приставившись мёртвыми.

Этим и обманули фашиста: покачивая крыльями, фашист улетел довольнѐхонький. Управился с беззащитными, шоб тоби грыщю!..

А разве не страшно так вот лежать на земле, глядя в поблекшее небо, с которого на тебя вот-вот обрушится смерть?

Страшно.

Конечно же, страшно...

Еще как страшно!..

— Мамочка, мамо, шо ж це немци вытворяют з намы? Хиба в них сердца и жалости немає? — спрашивала у мамки обомлевшая от ужаса дочка, переставшая выть.

— У немцив, може, е и сэрце, и жалисть е, а вот у фашиста и войны его немає, диточка моя! — мудро ответила мать, быстренько вырывая горячий и острый осколок из раны дочери и выбросила его далеко вперѐд. Так же торопливо она перевязала хустиною ногу Рае.

Маленькая Любочка на руках брата тоже слушала этот диалог. Большими синими глазѐнками она уставилась на братика, словно удивляясь слезам в его небесных глазах. Мол, такой большой, а плачет. Из солидарности, что ли, она горько скривилась и заорала благим матом. Гриша испуганно передал сестричку матери и отвернулся, размазывая слезы по грязным щекам. В нем еще увереннее зрело стремление сбежать на фронт, чтоб отомстить и за убитую учительницу, и за рану сестры, и за всех встреченных калек, и за ту сгоревшую девчонку — за всех, за всех он будет безжалостно стрелять во врага, до последнего патрона!

Побросав скарб, выбежали они на шлях, где на мотоциклах и машинах ехало начальство и партийное руководство села, спасая партархивы, и где торопились покинуть опасность лошадные земляки.

Стала Ивановна им голосовать, останавливать, кричать, прося, чтоб хотя бы детей взяли в повозки, или в кузова полуторок. Немцы-то вот-вот догонят и поубивают всех. Но куда там!.. Никто не остановился.

Моторы, урча и обдавая женщину клубами пыли и смрадом выхлопных газов, мчались со скоростью ветра. Велосипедистам вообще было ни до кого и ни до чего, а мотоциклисты и подавно ракетами пролетали мимо.

Лошадей же возницы хлестали кнутах или погоняли палками почем зря, чтобы быстрее бежали, чтобы спасли их от фашистов и смерти, чтобы довели до спасительной тишины и покоя. Да загнанных и перепуганных лошадей вряд ли уже можно было остановить. Они неслись галопом, не разбирая дороги, перегоняя волов и коров. Часто телеги переворачивались в ямах, на кочках, на прочих преградах. Лошади рвали постромки и, бросив свалившихся хозяев, безумно мчались куда глаза глядят...

И вдруг женщине пришла в голову шальная мысль: а что, если поймать одну лошадь?.. Все равно без хозяина... Тогда смогут удрать подальше от бомбѐжки и вырваться из окружения! Стала она бегать за лошадьми, но они упрямо от неѐ шарахались и не давались. Тогда Ивановна вставала на пути одного жеребца:

— Тпру-у, окаанный! Тпруу, карий! Стой, проклятый! Стоять, грыщю тоби! — лихо кричала она жеребцу привычные лошадям деревенские ругательства.

Она раскрыла руки, словно бы хотела загородить ему дорогу, но конь пробежал мимо, едва не сбив женщину остатком оглобли.

Она вцепилась в этот обломок и побежала за карим, но их скорости не совпали и женщина свалилась в пыль.

Сильный конь поволок женщину вперёд, и тело её билось о камни, проваливалось в колдобины.

Но женщина не сдавалась, а упрямо уговаривала коняшку остановиться, успокаивала его ласковыми словами и скотина поняла, сбавила ход.

В запале Евдокия не обратила внимания на изодранный бок и ноги в крови. Перебирая руками оглоблю, она подтянулась к холке коня и смертельной хваткой вцепилась сначала в дугу, потом поймала удила и выпрямилась.

Конь встал как вкопанный, верча обезумевшими глазами. Иванивна погладила его мокрую морду, почесала чуткое к ласке ухо и лихорадочно зашептала некогда слышанный от цыгана заговор, который, как он утверждал, остановит любого коня.

Конь, тяжело дыша, внимательно слушал это древнее заклинание. Так, разговаривая с ним, вела его Иванивна к своей телеге.

Гриша уже бежал навстречу. Ни слова не говоря, парнишка привычно отвязал обломок оглобли, задом завёл жеребца к возу и быстренько запряг в свои оглобли.

И пусть вокруг взрывалось, стрелялось, пусть выла, стонала и кричала война, а мать и сын уже ехали, увозили прочь от неё детей и скарб.

Мальчишка умело правил вожжами, понукал карего, поторапливал, а мать, трясясь на ухабах, кое-как заматывала в тряпицы свои раны.

Может, так бы и доехали до какого-нибудь спасительного места, ведь в каких-нибудь паре километров зеленел лес. Но беда словно гнала от них удачу и свалилась новой: взорвавшийся впереди воза снаряд перепугал карего и он резко шарахнулся в сторону и припустил галопом напрямик к крутому яру.

Напрасно Гриша орал «Тппррру!» и повис на вожжах: обезумевший конь нёс их к неминуемой смерти.

Телега телепалась, подпрыгивала, в любой момент могла перевернуться.

Иванивна с ужасом поняла это жуткое положение и не растерялась: бывало такое и в мирные дни. Ловко наклонившись, она, как лассо, умело накинула на морду коня чёрную холстину. Закрывать глаза лошади и она растеряется.

И карий остановился в одном шаге от крутого склона яра. От резкого поворота и торможения телега повернулась, перевернулась, вытряхнув все содержимое. Перевернувшись в другой раз, накрыла собою находившихся в ней людей и вещи. Порвалась упряжь, лопнули постромки. Телега одним колесом зависла над пропастью.

А коня уже ничто не могло сдержать — он был увлечен вниз крутояром. Вслед на него полетели камни, какие-то коренья, взметнулась пыль.

Заржал на прощанье карий, кувырком устремляясь в далёкое дно Чёртова яра - яра своей кончины...

Только Гриша успел прыгнуть наземь, остальные члены семьи остались под телегой. Приподнять её подходящим предметом Грише стоило больших усилий, но, слава Богу, все были живы!

— Господь хранит нас! — перекрестилась Иванивна, выползая из-под телеги и тяжело поднимаясь на окровавленные ноги.

Рая от испуга потеряла дар речи.

Только младшая её сестрёнка орала на весь белый свет, извещая его о том, что она жива!

Ивановна с сыном, надрываясь, кое-как оттащили телегу от бровки обрыва яра на безопасное место, поставили бестарку на колеса.

Освободили её наполовину от добра, положили в неё раненую Раю, рядом — грудную, впряглись с сынишкой в оглобли. И так хорошо под горку покатали, думали — всё, вырвались из окружения.

Ан, нет — вон они, враги, на мотоциклах им навстречу. Тьма-тьмущая мотоциклистов перерезала им дорогу. Все беженцы, в том числе и лошадные, были вынуждены отойти к оврагу. Всё! Дальше хода нет. Окружены. В мешке...

Население всей деревни собралось сюда вместе с уцелевшим скотом, расположившись по двум скатам заросшего будылём неглубокого яра. Не было здесь только деревенских мотоциклистов и автомобилей — может, успели вырваться? А может...

Жара продолжала нещадно палить. Завяли даже упрямые вётлы, низко склонив свои грустные косы. Солнце высушило вечно журчащий живительными ключами овраг. Только на его дне было влажно и скользко. Но воды и лягушек не было.

А самую бровку яра украшали бледно-лиловые колокольчики, да веселыми крохотными огоньками сверкали крошечные алые гвоздички.

После пережитых бомбёжек и расстрелов с неба, после жуткой погони во спасение, после перенесённых страхов чужой и близкой своей, смерти, на такой жаре истомлённые люди пропадали от жажды. Особенно дети. Им было всё равно, что вокруг смерть, кровь и война, что со всех сторон их сторожат автоматы немцев.

Они истошно исходили от крика, выклянчивая у старших хоть капельку воды. Некоторые, сомлев, падали в обморок, теряли сознание. Сплошной рев перепуганного детства заполнил спасительный овраг.

Шершавыми, пересохшими от смаги губами шепотом просила у матери воды и раненая дочка Ивановны. Рая лежала в телеге вся в огне — то ли от раны, то ли от горячки с неба, а может от всего пережитого кошмара у дивча пропал голос.

У Гриши тоже был кислый вид. Облизывая пересохшие губы, он уже зыркал глазами, где бы самому глоточек водицы добыть?

Просился у матери сбегать с глечиком до криницы, но она его не пустила: мальчика ведь могут убить! А есть ли в мире тяжелее пытка, чем терять своих детей?

Пить хотела и сама Евдокия. Но она-то потерпит, а вот детей напоить — святая обязанность матери. Но нет, она больше не в силах нести эту пытку, она не может спокойно смотреть на муки жажды своих и чужих детей!

Видя, что никто не собирается добыть воду, Евдокия Ивановна отвязала от задка бестарки цыбарку (ведро) и пошла в гору. Знала, что там есть и криница, и журавель недалеко. Да и ручей за леском шустро петляет.

Когда поднялась в гору, то увидела у журавеля автоматчиков — немцы словно ждали её: стояли с закатанными рукавами, широко расставив ноги.

На головах рогатые каски — ну, чертяки, как есть сатана! Сердце её предательски ёкнуло, но отступить было поздно.

«Будь что будет!» — решила она и пошла навстречу то ли смерти, то ли жизни. Вода и воздух — вот без чего невозможна жизнь на нашей планете. Враги это учли. Они знали, что люди придут за водою, потому и расставили у её источников пикеты.

Ивановна не подала виду, что напугана. Шла смело, жестами показывая немцам, что кроме ведра у неё ничего нет, и что она хочет только напоить своих детей.

— Kinder? Der Sohn? Das Meidchen? — переспрашивали автоматчики. — Jia, jia, die Frau!* Фоту прайт мошна. Jia, jia — повторяли они задаваливое «я» без конца. — Пит фота? Jia, jia! — И солдаты расступилась.

Она прошла сквозь вооруженный строй врагов смело, хоть по холодеющей спине гуляли мурашки.

Решительно склонила жердь журавеля в каменное жерло, окунула измятое ведро в колодец, достала чистую, прохладную воду и перелила серебряное мокрое богатство в своё ведро. Она спокойно зацепила журавель за крюк, парюю горстей воды сполоснула грязно-красное распаренное зноем лицо, вымыла руки, а остатки воды с удовольствием выплеснула на израненные грязные босые ноги. Вода приятной прохладой отозвалась в каждой клеточке истомлённого тела. Правда, царапины защищало, но это ничего, зато они отмылись от грязи.

Затем она так же не спеша достала ещё ведро воды и снова бережно перелила в своё, не пролив ни капли. За её неторопливыми действиями с любопытством наблюдала замолчавшая толпа врагов.

— Дякую, щиро дякую! — поблагодарила она рогатых чертей и не спеша на ватных ногах побрела к оврагу, ожидая всего.

Может возьмёт, чертяка, и выстрелит в спину. Или в ведро. А что? С них станется... Лётчик же охотился за ними в том овраге, и эти могут.

В ожидании выстрела она похолодела. Словно прощаясь, словно в последний раз взглянула в вылинявшее от зноя небо — цвета своих глаз.

Словно впервые увидела родную с детства картину.

Почему-то в памяти мигом промелькнул упавший с неба шикарный дуб, под которым она зарывала документы. Дуб её бабьего счастья. Она просто представила ту его боль падения с высоты и ей стало больно-больно в груди.

Потом перед глазами промелькнули убитые и раненые люди на шляху.

Та девчонка, сгоревшая факелом.

Лошадь с распоротым брюхом и убитая корова-рекордистка...

И от этого стало еще больней.

Наконец, взгляд женщины зацепился за овраг, где её ждали дети.

На левой его стороне в изумрудном мареве островка трав красным огоньком на лёгком ветерке металась маленькая гвоздика. Вот сейчас грянет выстрел и огонёк погаснет навсегда... Так и вышло — короткая автоматная очередь раздалась за её спиной.

Но почему женщина не почувствовала боли, толчка? Ах, да, пули просвистели над её поседевшей враз головой.

Она, словно споткнулась об эти выстрелы и на миг остановилась — всего на миг. И пошла дальше. Даже не оглянулась. Знайте, каты: нас не так-то просто запугать!

А немцы дружно загоготали ей вслед.

С берега оврага на неё были устремлены десятки пар, жаждущих спасительной влаги, глаз. При выстрелах по оврагу прокатилось дружное «оох!» и все залегли. После хохота немцев волна залёгших выпрямилась.

Первыми навстречу водоноске повставали лошадные мужики, что проезжали мимо этой женщины с детьми там, на шляху.

Тогда они бросили её, женщину, на произвол судьбы на опасной дороге в тот страшный момент жизни и смерти, бросили среди пуль и взрывов...

Бросили солдатку, предали её детей, а сейчас хищными руками выхватили из её смелых рук воду. И пошло ведро гулять по оврагу. К воде тянулись детские запалённые рты. Старушонки и старики протягивали к ведру свои сухие, натруженные руки.

Но главное — больше всех хотели напиться мужики...

Это её больше всего убивало, убивало хуже страха, что только что пережила по дороге в

яр. Стояла, огорошенная, не в силах сдвинуться с места и провожала взглядом ведро, которое торопливо рвали из рук в руки её односельчане, все дальше и дальше отдалявшие воду от её детей...

До них не дошло не то что глотка, даже капли...

— Эх, вы!.. — глотая комок в горле, только и смогла жинка вытолкнуть обиду из души.

Вывала из бессовестных рук пустое ведро и решительно, даже зло снова пошла за живительной влагой! Шла и думала — вот дадут им немцы воды, а потом под хохот шарахнут из автоматов — и нет деревни...

Немцы встретили её любопытными взглядами, дивясь смелости русской женщины

— Oy! Die Ruisch ist Die Frau — es muttig ist der Mann?* Der Reske?* (русская женщина — это смелый мужчина? Богатырь?) — потешались они над Ивановной, при этом отдавали дань её мужеству.

Она, не понимая их зубоскальства, но чувствуя его исподволь, отвечала «я, я» — т.е. соглашалась, чем вызывала новые взрывы хохота в толпе немцев.

На этот раз со смелую фрау говорил прибывший стройный офицер. Заложив руки назад, он с пятки на носок перекачивался взад и вперед

— О, браво, русише фрау! Браво! Ви снофа пришёл за фота? — Офицер усмехнулся в кокетливые усики. — А почему не итёт са фода ваш храбри рус Иван?..

Франтовато-изящный немец перестал качаться и стал поигрывать пистолетом.

— О, ваш, как ето?.. Der Reske... Ммм, богатыр Иван на печка сиделься? — Он игриво посмотрел на хохочущих солдат и сам раскатисто рассмеялся.

Насладившись злорадством, офицер перешел на изложение своего ультиматума:

— Неси вода киндер послетний рас и говорить всем, чтоби возвращался Nach Hause. Дом... Дома... э... домой. Мы, зольдатн Вермахта, с мирный население не воевать, — офицер подошел к ней ближе, сверля глазами «парламентёршу». — Нас бойца ни ната. — Перекладывая оружие из одной руки в другую, он более строго заявил:

- А если не хочю... э-э, не хотит Nach Hause, сфоя деревня, тогда мы застафляйт. Пуф-пуф!.. Фам понять меня? — И для убедительности наставил на женщину блестяще-вороной пистолет.

«Ага, оно и видно, як вы з нами «не воюетэ». Знаем уж. Чего тут понимать-то?» — подавила усмешку Ивановна, еле отводя взгляд от оружия, но закивала головою, повторяя известное «я, я». Взяла воду и пошла к оврагу. Вдогонку водоноске, как и в первый раз, над головою прозвучала короткая автоматная очередь.

Женщина с кривою усмешкой оглянулась. Офицер кричал стрелявшему что-то явно неодобрительное. Виновный вытянулся перед командиром в струнку и видимо, оправдывался.

«Хочет, видно, показать, что с нами он не воюет»...

Перекинув ведро в здоровую руку (та бомбежка не пощадила её руку, пропорол-таки осколок от локтя до пальцев глубокую борозду), Ивановна заторопилась обойти овраг так, чтобы донести воду сначала своим детям. Все попытки отнять ведро она строго пресекала.

Напоив своих детей и набрав в бутылку воды для малышки и раненой дочки, она передала ведро соседней девчужке, попросив всех много не пить, а оставлять другим. Так по цепочке ведро обошло стан жаждущих.

Накормив грудью ребенка, Ивановна передала слова немцев односельчанам. Что тут началось!

— Предателька!

— Ты снюхалась с фашистами!

— Воны тебя пидкупылы! За цыбарку воды продалась?

— У, немецка пидстилка!

— Ты агитируешь нас за фашистив? Тому не бувать!

— Мы не пидем у село! Мы не рабы! Вже буллы пид нимцем, знаемо!

Удовлетворившие жажду селяне галдели, как на ярмарке, оскорбляя женщину ни за что ни

про что. А Евдокия Ивановна не обиделась. Только и сказала:

— Ну, раз не хотите вернуться до дому, давайте тут-ка и жить будемо, — И не удержалась от язвинки: — Настроим шалашей з бурьяну, як на бахчи, диток на траву уложимо...

Её перебил бородатый дядько. Он приказным тоном изрёк:

— Ты, тётка, не ершись, а иди и скажи своим немцам: пусть они сначала из нашего села уйдут, мы тогда по домам и возвернёмся.

«Интересное дело, — подумала Ивановна. — Немцы таки ж мои, як и твои. Если ты такой вумный, то сам иди до их и скажи. Чого ж ты за бабью юбку ховаешься?»

Но в эту справедливую мысль встрял испуганный мужичок:

— Ны возверемося, так воны ж нас враз порешають! Перестреляють! Перевишають! — вдруг взвизгнул он и заорал громко, звонко, так, что слышно было не только немцам у колодезя, но на верное, и на передовой:

— Бачь их скільки! И вси с воруж-жьем!... Поубива-аю-ють!...

— Поубивають? — усмехнулся бородач, перебив визг старикашки. — Как бы не так! А кто их тогда кормить-поить будет? Кто им окопы рыть будет? — победно оглядел толпу умник. — То-то!.. Снова поднялся гвалт, шум, крики. Заспорили - возвращаться, или смерти тут ожидать? Свару оборвала стрельба.

Толпа, умолкнув, застыла.

Две роты автоматчиков, не дождавшись добровольной явки рабсилы, с двух сторон спускались в овраг, стреляя поверх голов окруженцев...

... А наверху выгоревшего от зноя оврага в изумрудном мареве островка трав на лёгком ветерке алым огоньком металась маленькая одинокая гвоздика...

Историческая

справка:

КУРСКАЯ БИТВА, 5 июля — 23 августа 1943, во время Великой Отечественной войны. В оборонительных сражениях в июле советские войска Центрального и Воронежского фронтов (генералы армии К. К. Рокоссовский и Н. Ф. Ватутин) отразили крупное наступление немецких войск групп армий «Центр» и «Юг» (генерал-фельдмаршал Х. Г. Клюге и Э. Манштейн), сорвав попытку противника окружить и уничтожить советские войска на т. н. Курской дуге. В июле - августе войска Центрального, Воронежского, Степного (генерал-полковник И. С. Конев), Западного (генерал-полковник В. Д. Соколовский), Брянского (генерал-полковник М. М. Попов) и Юго-Западного (генерал армии Р. Я. Малиновский) фронтов перешли в контрнаступление, разгромили 30 дивизий противника и освободили Орел (5 августа), Белгород (5 августа), Харьков (23 августа).



Oriza Helogaba





Анна Ледневская

Как птицы вспархивают дни



Как птицы вспархивают дни
И ничего не происходит.
В забытом дворике огни,
Слепая тень по стенам ходит.

Латунной ручки холодок,
Скрип двери, стертые ступени.
Неясных образов поток
Рождает странное смятение.

Как будто здесь моя душа
Очнулась...вспыхивает спичка.
«Не приходила, хороша»
«Ну что ж, встречай меня сестричка».

Как странно чувствовать опять
Непревзойденную свободу.
Взахлеб о глупостях болтать,
Курить и пить из крана воду.

«Как глупо в сущности живем,
Как будто нас куда-то гонят».
«Ты знаешь, есть загадка в том,
Что души прошлого не помнят.

Так легче будет, проще быть
Как все - не мучиться сомненьем.

Идти по темной полосе
Ты у кого найдешь стремленье?»
«Наш дворик...» «Он не наш теперь,
Вот ветки тополя увозят,
Обломки детства, карусель
И деревянный паровозик».

«Скажи, что случится» — «Потом,
Еще успеешь, торопыжка.
В бантах , с салатovým зонтом
Твоя судьба бежит вприпрыжку.

Удивлена ? Ты там, я здесь.
И хоть об этом не просила,
Тебе скажу, что вправду есть
Непредсказуемая сила.

Она ворвется в злой мираж,
Который жизнью называешь,
Осколки он или витраж
Лишь на краю прозрев, узнаешь.

Судьбу неверием не рань,
Вновь новый день тебя встречает ,
В чужом окне цветет герань
И штора рукавом качает...»

Расскажи чужой мечте



Расскажи чужой мечте
Что она уже сбывалась,
Умирающей звезде,
Что она уже взрывалась,

А девчоночьим слезам
Что они просохнут вскоре.
Расскажи кому-то т а м ,
Что его минует горе.

Расскажи седым горам,
Что когда-то их не будет.
Расскажи одной из мам,
Что сынок ее забудет.

Тем, кто бродит по Луне,
Что проснутся на рассвете
Что твоей любви ко мне
Больше нет на этом свете.





Михаил Собаков

Недотроганный



После возвращения с Дальнего Востока домой, в Ленинград, работал я года два грузчиком в агентстве по доставке мебели. В начале восьмидесятых только в «Лентрансагентстве», да ещё, пожалуй, в таксопарке можно было заработать относительно честные деньги. В те годы возглавлял агентство известный в юности боксёр Виктор Сальников. Он старался по возможности брать на работу бывших спортсменов. Скорее, даже подбирали их... Дело в том, что большая часть «бывших», в свое время досыта хлебнув славы, а потом, «выйдя в тираж», попросту спивалась. Специальности они не имели, а идти подсобником или учеником токаря на завод не хотелось — гонор, как же! Да и платили там гроши. А здесь, в агентстве, работа, хотя и на износ, по двенадцать часов с одним выходным в неделю, но, в то же время, не у станка. И деньги неплохие. Так что мужики на доставке подобрались все как один, крепкие, тренированные. Несмотря на таёжную закалку, уставал я поначалу, с непривычки, до изнеможения.

В новостройках, где лифт ещё не работал, было особенно тяжело. Лифт «коммунальщики» отключали специально, чтобы с новосёлов за его запуск поборы брать. Вот и приходилось нам попотеть. Вдвоём занести на четырнадцатый этаж три мебельных гарнитура: «гостиную», «спальню» и «кухню» — удовольствие, скажу я вам, то ещё! За смену надо было делать три-четыре таких рейса. Это, если не считать мелочёвку. Но, правда, и зарабатывали неплохо. При удачном раскладе за один день можно было заложить между страниц «Капитала» месячную зарплату квалифицированного ленинградского рабочего.

А после работы, в автопарке, в кабине «мебелевоза», как водится, выпивали. Закуска — на расстеленной газетке, бутылка зажата между ног, чтобы не упала, гранёный стакан — один на всех... Напряжение снимали. В тот вечер — а дело было в субботу, в канун выходного — сидели мы в кабинке «Газ-52» и расслаблялись. Водителем с нами работал Кирилл Васильевич, мужик уже пожилой, до пенсии дорабатывал. Мебель не таскал, но город знал назубок: въезды, выезды, проходные дворы, типы домов, подъезды к ним... Клад, а не водитель.

Но и потрепаться Васильич любил, хлебом его не корми! И в этот раз, пропустив по первой и закулив, стал травить очередную байку:

— Вот мы, ребята, сегодня «бабки» заработали. Радуется, как дети малые, — водитель закашлялся. — А почём фунт лиха, и не знаете. Деньги — что? Мусор.... На них радость не купишь.... Поведаю я вам историю, так и быть... — Васильич любил рассказывать обстоятельно, не торопясь. Книжечки он почитывал. Выражения порой в речь его вкрадывались умные, а словесные обороты — книжные.

Тайком вздохнув и посмотрев на часы, мы с напарником приготовились слушать.

— Да! Я сам — детдомовский, рассказывал уже. Зимой сорок первого мне в аккурат шестнадцать исполнилось. Пошёл в военкомат. Немец уже Питер окружил. Возьмите, говорю, на фронт, а то сам сбегу. Годок себе прибавил, конечно. Однорукий дежурный майор обматерил меня и прогнал. Подрасти, мол, сначала, вояка, — Васильич помолчал.

— Но, видать, на заметку меня взяли.

— Через год, когда уже в городе кошек жрать стали, вызывают. В этот раз особист беседовал. «Хочешь, — спрашивает, — послужить Родине?». «Хочу!» — говорю, а у самого сердце прыгает.

— Полтора года натаскивали. Только — немецкий язык и рация. День и ночь — морзянка, засыпал на ключе... Почерк вырабатывали. Чтобы знать, кто на связь выйдет. Ну, ещё с парашютом три раза прыгнул.

— Осенью сорок четвёртого погрузили ночью в транспортный самолёт. А под утро сбросили. Шесть человек нас было: все «волкодавы»- НКВДшники и я, пацанёнок, с ними... Куда? Зачем? Ничего я не знал.

Кирилл Васильевич размял беломорину и помолчал, задумавшись. Кожа на острых скулах натянулась, морщинистое лицо заостенело. Перед нами сидел старик - одинокий, больной и уставший от жизни.

— Не томи, Васильич, — попросил я осторожно.

— Наливай, Михаил, по второй, - велел водитель. — Эх, как её только беспартийные пьют! — крикнул он, поморщившись.

— Да! Приземлились мы в лесочке, под Берлином. Немцы-антифашисты встретили. Разобрали по одному, попрятали. Я в свинарнике хоронился, с Борькой-боровом, или как там у них, немцев, кабанов называют? А на следующую ночь так же, по одному, провели в город. И через люки спустили в канализационный коллектор. А там уже ждали ребята-разведчики — те, кого мы сменили

прибыли.

Кирилл Васильевич закурил, попыхал папироской.

— Соскользнул я по осклизлой ржавой лесенке в колодец и словно на тот свет попал. Будто Рубикон перешёл. Старики говорят: это было «до войны». А я про себя так считаю: это было «до коллектора», а то — после.

В первый момент ничего не видел: тьма, сырость и дух канализационный. Переступил ногами — вода.... Хлюпнуло громко, как в пустой бочке. Постоял, прислушиваясь: могильная тишина, будто заживо меня погребли. Уже потом, когда уши привыкнут, я буду слышать всё: «В трубе», как мы между собой говорили, жизнь бурлила. Незаметная, скрытая, таинственная... Жить, как оказалось, можно везде и при любых условиях....

Да. Постоял я так несколько минут, боясь двинуться и держась за лесенку. И чувствую: дыхание сзади в затылок, и сразу кто-то большой и сильный обхватил меня одной рукой за шею, а другой закрыл рот вонючей перчаткой. И правильно сделал: я чуть было не заорал во весь голос с перепугу.

«Подкидыш»? — спросил мужской простуженный голос. — А у нас у всех клички были оперативные. Имён и фамилий друг друга мы не знали даже в спецшколе. Я головой кивнул, рот-то зажат. «Ну, здорово, Подкидыш, с опущением тебя», — не обидно, по-доброму хохотнул незнакомец. «Пошли», - мужик выпустил, наконец, мою голову, дав возможность дышать, и потянул за рукав. Так и волок меня, как послушного телка на убой ведут, молча, в полной темноте, по какой-то жиже, которая то — чавкала, то — хлюпала. Шли долго... Проводник молчал. Лишь изредка вполголоса предупреждал: «Наклони голову, ступеньки, камень...»

Иногда останавливались и слушали. Я давно потерял счёт времени, выполнял команды, шёл, шёл и шёл... Потом глаза немного привыкли к темноте, и я стал различать стены туннеля, свод, более тёмные пятна ответвлений. Когда проходили вблизи выходящих на поверхность колодцев, чуть светлело.... Наконец дошли и встали. Я услышал тихий разговор моего провожатого с другим разведчиком, а потом скорее почувствовал, чем увидел, мужскую фигуру в плащ-палатке. Продвинулись ещё вперёд. Мой проводник зашуршал брезентом, и в глаза неожиданно ударил ослепительный свет прожектора.

«Все! Засада!!!» - мелькнуло в голове.

Я, было, дёрнулся, но тут уж меня схватили крепко и силой втащили куда-то за занавеску. Жёсткий брезент царапнул по щеке. То, что я принял за прожектор, оказалось электрической лампочкой, питающейся от аккумуляторной батареи.

— У нас осталось? — водитель приподнял бровь.

Я разлил остатки водки на двоих: сначала Васильичу, тот глотнул без закуски, утерев блеснувший железными зубами рот ладонью, затем случайному моему напарнику, Сергею. Сам пить не стал — водки и так осталось мало. Васильич — мне, как батька, а «волк» Серёга был на водку жаден. Наших неофициальных помощников мы звали «волками». В агентстве они не числились, зарплату, естественно, не получали, и таскали мебель с нами за выпивку да за долю от того, что удавалось заработать нелегально.

— Так и началась моя подземная одиссея, — продолжил Васильич. — Под Берлином с самого начала войны, а, кто знает, может быть, и раньше, базировалась разведгруппа. Разведчики передавали зашифрованные радиogramмы на Большую землю. В определённое время в заранее условленном месте коллектора забирали шифровку. Ночью высовывали из люка антенну, и в эфир неслись точки и тире. Отстучав радиogramму, срочно уходили по коллектору. Боясь пеленга, путали следы. На поверхности работало много разведчиков, внедрённых ещё до войны. Что бы там ни говорили после про Лаврентия Павловича, а бериевская разведка своё дело знала. И война, может, не началась бы, кто знает, если наверху.... А!.. — махнул рукой водитель.

— Наша «подземная» группа была лишь одним из винтиков берлинской резидентуры. Снабжали нас хорошо: поставлялись продукты, кипяток в термосах, аккумуляторы и обмундирование. Раз в полгода людей сменяли. Так и мы с неделю натаскивались «старенькими», которые постепенно, по одному, выводились на поверхность.

На темноту, сырость и смрад я скоро, попривыкнув, перестал обращать внимание. Донимали крысы.... Коллектор буквально ими кишел. Огромные, как кошки. Мутировали они, что ли? Говорят, фашисты в подземных лабораториях ставили на животных медицинские опыты. Целые полчища крыс появлялись вдруг ниоткуда и так же внезапно исчезали. Оказывается, — я потом почитал про крыс, — они ходят по кругу, как волки. Наши тоже где-то шастали, не видать их было.... А потом, раз в три дня, у нас появлялись, как по часам. Расписание у них такое, видать... Когда я первый раз увидел это копошащееся и пищащее воинство, то почувствовал такое омерзение, что схватился за обломок кирпича. Старший разведгруппы, из «стареньких», блокировал мою руку: «Рехнулся?! Тебе же с ними жить тут полгода! Никогда больше так не делай!» И хорошо, что остановил. Наживать себе врагов-соседей было, конечно, неразумно.... Ну, ладно, ребяташки: время уже позднее. Пора, как говорится, до дому, до хаты. Как-нибудь я вам расскажу, чем дело-то кончилось.

Прибрав в кабине и закрыв мебелевоз, мы дождались, пока Васильич сдаст путевой лист в диспетчерскую. К сшитому из дерматина футляру для документов полагалось пристегнуть рублевую купюру. В агентстве за всё про всё приходилось платить: механику на въезде — двугривенный, смазка и мойка — рубль, врачихе на утреннем медосмотре — целковый. У всех водителей на «корочках» была прикреплена огромная канцелярская сцепка. Специально для этих целей. Документы в окошечко подавались рублём вниз, будто и нет его. Ну, а возвращались назад, водителю, уже без рубля. Это сейчас коммунисты в Думе сказки рассказывают, как честно при Советах жили. Всё то же самое было, только не говорили о том открыто.

Выйдя за проходную, мы попрощались с жившим неподалёку «волком» и направились пешочком в сторону Кондратьевского проспекта ловить такси. Июнь месяц, белые ночи, завтра выходной — благодать!

— Васильич, — предложил я. — А не заглянуть ли нам с тобой к бабке?.. Посидим за столом, как белые люди. Историю свою мне расскажешь до конца?! Замечательный ты рассказчик, старина, — польстил я водителю.

— Ну, к бабке, так к бабке, — махнул рукой Кирилл Васильевич. — Неохота домой, никто меня там не ждёт.

На углу Кондратьевского проспекта и улицы Ватутина, как раз напротив отделения милиции, в старом, подготавливаемом к сносу доме, жила пожилая женщина. Настоящее её имя мы не знали. Бабка, и всё! А она и не обижалась... Основной статьёй дохода женщины, кроме нищенской пенсии, разумеется, была продажа крепких спиртных напитков, в неурочное время по спекулятивной цене. Милиция её не трогала...

— Васильич, а ты что же, неженатый? — поинтересовался я.

— Разведён, — буркнул водитель.

— Прости.

— Да я уже в четвёртый раз, привык.

Постучав в угловое окошечко — бабка жила на первом этаже — мы поднялись на один пролёт тёмной грязной лестницы и прошли за отворившей нам дверь бабусей на кухню. Она знала всех агентских в лицо и не боялась.

— Бабуля, организуй нам бутылочку водки и что-нибудь закусить, холодненького, — попросил я.

Выпили, закурили, я уселся поудобней.

— На чём я остановился-то, Михаил? — выдохнул дым водитель.

— Про крыс ты рассказывал, Васильич.

Я уже в то время коллекционировал интересные истории.

— Ага, про крыс... Так вот, «в трубе» жизнь, как ты сам понимаешь, — не сахар. Старшие всё время куда-то ходили: изучали схему тоннелей, пути отходов, запасные выходы... А моё дело — рация, батареи аккумуляторные. Поднимут среди ночи, всегда неожиданно, — идём на точку. Отстучу ключом шифровку и — ходу! Опять четыре-пять дней без дела. А я — молодой мальчишка, мне двигаться хочется. Запел раз — по морде схлопотал. Все на нервах, злющие! Нельзя шуметь! Нельзя свет жечь! Нельзя! Нельзя! Нельзя!..

И стал я с крысами разговаривать. Насыплю яичного порошка на фанерку, поедят они и садятся столбиками передо мной полукругом. Лапки на груди сложат, глазки-огоньки в темноте на меня смотрят, не отрываясь, — слушают, что я рассказываю. Особенно один выделялся — крупнее других, вожак, повиновались они ему беспрекословно. Я его Кирой звал, как мама меня в детстве. Маму помнил смутно, дома она бывала редко. Всё время на работе, партийная. Арестовали её ещё в тридцать пятом. А батьку не знал совсем. Лётчиком, говорили, служил, погиб. А как на самом деле оно было, мне неизвестно... Тридцатые годы, лишнего не спросишь, сам понимаешь. Да, крысы... Привык я к ним — согласишься? — когда возвращались, радовался, как ребёнок. У Кире голос — не как у других. Все попискивали, а он как бы рычал приглушённо, что ли. Всегда рыкал, когда возвращался, — здоровался, значит. А потом и подходить стал, гладить разрешал. Усами щекочет ладошку, шерстка мягкая, сам тёплый...

Я, знаешь, Михаил, последнее время от нечего делать к чтению пристрастился. Даже в библиотеку районную записался на старости лет. Дома сидишь один, как сын. Откроешь книгу и не так, вроде, тоскливо. Как бы уже и в компании... Так вот, попалась мне тут брошюрка психолога одного, женщины... Как звать — забыл, а пишет она интересно и понятно. Утверждает, что есть такое понятие: «недотроганные дети». Мол, ребёнка надо трогать. Не только говорить с ним, но и обязательно гладить, щекотать, за ушком чесать, волосики перебирать. А то вырастет недотроганным и потом сам приласкать никого уже не сможет. Вот и я «недотроганный» вырос. Матери некогда было, она светлое будущее строила для всех на земле, значит... Няньке — пофиг, батю я не знал.... Увижу, как мужик ребёнка вверх подбрасывает, а тому страшно и радостно — веришь, ком в горле....

Вот и крыс, будто родной стал мне. Глажу его, бывало, а сам слезу сдерживать не могу. Всё ему рассказал, всю жизнь свою: как маму увели, как в детдоме били, как девочка, которую

любил, насмехалась надо мной. Кира понимал меня, даже говорить со мной пытался, по-своему, по-крысиному....

— Ну, давай ещё, по пятнадцать капель.... А ты чего, Михаил?

— Не, Василий! Я вообще-то не по этому делу. Так, за компанию когда... Ты пей, старина, на меня не смотри. Закуси: огурчики вот, капуста квашеная...

— О чём это я?... — стал вспоминать Кирилл Васильевич, опрокинув в себя очередные сто грамм и похрустев огурцом.

— Да.... Вспомнил! Берлин всё чаще бомбили. Тошно сидеть в темноте, когда земля содрогается от взрывов и за шиворот сыплется. Самое страшное, что сделать ничего нельзя. На передовой я никогда не был, но мне казалось, там легче: видишь врага, стреляешь-воюешь. А тут сидишь и ждёшь, когда тебя завалит или затопит, если где труба лопнет....

Тут ещё и «небезуха» пошла... Сначала бабу — немку пьяную и голую ночью в колодец сбросили. Нogu она поломала при падении. Как она кричала — волосы дыбом вставали... Мы связного ждали неподалёку. Басмач, командир, чтобы не навела на нас, придавил немку. Вытащили наверх, бросили в переулке...

Жалко, а что сделаешь....

Потом двое наших случайно наткнулись на троих немцев, рабочих-ремонтников. В освещённый тоннель из-за поворота вышли, а те отдохнуть присели. Этих тоже «почикали». Они и пикнуть не успели.... Трупы в тупик затащили, комбинезоны, сам понимаешь, сняли. Один немчик щупленький был, на меня как раз одёжка пришлась.

А связи всё не было. Нам вроде как и сменяться пора уже — шесть месяцев отбыли, как один денёчек! Послал Басмач бойца на запасную явку, в «цивильном», без оружия. Три дня прождали — нет! Сцапали парня, видать. Сменили базу на всякий пожарный. Что делать? Выходить без связи — равносильно смерти. Как-то раз пошли ночью на «точку», где шифровки брали, и нарвались на засаду. Жандармы с собаками нас, судя по всему, ждали. Одессита зацепило, пришлось пристрелить. Еле оторвались: по горло в дерьме уходили, следы специальным составом побрызгали.

Я «остыл», вода под землёй — ледяная: горел весь, сил не было, спотыкался на каждом шагу. Оставили меня в боковом ответвлении, накрыли, чем можно. Выпросил у Басмача «Вальтер» и гранату. Ребята ушли на разведку утром. Кроме меня, в живых ещё трое оставались. А часа через полтора, слышу, бой завязался. Далеко. Минут через сорок всё стихло. Забился я в самый тёмный угол. Лежал, стуча зубами, а в мокром от пота кулаке граната дрожала, как живая... Ночью бредить стал: тепло вроде бы мне, одеялом мамка ватным укрыла, печка жаром пышет. И войны как будто нет ещё. Согрелся и забылся...

Пришёл в себя, действительно, я укрыт одеялом тёплым. Только шевелится моё «одеяло» и пищит. А Кира, родной мой крыс, в ладонь мордой тычется и порывается. За собой вроде зовёт... И так я этому крысёнку поганому обрадовался, до слёз аж. Прижимаю его к лицу и рыдаю, как девчонка сопливая. Ничему в жизни так не радовался! Так и выбрался я следом за Кирой из коллектора. Когда терял сознание, он покусывал меня за руку и заставлял двигаться. А, может, и мерещилось мне это? Не в себе я был тогда... — водитель помолчал.

Когда в комбинезон немецкий одетый на поверхность выполз, в бреду был... Недолго я валялся в кустах, как падаль. Взяли меня жандармы, в тюрьму бросили. Хорошо, что я переоделся и по-немецки лопотал хоть что-то, да и наши уже город брали. Не до меня жандармам было, а так бы — конец...

Вот и вся история, Михаил, — Кирилл Васильевич вздохнул и потянулся за папиросами. Долго молчал старик, задумчиво дымя «Беломором». Я не осмеливался прервать его воспоминаний. Наконец, водитель затушил в пепельнице папиросу и промолвил:

— А знаешь, Михаил, жизнь я прожил не простую, всяко бывало. И плохое, и хорошее. С бабами мне вот не везло, а, может быть, я и сам такой — недотроганный... Детей Бог не дал. И никого, если разобраться, я не любил так, как крыса своего. Да и ко мне никто не привязывался так, как Кира...

— Васильич, а дальше-то как?

— А дальше уже и неинтересно: Берлин взяли, меня освободили из одного застенка, и сразу же — в другой, наш. Хорошо, что не шлёпнули, победе радовались. А потом... Потом — лагерь на Урале. Освободился в пятьдесят третьем доходягой чахоточным. Года четыре жил там же, под Пермью, воздухом таёжным, молоком козьим, травами лечился. В пятьдесят седьмом в Ленинград вернулся, комнату дали в коммуналке, как реабилитированному. Скоро на пенсию выйду. Обменяю комнату на домик в деревне, буду крыс разводить.





Oriza Hebagoba

В прошлом номере вы читали о том, что такое фразеологизм, а сегодня я расскажу вам о значении и происхождении некоторых распространенных идиом.

«Ни пуха, ни пера» — пожелание удачи. Оно звучит перед экзаменом, перед свиданием и т.д. А изначально «ни пуха, ни пера» желали уходящим на охоту охотникам. Оно основано на боязни спугнуть удачу, и построено на отрицании.

«Без сучка, без задоринки» — хорошо выполненная работа. Зародилось это выражение в среде плотников и столяров. Изначально так говорили о хорошей доске, на которой нет сучков и задоринок, то есть шероховатостей. А затем уже выражение перешло на качество работы.

«Битый час» — длительный отрезок времени. Возникло это выражение в России, в середине пятнадцатого века, когда здесь только появились часы. Битым часом называли период от одного боя часов до другого.

«Голая правда» — это выражение появилось благодаря мифу. В Древней Греции существовала легенда о богине по имени Истина, она носила роскошные одежды, и в этом ей постоянно завидовала другая богиня, Ложь. И вот однажды Истина купалась в источнике, а Ложь в это время украла всю ее одежду. С тех пор Ложь прикрыта красивым нарядом, а Истина ходит голой.

«Жив, Курилка!» — в восемнадцатом веке была распространена игра, которая называлась «курилка». Заключалась она в следующем: люди садились в круг и передавали друг другу горящую лучину и приговаривали: «Жив, жив, Курилка, не умер. Ножки тоненьки, душа коротенька». Проигрывал тот, у кого лучина гасла и начинала куриться.

«Квадратура круга» — это математическая задача, которая предлагает при помощи линейки и циркуля построить квадрат, площадь которого будет равна площади заданного круга. В эпоху античности было найдено несколько приблизительных решений. А в 1882 году было доказано, что точного решения эта задача не имеет. С тех пор так называют проекты, обреченные на провал.

«Мелкая сошка» — на севере России словом «соха» называли небольшие общины в несколько домов. А самые маленькие общины называли мелко сошкой. Со временем так стали называть и выходцев из этих общин. А уже потом этим выражением начали называть мелких чиновников.

«Ни рыба, ни мясо» — в восемнадцатом веке зародилось новое религиозное движение, протестантизм. Протестанты жили бок о бок с католиками и во многом были с ними не согласны, шла постоянная вражда. Следуя заветам христианства, ели мясо, а другие — рыбу. А тех, кто не придерживался ни одной из вер, в шутку говорили: «Ни рыба, ни мясо». А сейчас так называют человека, не имеющего своей выраженной жизненной позиции.

«Потемкинские деревни» — после завоевания Крыма, императрица Екатерина II захотела посетить обретенные земли. Губернатором этих земель был Потемкин. После войны эти земли сильно пострадали, и вместо того, чтобы привести в порядок села, Потёмкин приказал сделать красивые декорации и перевозил их по мере продвижения Екатерины, наряжать крестьянами своих людей и перегонял с места на место одно и то же стадо коров. Было ли так на самом деле — неизвестно. Но на память об этой легенде нам осталось выражение «Потемкинские деревни», так говорят о масштабных проектах, которые, по сути, являются обманкой, ширмой.





Кирилл Сорокин



У меня сегодня праздник одиночества

У меня сегодня праздник одиночества.
У меня сегодня полон дом гостей:
Стол, камин и шкаф — его Высочество
С жёлтой стопкой старых новостей.

На стене часы стучат пророчества,
Жизнь дробя на тысячи частей.
Стол, твоё не вспомню имя-отчество,
Мой фужер, случайно, не разбей!

Мне его пролить совсем не хочется, —
Красный сок горячих южных дней.
Пусть плетут часы свои пророчества,
С ним, быть может, будет веселей.

Пусть камин за тьмой в углах охотится,
Дрожью света двигая гостей.
У меня сегодня вечер одиночества
С пыльной стопкой старых новостей.

Мы осколки

Мы осколки шальной
И случайной мечты,
Искры чьих-то костров,
Блики смутных иллюзий,
Тени прошлых веков
Посреди суеты,
Свет в окошках домов,
Чьи-то грустные музы.

Мы горим без огня
Светом дальней звезды,
Рвёмся в бой за любовь
В гулком вое орудий.
И боимся врагов
И хотим тишины.
Повелители снов,
И обычные люди.

Друг для друга мы — тьма
И во тьме маячки.
Ключ от ржавых оков,
Мрачный лекарь иллюзий.
Крепостные валы,
Дверь в иные миры.
Души бывших богов...
И обычные люди.





Я проснулся, когда жаркий поток солнечного света окончательно лишил меня надежды сохранить под тонкой простынёй хоть немного ночной прохлады. Капающий кран в ванной комнате моего номера оказался неважной заменой кондиционеру, а в огромное окно весь день жарило шальное солнце, так, что даже возвращаясь уже в темноте, я подолгу курил на узком балконе, глядя на неспешный провинциальный променад. Чужие жизни спешили домой или на работу, девушки гуляли собак и друг друга, юноши гуляли девушек и старенькие машины с оглушительной музыкой и нескромными претензиями на внешний тюнинг. Старики прогуливались в скверике, на стоянке у ресторана сменялись автомобили, светофоры моргали жёлтым, и почти во всех светящихся вывесках обязательно недоставало хотя бы по одной букве. Я смотрел вниз и неловко пытался жонглировать отяжелевшими мыслями. Мысли выпадали из скользких ладоней и падали на далёкие плиты тротуара, с хрустальным звоном рассыпаясь на множество мелких осколков. Не собрать. Потом я задергивал занавеску и нехотя укладывался.

Я проснулся, вспотев под тонкой неуютно пахнущей поездом, простынёй и решил съезжать сегодня. Если будет смысл остаться здесь ещё на одну ночь, то найдётся и возможность, а иначе, я уеду сегодня вечером. Через час мои вещички были уже в камере хранения, а я, на удачу, шагал по незнакомым улицам...

В светлом парке над неширокой рекой томно катящей сверкающую мелкую рябь было прохладно и уютно, плавящее асфальт пекло превращалось здесь в лёгкий, тёплый сквозняк, колышущий тёмные листья древних дубов и высоких радостных клёнов. Дела, приведшие меня в небольшой городок, где всё, даже коробчатые новостройки, казалось покрытым патиной минувших веков, пришли к довольно успешному завершению на сутки раньше, чем планировалось. Я, думая, на что употребить подаренный мне день, сбежал из раскалённого центра незнакомого города и, совершенно неожиданно, бредя куда придётся, наткнулся на этот парк. Приятно было сидеть на теплой скамейке под шуршащей листвой и смотреть на никогда не останавливающуюся воду, вдыхать смолистый запах скрюченных от излишнего простора сосен. Приятно было бы просто радоваться, но новые впечатления и лёгкая горячка, пусть даже такого незначительного путешествия, требовали от меня вполне определённых действий, а, для начала, хотя бы мыслей. Уже не я смотрел на сверкающую воду, а нечто. Нечто смотрело моими глазами на меня самого, сидящего на удобной скамейке под клёнами и дубами у простенькой набережной, лишая меня доброй половины ощущений.

— Ну, ни одного сюжета!

— Думай!

Скоро мне наскучила река и неразгаданный шёпот старых деревьев, а торопливое желание увидеть ещё что-нибудь, вновь погнало меня вверх, в город. Я бродил, выбирая улицы поуютнее и потенистее, покупал мороженное, смотрел на людей и думал над обрывками разговоров, что мне удавалось услышать. Я постоял на мосту, прогулялся по тесному старому центру, увидел всё, о чём знал и что мне хотелось бы увидеть. Краеведческий музей был мною отвергнут, а вот неожиданно большой выставочный зал заинтересовал кроме предлагаемой экспозиции, ещё и висящими над окнами кондиционерами. В одном из залов была керамика, три других занимала выставка работ местных художников. Всё как обычно: пара откровенных бездарностей, прикрывающихся постмодернизмом и сюрреализмом, несколько хороших, честных ремесленников и две три работы, ради которых стоило приехать и зайти. Я, присев, смотрел на очередное малопонятное буйство форм и красок, думая о том, что видел пару шагов назад. О том, как из несложного городского пейзажа посмотрел на меня человек, о том, как удалось ему передать настроение не только цветовыми акцентами и освещением, но и ещё чем-то... Чем-то, что нельзя увидеть глазами.

В зале было немногочисленно, пожалуй, даже пусто. Я заметил, может быть ещё троих—

четверых любителей живописи и взрывов фантазии, увековеченных в глине, мужского пола и симпатичную девушку, смешно грызущую, в задумчивости, дужку очков. Она пришла чуть позже меня и, похоже, точно знала, что хочет увидеть, быстро переходя от картины к картине и подолгу задерживаясь примерно там же, где и я. К счастью друг другу мы не мешали.

Уже чуть устав и думая о дальнейшем маршруте, я вернулся к тому, что мне больше всего понравилось и, ненадолго присев напротив, задумался, как обычно бывает, о чём-то совершенно другом.

— Мне тоже очень понравилось...

Я медленно повернул голову на голос и увидел ту самую девушку с очками и гладко зачесанными волосами. Она задумчиво смотрела на полотно, и, казалось, не имела никакого отношения к сказанному, потом, как-то чуть заметно встрепенувшись, посмотрела на меня, чуть-чуть раскосыми глазами необычного сине-голубого цвета и смущённо сказала:

— Извините.

Голос мне понравился. И то, что при ближайшем рассмотрении она оказалась старше, чем говорила её миниатюрность — тоже понравилось.

— Нет, ничего. Действительно хорошо.

— А что ещё? Понравилось? Вам?

Я немного растерялся, почувствовав её, возможно профессиональную, заинтересованность и неловкость оттого, что не запомнил фамилии художников.

— Хотите, покажу?

Она кивнула почти радостно, и мы долго ещё ходили по залам, от картины к картине.

— А это тоже ученик моего отца! И это. Мы немножко знакомы. А мои детки ещё маленькие. А может, когда-нибудь и они.

Мне уже хватило картин, но оторваться от неё было очень трудно. Как от семечек. Я, опуская подробности, слушал голос и, стоя чуть позади, смотрел на бог знает сколькими поэтами воспетый завиток, выбившийся из причёски. Говорят, так бывает, и в юности это бывает со всеми настолько часто, что мы просто перестаём верить. К тому же нас усердно учат, что нужно поступать как должно, а не как нравится. Если бы я мог подвести свои ощущения под определение «нравится», то легко поступил бы «как должно», но... Увы. Даже ехидный голос, утверждающий: « Тебя «сняли», приятель!», похоже, не был в этом уверен...

Мы вышли на высокое крыльцо, попав в до озноба жаркие объятия июльского дня и оба немного замялись.

— Спасибо за замечательную экскурсию! — я посмотрел на часы. — Знаете, как порядочный человек я просто обязан накормить вас обедом. Я хочу пригласить вас куда-нибудь. Она чуть помолчала, глядя на меня или сквозь меня — я не мог понять.

— Хорошо. С удовольствием! До завтрашнего утра я совершенно свободна! И никаким намёком это не звучало. Просто человек сказал, то что думает, может лишнее, но без задних мыслей — с первых минут меня не оставляло странное чувство реальности, ненужности игры с полутонами и сложными мизансценами.

— Но выбираете вы!

— Идёт. Не волнуйтесь, я вас не разорю.

— Зря!

Город плыл за зеркальными окнами кафе с плетёной мебелью, купаясь в зыбком мареве, шумел вокруг нас листвой и шагами прохожих, прибоем автомобилей и голубиными крыльями. Что-то менялось вокруг, придавая загадочную глубокомысленность дребезжанию трамваев и солнечным бликам на асфальте. Мы бродили вдвоём по тем же тесным улицам, и они тихо светились её неподдельной любовью — очень простым, не требующим осмысления чувством признательности

и гордости. Я удивлённо смотрел вокруг себя и с улыбкой — на неё. Смотрел, думая то об одном, то о другом, путаясь в мыслях и отдавая себя ощущениям. Её образ сплетался для меня со старыми фасадами, спрятанными за темными липами; с аккуратными сквериками и укрытыми пахнущей зноем черёмухой, скамейками; с матовыми шарами чугунных фонарей и мощёными горбатой брусчаткой тротуарами. Время бежало, спотыкаясь, будто опаздывая на уже отходящий поезд. День мелькнул короткой вспышкой, сверкнул красным диском уходящего за реку солнца и на набережную тихо вполз вечер. Мы стояли у высокого парапета, бросали в воду камешки и говорили обо всём сразу, торопясь, перепрыгивая с одной темы на другую.

— Красиво. Очень редко удаётся угадать нужный ракурс, чтобы картина не стала похожа на фотографию... Пожалуй, всё дело лишь в том, чтобы найти этот ракурс.

— Наверное, художникам живётся чуть легче, чем литераторам. Не нужно как вампиру вытягивать сюжеты из ближних. Сюжет — вот он, просто подумай, с какой стороны его описать.

— Не знаю. Это трудно — видеть, хотеть и не уметь передать, то, что чувствуешь. Когда получается что-то другое... Всем нравится, но никто не видит того что тебе хотелось показать.

— А это возможно вообще?

— Знаешь, даже и не знаю, — она, улыбнувшись, пожала плечами.

Я, не замахаясь, бросил последний камешек. Внизу тихо плеснула вода.

— Теперь моя очередь кормить тебя. Ужином.

— Мне это не очень нравится. Не ужин, нет.

— Значит всё в порядке. Пойдём, ты, как гость, обязан меня слушаться!

Мы немного прошлись, подождали уютно светящийся жёлтыми окошками, пустой трамвай и, дрожа, поехали мимо белых шаров маленьких уличных солнц.

— Ой. У меня нет ничего спиртного. Не держу.

— Ну и что? Это не важно.

— Правда? Хорошо, — она нашла в крохотной сумочке ключи и отперла дверь. — Подожди, я свет включу.

Все свободные стены старой, двухкомнатной квартиры были увешаны множеством картин. Там были пейзажи, натюрморты, портреты, крохотные миниатюры. Она, как-то умудряясь заниматься сотней дел сразу, рассказывала мне о людях на портретах, о местах, изображённых на пейзажах, об отце, чьей кисти принадлежала большая часть работ, об удивительно красивой девочке на одном из портретов — её дочери, у которой завтра заканчивается смена в летнем лагере. Потом мы ужинали на маленькой кухне с таким высоким потолком, что казалось, если уложить комнату на бок, то она станет значительно больше; пили крепкий чай, глядя, как опускается на город ночь. Ночь была словно из другого мира, из другой жизни.

Никогда я не отзывался на своё имя с такой, захлёстывающей сознание, дрожью. Никогда так не хотел услышать его вновь...

За окнами было уже серо, когда она вдруг спросила:

— Ты умеешь делать глупости?

— Я думал, ты спишь.

— А ты разве спишь? Ты умеешь? — её ладонь бродила по моему лицу.

— У тебя ещё есть какие-то сомнения?

— Я не это имела в виду. Язык вечно меня подводит. Другие, большие...

— Думаю, да.

— А я думаю — нет.

Я хотел что-то сказать, но она накрыла мои губы ладонью:

— Я тебе расскажу, а ты... Ты умный. Не делай глупостей.

Я кивнул, улыбнувшись. Она молчала несколько минут, прежде, чем начать.

— Я не знаю, кто отец моей дочери. Молчи. Я не знаю, кто именно из четверых. Восемнадцатилетним девушкам нужно быть осторожнее, когда они возвращаются домой поздно вечером. Отца уже не было тогда, да и что это изменило бы? Пусть лучше соседские бабушки косо смотрят, чем... Мама болела, но вместе нам было не плохо. Плохо стало, когда она умерла. Несколько лет мне казалось, что мы никогда не выкарабкаемся, но постепенно что-то менялось, и жизнь потихоньку устраивалась, а я привыкала. Потом я познакомилась с мужчиной, который стал для меня очень многим. Мы стали жить вместе. Здесь. Было хорошо. Иногда я боялась, что всё слишком хорошо — наверное, я уже всё понимала, но не хотела в это верить, пока не столкнулась. Однажды зимой я возвращалась домой. Вышла из автобуса на остановке, что напротив, стояла у перехода, ждала, когда загорится зелёный и вдруг увидела, что она бежит через дорогу. Бежит ко мне, не одетая в домашних тапочках, машинам наперерез... Совсем молодой парень... он просто не мог ничего сделать. Мне безумно жаль было, что его наказывают, пусть даже у неё было по несколько переломов на обеих ногах... Потом приходилось ломать и снова складывать, но у меня никогда не получалось думать о нём плохо, потому что виноват был тот с кем я прожила несколько лет, кому я верила и у кого искала защиты. Я не знаю, что случилось. Знаю только, что она бросилась из дому, когда увидела меня на остановке. Если бы он попытался что-то объяснить мне. Но он просто собрал свои вещи и ушёл. И глаза у него были чужие, незнакомые... Рассказчик из меня, конечно... — она нервно усмехнулась. — Знаешь, у меня нет никакой злости, и страшных клятв я не давала, просто больше рядом с нами никого нет, и не будет. Это не страх, это нежелание его испытывать. Я хочу, чтобы мне было спокойно. Можешь думать обо мне всё, что угодно.

Говорят, в ситуации, когда ничего нельзя сказать, имеет смысл заменить слова поцелуем. Это всё, что мне оставалось.

Когда она уснула, ночь за открытой балконной дверью уже сменялась утренними сумерками. Я тоже задремал, но скоро очнулся от невыносимого желания курить. Накинув, для приличия, рубашку, я вышел на крохотный балкон, нависающий над тихой воскресной улицей, и жадно затянулся, даже не выплюнув первый, пахнущий спичечной серой, дым. Город спал теплым и ленивым утренним сном, где-то за углом нечасто шаркала дворничья метла, покачивался под лёгким ветерком жестяной лист с расписанием движения автобусов на остановке напротив. Я стоял босиком на прохладном выгоревшем линолеуме, чувствуя голыми пятками, каждый случайный камешек, что остался под ним, и думал. Пытался думать, но сам не знал о чём. Передо мной мелькали картинки вчерашнего дня, сегодняшней ночи, зимнего вечера пятилетней давности, какие-то лица, слова, опять прошедшая ночь — всё вперемешку... Я прикурил следующую сигарету от окурка, прежде чем щелчком отправить его на середину проезжей части и снова глубоко затянулся. Через час мне нужно быть на автовокзале, но прежде мне хотелось ещё, хотя бы раз, услышать своё имя.

Сидя на неудобной скамейке со слишком прямой спинкой, я смотрел, как большой рыжий кот мягко ступает по узкому парапету вокруг клумбы полыхающей ярко-красными цветами. Город был чуть ниже и со своего места я мог рассмотреть сетку тонущих в листве улиц и зелёные крыши, и ползущие по улицам машины, и золотые маковки колоколен. Солнце уже поднялось и приятно припекало затылок... Подали автобус и пассажиры, уложив багаж, вытянулись в очередь перед дверью. Я обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на старый город, и будто толстая басовая струна оборвалась, защекодав обрывком горло и лишив меня устойчивости, превратив на мгновение в тряпичную куклу. Сплюнув в ближайшую урну, я скрежетнул зубами и зло крикнул в себя, в тревожную пустоту: «Нет сюжета! Ни одного!»





Сказка о благородном рыцаре

Давным-давно, когда слово «благородный» означало не только и не столько высокую нравственность, самоотверженную честность и открытость, сколько чистоту родословной, предполагая, впрочем, и необыкновенные личные качества, в одном маленьком королевстве, уютно расположившемся среди ярких альпийских лугов в окружении заснеженных горных пиков, жил молодой благородный рыцарь. Роду он был хоть и не богатого, но дворянского, и потому вхож в невеликое придворное общество, где его не то чтобы терпели, но и невниманием не обижали. Посещал балы, старательно участвовал в маленьких «домашних» спектаклях и сценках, волочился, по обязанности, за стареющими придворными дамами, бросая пылкие взоры на младшую королеву и мечтая о взаимности.

Маленьким было королевство и мирным. Дед молодого рыцаря, было дело, покрыл себя ратной славой, чем, собственно, и выслужил наследственный рыцарский титул. Отцу же лихих сражений не досталось, и он мирно прожил век среди зелёных лугов и ручьёв, журчащих по скалам, занимаясь понемногу то сельским хозяйством, то коммерцией, приобнимая прекрасных пастушек и декламируя сыну эпические вирши о великом прошлом предков. Так и вырос малец в мечтах о великом подвиге, великой славе и великих почестях. Одна беда – негде было свершать дела великие. Не было в тех краях ни гроба господня, ни чаши его, которую имело бы смысл искать. Драконы и те повывелись, говорили, правда, горцы с дальних границ, будто у них ещё водятся, да то – слухи. Но рыцарь не отчаивался и, предвидя будущие подвиги, усердно занимался военными науками, верховой ездой, фехтованием, поэтикой, риторикой и даже, переодевшись в крестьянское, таскал в порту бочки и тюки — для укрепления организма.

Так и пришло время, когда в размышления о подвигах прокрадывается ещё один образ — образ прекрасной дамы, к чьим ногам брошена должна быть и вся земная слава и все прижизненные почести. Образ был смешлив и несколько пухловат, в пышном небесно-голубом платье и со вздёрнутым носиком — младшая королева пленила романтического молодого рыцаря, лишив его здорового юношеского сна и устроив игривый дамский беспорядок в его возвышенных мыслях. Рыцарь чахнул и искал встречи, взгляда, вдоха. Он забывал свои роли и наступал дамам на юбки, получал чувствительные уколы учительской рапиры и даже был укушен лошадьё, но чудный образ не уходил из его помыслов. Если бы не счастливая случайность, история рыцаря могла бы закончиться, так и не начавшись, но однажды на придворном балу произошло то, о чём он мечтал, то, что дало ему силы жить и свершать великое – она посмотрела на него. А спустя недолгое время они оказались в саду один на один. Как ни смущён был рыцарь, он нашёл в себе силы отринуть пустые вздохи о чудной погоде и загадочном ночном светиле и, упав на колени, открылся оторопевшей королеве.

«Я совершу в вашу честь, свет очей моих, любой подвиг, какой вы сочтёте достойным!» — почти выкрикнул рыцарь.

Королева задумалась. Пылкий мальчик был ей симпатичен, а когда тебе ещё и предлагают любой подвиг на выбор — это стоит даже замужества. Главное выбрать что-то такое... Такое... Если бы перед таким выбором оказались её старшие сёстры, они потребовали бы время на размышления. Дня два или неделю. «Но, с другой стороны, им таких вопросов и не задавали, да ещё восторженно стоя на коленях с бледным ликом и горящими глазами» — думала королева. Она была разгорячена танцами и необыкновенным приключением, и думать ей было некогда, а вчера девушки из прислуги рассказывали о том, что далеко на севере ещё не перевелись драконы и до сих пор держат в страхе добрых крестьян и воруют скот... «Убейте дракона, благородный рыцарь!» — молвила она задыхаясь. Король растерянно выслушал молодого рыцаря из бедного, но славного рода. Призвал младшую королеву. Покачал головой и выгнал прочь обоих, приказав рыцарю обождать решения. Он

думал.

Смотрел в окно на снежные пики и вспоминал, как в детстве его, как и всех детей, пугали драконами. Он думал о том, что три старшие дочери удачно сосватаны окрестным принцам, а младшей подходящей партии не предвидится. Думал о том, что не мешало бы освежить королевскую кровь и несколько укрепить властную вертикаль...

Спустя час герольд передал рыцарю королевское благословение и вручил рекомендательные грамоты для окраинных феодалов.

Спустя два часа рыцарь на приседающей под тяжестью амуниции лошади проследовал через северную городскую заставу.

Путь его был долог, но не лишён приятности. Окрест расстилались ухоженные поля и виноградники, окружённые неизменным кольцом гор, крестьяне кланялись, радуясь этому вынужденному перерыву в работе, и легко пускали на постой. Каждые два дня пути рыцарь устраивал днёвку и упражнялся с оружием, а в каждом селении справлялся, давно ли жители видели драконов. Наконец он достиг местности, где детей всё ещё пугали крылатыми змеями, а скот держали под навесами, но и там драконов давно уже не видели. Рыцарь пировал с баронами из приграничья, польщёнными большой честью приютить у себя героя и, возможно, будущего зятя «самого», но их сведения были так же скудны. Один, правда, предлагал подарить клык и коготь дракона в обмен на некоторые привилегии в будущем, но рыцарь бежал от него как от прокажённого. И вот, на самом краю королевства, там, где начинались высокие горы, непроходимые для лошади, рыцарь встретил старого пастуха из маленькой деревеньки, и тот рассказал ему, что дракон иногда пролетает над их лугами и изредка даже уносит овечку, но людей не трогает и даже самым красивым девственницам нет нужды прятаться или приводить себя в негодность. Старик даже выложил из маленьких камешков подобие карты, где показал гнездо дракона и тропки к нему. Рыцарь горячо благодарил пастуха, подарил ему золотую монету и остался ночевать в его хижине. А утром он увидел дракона. Дракон легко кружил в потоках теплого воздуха, поднимающегося из долины, его длинное тело переливалось мягкими пастельными красками, сквозь огромные кожистые крылья просвечивало солнце, а длинная шея плавно изгибалась, грациозно неся маленькую голову. На мгновение рыцарь забыл что дракон - истонный враг человека и расхититель собственности. Он был так красив, что им нельзя было не любоваться. Сердце замерло в груди молодого рыцаря, когда летучая змея вдруг скользнула вниз и, натужно просвистев над его головой, схватила молодого барана. Рыцарь увидел, что дракон совсем не велик и, исполнившись боевого духа, спросил:

— А что, старик, сия тварь пламень извергает?

— Что вы, благородный рыцарь! Драконы плевались, бывало, а это ведь она. Дракониha... День и ночь пробирался рыцарь по узким карнизам к драконьему гнезду. Он заночевал, было, в узкой щели, но так метался во сне, что чуть не скатился в пропасть и, решив, что это чары злобного дракона, снова тронулся в путь, сочиня на ходу ласковые и героические стихи к прекрасной даме. В рассветных сумерках второго дня он подошёл к гнезду. Дракон спал, опустив крылья и спрятав под ними голову. Рыцарь замялся — подобная встреча не походила ни на что из читанного и слышанного, он стал медленно приближаться, но предательский камешек выкатился из под его ноги и с шумом покотился вниз. Грозно рыкнув, дракон вскочил, а в гнезде, которое он накрывал крыльями, запищали розовые слепые, толстые змеёныши с крохотными крылышками. Рыцарь отшатнулся, а дракон медленно повёл крылом над гнездом, успокаивая детёнышей. Потом он сделал несколько тяжёлых шагов вперёд, закрыв собой гнездо, и встал на задние лапы, глядя на рыцаря. Чешуя дракона была зеркальной, и рыцарь видел множество своих крошечных отражений, а потом, прямо внутри себя он услышал голос:

— Чего ты хочешь?

Рыцарь плохо соображал. Ему захотелось на минутку отойти и не хотелось отводить

взгляд от своих отражений. «Мерзкая тварь! — подумал рыцарь — Ты околдовываешь меня».

— Чего ты хочешь, человек?

— Мне нужно... Я хочу... Я хочу убить тебя. Я тебя убью, дьявольское отродье!

— За что?

— Ты дьявольская тварь! Ты держишь в страхе мой народ и заставляешь его голодать! Ты... Ты

— Ты хочешь со мной драться?

— Да! Я убью тебя! Я убью тебя!

Дракон мог бы подняться в воздух и с налёту разорвать человека на клочки, но на то время, что потребуется для манёвра, человек останется на земле, рядом с гнездом, а маленьким драконам достаточно слабого удара. Дракон не мог рисковать, но он не мог сражаться с человеком на земле — на земле он слишком неповоротлив. Дракон не мог рисковать, потому что он последний из своего рода, по крайней мере, на неделю пути... Он сдвинулся чуть в сторону, приоткрыв гнездо.

— Ты должен убить дракона? Любого?

— Я благородный рыцарь! Я убью любого встречного дракона!

— Убей любого из них, — голова дракона качнулась в сторону гнезда. — Они драконы, человек. Ты не нарушишь слова. От меня ты получишь любой трофей: зуб, коготь, прекрасное зеркальце для своей дамы...

Он медленно моргнул вертикальными веками

Рыцарь с отвращением посмотрел на копошащихся в гнезде змей и, попятившись, закричал:

— Ты мерзкая тварь! Ты предлагаешь мне сделку? Мне, рыцарю в третьем колене! Ты готова отдать мне собственного детёныша, чтобы сохранить свою шкуру?! Да я раздавлю тебя как червя! — он даже подпрыгнул от негодования. В следующий миг в голове рыцаря раздался оглушающий не то рёв, не то вой и дракон ринулся в атаку, отразив в своей чешуе пламя восходящего солнца. Рыцарь подхватил копьё и, вертась и подпрыгивая, стал обходить дракона то слева, то справа. Дракон молотил хвостом по скалам, осыпая тучи щебня и пыли, и уводил рыцаря всё дальше от гнезда. Они оба рычали и скалили зубы, но дракон не мог угнаться за человеком, а человек, в конце концов, изловчился и ткнул дракона копьем в лапу. Крылатая змея яростно взревела и бросилась за убегающим рыцарем, помогая себе крыльями. Рыцарь укрылся в узкой расщелине между массивными скалами, дракон, в ярости влетел в щель и... застрял. Его крылья оказались плотно прижаты к туловищу, а сильные задние лапы молотили по камням, не причиняя человеку вреда, передние же оказались слишком коротки. Тогда рыцарь поднялся и, прицелившись между чешуек, вогнал копьё туда, где по его предположениям, находилось драконье сердце...

Дракон долго бился, истекая горячей кровью, храпя и водя огромными бездонно-чёрными глазами. Когда он затих, рыцарь выбил из его пасти два самых длинных клыка, отрубил переднюю лапу и вырвал дюжину тяжёлых зеркальных чешуек. Когда рыцарь начал спуск, над гнездом, спускаясь всё ниже, кружили стервятники. Через два дня он снова был в хижине у старого пастуха. Старик с интересом посмотрел на драконью лапу, почмокал и покачал головой.

— А сердце, господин рыцарь не вырезали? А глаз? Драконий глаз — знатная штука. А когти все повыдергали? Когти — ценный трофей — всякие снадобья варят...

— Я не торговец, старик. Я — благородный рыцарь!

— Да, господин рыцарь. Да... — старик долго смотрел на вершины, о чём-то размышляя — Детишек, видно, много... Ослабла...

Много воды утекло с той поры. Благородный рыцарь — победитель Зеркального дракона занял надлежащее место при дворе короля, стал его зятем, родил двоих дочерей и троих сыновей и мечтал о том времени, когда один из них взойдёт на престол. Жизнь его текла с той поры мирно и спокойно: занимался понемногу сельским хозяйством и коммерцией, приобнимал прекрасных

пастушек и читал сыновьям героические повести прежних лет, ездил с друзьями и многочисленной челядью на охоту и вечерами у охотничьего костра рассказывал, как в юности на Драконьей горе убил злобного зеркального дракона.

И жизнь в королевстве текла по-прежнему тихо и размеренно. Всё так же сверкали в лучах солнца белоснежные вершины, зеленели луга, журчали холодные ручьи и радовали глаз аккуратные виноградники. Всё так же вырезали пастухи свирели, а девушки пели вечерами, суча шерсть. Всё таким же бездонным было голубое небо...

Стихи



Слагать стихи?
Увольте! Не умею.
Хотя, порой, так хочется летать,
Журчать водой от рифмы цепenea
И в двух словах
О многом рассказать.

Ведь есть сердца,
Которые умеют ловить мотив
Неслышный ветерка,
Усталость вечера,
Полёт волшебной феи...
И без труда укладывать в слова.

Что светлым – им
До нас, во тьме бредущих
Которым что ни строчка – то гора...
Слагать стихи?
Увольте. Не научен.
Но не могу не складывать слова.



Ирина Ревуа



Итак, рубрика «Работа над ошибками» продолжает свою работу. Мы учли ошибки, совершенные нами при подготовке 8 номера и отвели на работу больше времени. В итоге все получилось наилучшим образом.

На этот раз наши эксперты работали над текстом Наталии Кодиной, «Тебе ведь уже говорили...».

В работе принимали участия:

Наталия Кодинова (Н. К.) — автор;

Сергей Романцов (С.Р.) — эксперт-филолог;

Вера Иванова (В. И.) — эксперт-филолог;

Евгения Литвиненко (Е. Л.) — редактор.

Наталия Кодинова:

Тебе ведь уже говорили...

Тебе ведь уже говорили, сейчас запятые не ставят.

Тебя же предупреждали, что острой бывает память.

Тебе же давно рассказали, что чай все равно остывает,
пусть даже и в двадцать третьем твоём подуставшем мае.

Когда-то весь мир по-другому смеялся, шутил и не плакал.

Надежда? Пойми, а толку? Побитой скулит собакой...

Устала? Нет бодрости в кофе? Ну, что ты расклеилась просто?

Все файлы в стихах с паролем. Мечты зазываешь в гости.

Рассвет по ладоням стекает вновь гелем для душа спокойно,

куда-то спешат трамваи, и знаешь, уже не больно.

По радио вновь передали — гроза ожидается. Зонтик

с собой не забудь... А впрочем... Плевать... Макияж испортит...

Учись ты опять улыбаться, пусть даже царапают кошки,

но только не надо снова родную искать ладошку.

Тебе ведь уже говорили, а ты все наивная веришь.

Уходишь и ждешь возврата, открытыми держишь двери.

Тебе же вчера объясняли... Забыла иль глупою стала?

А может в чужой квартире вновь воздуха просто мало?

Тебе ведь уже говорили... А значит, не стоит о главном...

В твоём двадцать третьем мае все, в общем-то, очень славно.

Сергей Романцов (разбор текста построфно, номер абзаца соответствует номеру строфы):

2. «по-другому смеялся, шутил и не плакал» — по-другому не плакал? А как это возможно?

«Пойми, а толку?» — что означает сей оборот? Императивное обращение не должно заканчиваться вопросом. Человеку надо понять что-то утвердительное, а не вопрос.

«Ну, что ты расклеилась просто?» — очередная странная конструкция. Если это вопрос, то слово «просто» тут совсем не к месту. Но сам приём сплошных вопросов мне понравился. Только бы подкорректировать, чтобы звучало по-русски.

3. «Рассвет по ладоням стекает вновь гелем для душа спокойно» — не нравятся три вещи. Первая — гель для душа. Но тут я не стану настаивать, поскольку этот образ мне не нравится чисто субъективно. У меня возникает ощущение, что он стилистически не оправдан и контрастирует в плохом смысле слова с остальным, но убедительных доводов для этого я не нахожу. Вторая — «стекает вновь гелем» обилие согласных затрудняет звучание, ухудшает его, слово «вновь» надо и вовсе заменить, убрать, мне кажется. Третья — «стекает спокойно» а может и беспокойно стекать? Я понимаю, что переносные значения, образность, тропы там и тому подобное, но тут не то, не на своём месте слово и это бросается в глаза. С другой стороны, можно ассоциировать данное слово с психологическим состоянием героини, но про это думаешь уже задним числом, а первое впечатление иное.

«Зонтик с собой не забудь... А впрочем... Плевать... Макияж испортит...» — зонтик макияж испортит?

4. «Учись ты опять улыбаться» — а нужно местоимение тут? Глагол как бы сам по себе намекает на второе лицо.

«Уходишь и ждешь возврата» — глупо ждать возврата, если сам ушёл, как бы некому и некуда возвращаться кроме тебя.

5. «Забыла иль глупую стала» — так современно звучит стихотворение, а тут появляется этот ужасный старик «иль» и всё портит.

«вновь воздуха» — два «В» друг друга толкают.

В целом стихотворение вполне себе хорошее, но некоторые неровности выражений таки его портят.

Евгения Литвиненко:

Так, сначала что мне не понравилось и, с моей точки зрения, нуждается в доработке.

«по-другому смеялся, шутил и не плакал» — не плакал по-другому? Ну и вообще в однородных предложениях либо у всех членов есть отрицательная частица, либо у всех нет. На то они и однородные.

«Надежда? Пойми, а толку? Побитой скулит собакой...» — фраза в разговорном стиле. В принципе допустимо, это внутренний монолог, я правильно понимаю? Вот только... Кто скулит побитой собакой? ЛГ или надежда?

«Ну, что ты расклеилась просто?» — а запятой тут после «ты» не надо? Или я фразу не правильно поняла? И это точно вопрос? Какой-то он немного неестественный. Я так понимаю, подразумевается, что тут как бы переспрашивают у ЛГ, уточняя ее ответ?

«Рассвет по ладоням стекает вновь гелем для душа спокойно» — рассвет вновь стекает или вновь гелем для душа? Инверсия — довольно сложный прием, который не стоит употреблять только для подгона ритма. Опять же, получаются неестественные фразы.

«Зонтик с собой не забудь... А впрочем... Плевать... Макияж испортит...» — понятно, что макияж испортить должен дождь, вот только если предложение безличное, то в качестве действующего лица там обычно подразумевается ближайший упомянутый в тексте до безличного предложения предмет или существо. В том случае зонтик.

«Уходишь и ждешь возврата, открытыми держишь двери» — если ЛГ сама ушла, то как она может ждать возврата?

«А может в чужой квартире вновь воздуха просто мало?» — опять инверсия, хотя менее бросается в глаза. Но вот это «просто». Это же слово паразит в данном случае, а еще и впихнуто оно в неестественное для себя место.

Теперь о том, что понравилось и очень хотелось бы сохранить:

Первая строфа целиком. Все уместно, все приятно и хорошо.

«куда-то спешат трамваи и знаешь, уже не больно.

По радио вновь передали - гроза ожидается» — понравилось впадение этого «уже не больно» между двумя обыденными вещами. Подчеркивает неизбежность этого «не больно» и какую-то неожиданность, что ли.

«Учись ты опять улыбаться, пусть даже царапают кошки,
но только не надо снова родную искать ладошку» — Тоже нравится. Даже этот обрезанный фразеологизм. Удачно обрезан.

Ну и концовка. Концовка нравится очень.

Вера Иванова:

В целом, как чтецу, произведение мне понравилось: единый смысл, нет разорванности между строфами.

Удачные моменты:

рефренное построение произведения (тебе же говорили, предупреждали и т.д.). образы: «мечты зазываешь в гости», «подуставший май», «рассвет по ладоням стекает», «в чужой квартире воздуха просто мало».

Недочеты:

много слов-паразитов и (создается ощущение, что автору просто нечего было вставить для поддержания целостности ритмического рисунка): «ну», «иль», «а может», и пр.

Неоправдан разрыв фразы «надежда побитой скулит собакой» во второй строфе. Конструкция «Пойми, а толку?» не завершена (толку - в чем?).

«Ну, что ты расклеилась просто?» — «просто» явно лишнее, если только автор не хотел показать, как именно расклеилась лирическая героиня (просто или сложно).

«Учись ты опять улыбаться, пусть даже царапают кошки,
но только не надо снова родную искать ладошку.

Тебе ведь уже говорили, а ты все наивная веришь.

Уходишь и ждешь возврата, открытыми держишь двери»

Слабая строфа. Вся. Первая строка перегружена частицами «опять», «даже», «пусть».

«Учись улыбаться, пусть даже царапают кошки» (понятно, что автор проводит аналогию с фразеологизмом «на душе скребутся кошки») — образ «царапают кошки» воспринимается буквально.

Вторая строка: перегруз («только не надо снова») — по сути не создающие текстовый колорит слова-пустышки. «кошки-ладошку» — банальная рифма.

«тебе ведь уже говорили, а ты все наивная веришь» — что говорили?

Н.К.

Тебе ведь уже говорили, сейчас запятые не ставят.

Тебя же предупреждали, что острой бывает память.

Тебе же давно рассказали, что чай все равно остывает,
пусть даже и в двадцать третьем твоём подуставшем мае.

Когда-то весь мир инстинктивно смеялся, шутил, и не плакал.

Надежда? Немного толку... Побитой скулит собакой...

Устала? Нет горечи в кофе? Не стоит наигранной злости...

Все файлы в стихах с паролем. Мечты зазываешь в гости.

Рассвет по ладоням стекает минутами в душе спокойно,
куда-то спешат трамваи, и знаешь, уже не больно.

По радио вновь передали - гроза ожидается. Зонтик
с собой не забудь... А впрочем... Судьба макияж испортить...

Учись невпопад улыбаться, пусть даже царапают кошки,
но только в толпе не надо родную искать ладошку.

Тебе ведь уже говорили, а ты все, наивная, веришь.

Уходишь, но ждешь возврата, открытыми держишь двери.

Тебе же вчера объясняли... Забыла? Глупее чуть стала?

А может, в чужой квартире свободы упрямой мало?

Тебе ведь уже говорили... А значит, не стоит о главном...

В твоём двадцать третьем мае все, в общем-то, очень славно.





Ирина Ренцой





Мария Исаева
Сучка



Зоя (греч. «жизнь»), женское имя греческого происхождения.

Сучка:

- 1) Самка домашней собаки, а также других животных из семейства собачьих.*
- 2) Употребляется как бранное слово (словарь Ефремовой).*

— Сучка! — доносится из-за закрытой двери злобный выкрик. Утреннее приветствие мужа. Она к нему почти привыкла. Зоя стоит перед зеркалом и внимательно разглядывает в нем свое отражение. Та стройная молодая женщина, окутанная водопадом длинных каштановых волос, что внимательно, немного растерянно смотрит сейчас на Зою из матовой глубины зазеркалья, хорошо ей знакома. У Зоиной зеркальной близняшки неправильные, но при этом чертовски привлекательные черты лица. Породистый, тонкий, чуть длинноватый, с небольшой горбинкой нос. Крупный, чувственный рот. Огромные глаза, окаймленные длинными пушистыми ресницами. Изящные тонкие дуги бровей. Зеленоглазая кошка.

— Вот сучка! — звучит снова. В последнее время это слово, адресованное ей мужем, Зоя слышит очень часто. Уже научилась абстрагироваться.

«Здравствуй, утро доброе!», — она невесело усмехается, потом решительно трясет головой. Зажмуривается, дразнясь, высовывает кончик языка: «Не плакать же мне, в самом деле? А если и заплачу, то кому от этого легче станет? Мне? Нет, не станет. А Сергей только порадует, что сумел достать. Он ведь именно этого и добивается.

Трусливая шавка. Подленький такой человечек. Да только фиг ему. Не дождется». Ей крайне необходим позитивный настрой. Сегодня и всегда. Несмотря ни на что. — Ах ты, старый пень... — шепчет тихонечко в ответ Зоя. — Мухомор трухлявый. Она улыбается своей зеркальной двойняшке. А та в ответ послушно растягивает губы в вымученной резиновой улыбке.

«Нет, так не годится, это не улыбка получается, а гримаса какая-то нерадостная. Надо срочно переключиться», — Зоя недовольно хмурится.

На мгновение задумывается, мысленно представляет злобствующего мужа в ползунках и слюнявчике с карманом, и начинает заливисто смеяться. Та еще картинка получается. В ее глазах скачут задорные чертики. Удалось.

«И кому сегодня такая красота достанется? — мысленно вопрошает саму себя Зоя, и тут же жестко отвечает, — никому, сегодня не приемный день».

Не приемный день длится уже целый год.

— Давай, вылезай из ванной. Не только тебе на работу надо, — продолжает бесноваться муж за дверью.

Зоя широко распахивает ее:

— Свободно, можно заходить, — а после грациозно выпархивает из ванной и проносится по коридору в комнату.

Она полностью собралась, пора будить младшего. Утренние сборы в садик отработаны в деталях. На них не тратится ни одной лишней минуты.

— На работу собираешься, точно на свидание идешь. Юбку покороче надеть не могла? —

муж все никак не может успокоиться. Видимо две закрытые перед его носом двери, сначала в ванной, а потом в комнате, смертельно оскорбили все самые святые уголки его "трепетной души".

— И это моя жена! Тыфу на тебя. Выглядишь, как шалава.

Младший не хочет просыпаться, жалобно хнычет.

— Я спать хочу! Ну, дайте ребенку отдохнуть!

— Вставай, маленький. В садике поспишь, в тихий час. Всем на работу надо. Вставай же, Коленька, — Зоя будит сына, ласково трясая его за плечо.

— Не хочу в садик! А-а а... — раздается плач с надрывом, — Злые родители! Злые!.. «Раз-два-три», — она делает глубокий вдох и мысленно произносит самой себе: «Спокойно. Все нормально, все хорошо».

Зоя одевает младшего, нашептывая ему на ухо разные милые глупости. Улыбается, играет с сыном.

— Коленька, сыночка. Счастье ты мое безмерное.

— Мам, — доносится из коридора, — Денег дай на обед в столовке. И на мобильник брось мне рублей пятьдесят, а лучше сто. Я после уроков к Ваське, ладно? Проводишь меня? Я уйду. Вот и старшенький подал голос. Хорошо хоть, что его собирать в школу не надо. Он давно уже обходится без ее помощи. Седьмой класс все-таки. Не шутка.

— Меня Васька ждет во дворе. Мам, ну давай быстрее! Хочешь, чтобы твой сын на уроки опоздал? Мне Львовна голову тогда откусит.

Елена Львовна — это классная руководительница. Очень строгая и принципиальная дама.

— Первым уроком будет математика? — спрашивает Зоя сына.

— Ага, — соглашается Игорь, — Откуда ты знаешь?

— От верблюда, — она сует сыну деньги, машет ему рукой на прощание, — Давай. Иди-иди. Хорошего дня тебе, Игорешка. Созвонимся.

Игорек топчется на пороге квартиры, потом решительно оборачивается, дерзко смотрит на мужа:

— Моя мама не шалава! Не смей ее так называть! Она самая красивая, добрая и веселая!

На глазах мальчишки выступают слезы:

— Все друзья мне завидуют, что у меня такая мама. А ты, ты просто... — он с силой сжимает кулаки, — Ненавижу тебя!

— Ах, ты, — шипит в ответ муж, — Ах ты... Гаденыш неблагодарный. Приемный.

Сын резко бледнеет и выскакивает в коридор. Хлопает наружной дверью. Зоя кидается следом за ним:

— Игорек, ну что ты!

Она крепко прижимает к себе сына.

— Милый мой, родной!

Лицо Игорька все в слезах.

— Мама, ну за что он тебя так?

— Родной мой, — у Зои перехватывает дыхание от волнения, — Ты мой защитник. Мужчина мой маленький.

Сын досадливо морщится. Ему не нравится выглядеть маленьким в глазах матери.

— Не маленький, — поправляет себя Зоя, — уже большой. Сильный и добрый. Ну как за что? Моськи всегда кидаются на слонов. А чем слона еще пронять можно? Толстокожее ведь животное. Ударить меня он боится. А так, хоть словом куснет. Если получится. Все хорошо, сынок. Мы ведь одна команда. Ты, я и Колька. Нам плакать никак нельзя.

Она с минуту молчит, собираясь с мыслями, а потом продолжает:

И без нас есть, кому поплакать в этом мире. Слезы дома, в подушку. Чтобы никто не видел. А в мир нужно входить с улыбкой. Тогда и он тебе улыбнется. Мир — это зеркало, Игорек. С каким лицом в него заглянешь, то и увидишь в ответ.

Игорек обнимает ее, потом отстраняется. Быстрым движением руки вытирает злые слезы.

— Я все понял, мам. Я пойду, а то меня Васька заждался, наверное.

Зоя ласково улыбается сыну:

— Все хорошо, Игорек?

— Да, мам. Не звони бабе Тоне. Я сам заберу Кольку из садика.

Баба Тоня — добрая душа...

Соседка с пятого этажа. Называет ласково Игорька и Кольку:

— Мои внучата!

Много лет назад потеряла единственного сына и осталась одна-одинешенька на белом свете, вот и привязалась к Зоиным сыновьям всем сердцем. Всей душой.

Мальчишки часто толкуются у нее до самого вечера, накормлены и под присмотром. А бабе Тоне это и не в тягость вовсе. Новый смысл жизни у старой женщины появился.

— Доброго дня тебе, сынок.

Игорек садится в лифт. Двери закрываются, он уезжает. Зоя возвращается назад в квартиру.

Насупленный муж стоит в прихожей у зеркала и хмуро глядя перед собой, надевает пальто. Надулся то, надулся...

— Не лопни только, — думает вслух она.

— Что ты сказала? — муж отлипает от зеркала, переводя взгляд со своего отражения на Зою.

— Ровным счетом ничего, — она улыбается. — Погода, говорю, хорошая!

Выяснять сейчас отношения совершенно глупо и бессмысленно. Каждая минута на счету. А день обещает быть непростым.

Мужнино:

— Приемыш, — больно резануло по сердцу. Да, это слово прозвучало сегодня в первый раз, но явно не в последний.

Все когда-нибудь начинается. Раз уж произошло, жди повтора. Муж лишь озвучил то, что долго носил в себе. Это поняла и Зоя, и сын тоже.

Ладно, она постарается сейчас об этом не думать. Ей нужно, да что там говорить, ей просто необходимо потерпеть еще немного. Сейчас, в настоящем, каждый Божий день она трудится, словно пчелка, с утра до вечера, ради того скорого будущего, в котором мужу не будет места. Всему свое время.

— Ничего, — еще раз повторяет Зоя, — Сережа, я на работу опаздываю. Подкинь Кольку до садика. Ты ведь на колесах. Свою машину я только на следующей неделе смогу из сервиса забрать.

Тебе быстрее.

— Обойдешься, — огрызается муж, стоя уже в дверях, — У меня совещание. Важное. В ванной нужно было меньше торчать.

— А у меня съемка! — выпаливает Зоя в сердцах, — между прочим, тоже важная. И я должна хорошо выглядеть! Я — лицо, представляющее студию! Мне что, шваброй на работу ходить надо? Извини, я никак не могу себе этого позволить!

— Ах ты! Фу-ты, ну-ты... — издевательски проговаривает муж, — Экие мы важные! Вот завернула! Королевна выискалась! Лицом студии себя возомнила! Несколько придурков ненормальных, во главе с вашим Федором. Шарашкина контора, да и только. Сами дойдете. Ну, подумаешь, опоздаешь немного. Ничего страшного не случится ...

Он презрительно хмыкает, выходя из квартиры.

Зоя подталкивает его в спину:

— Не обделайся только от собственной «мнимой значимости». Со-ве-ща-ние ... — по слогам передразнивает она мужа. — Важ-ное... Три соучредителя, с пяток сотрудников и шлюшка-секретарша в придачу. Похоже, что она единственная, кто вдохновенно трудится на благо всей вашей конторы, тем местом, которое у нее работает лучше всего. Мозоль еще себе не заработала? Ты -то ей доволен, дорогой?

— Да, ничего так, но могла бы стараться и лучше... — бормочет муж, но тут же осекается, понимая двусмысленность сказанного.

Зоя презрительно усмехается в ответ.

— Ах ты, сучка поганая! — он замахивается на Зою.

Она перехватывает его занесенную для удара руку и крепко сжимает ее в запястье. Презрительно прищуривает глаза.

— Не советую! — яростно шепчет Зоя, — Запомни... Я тебе искренне не советую этого делать!

— А что будет? — бросает ей муж.

— Увидишь, что будет, — со скрытой угрозой в голосе произносит Зоя.

Внутри у нее все сжимается от гнева, но внешне это никак не отражается. Лицо Сфинкса. Женщина-кошка.

— Сучка, — повторяет муж. С усилием высвобождает руку из плена.

Начинает массировать ее, чтобы восстановить кровообращение. Дует на запястье:

— Черт, как больно! Точно мужик. Ну, ты и сучка...

Он разворачивается и, хлопнув на прощанье входной дверью, громко топает по коридору к лифту.

«Первый ушел, второй тоже, — думает Зоя, — Только мы с Колькой остались. Надо поспешить».

На глаза набегает несколько слезинок.

«Нет, нет, — мысленно приказывает себе она, — не сейчас. Слезы ночью в подушку. Если силы на это останутся. Улыбнись, подумай о чем-нибудь хорошем. Вдох — выдох».

Коротенький аутотренинг помогает.

Младший почти готов. Умыт, причесан, зубы вычищены. Даже ботинки одеты. Сам сегодня зашнуровал оба, справился.

Зоя надевает приталенный облегающий фигуру жакет из крепа, протягивает куртку сыну:

— Коленька, давай быстрее.

У сына плохое настроение. Капризничает, не хочет идти в садик. И так почти каждое утро. После завтрака в садике успокоится и отойдет. Разойдутся хмурые тучки.

Последняя проверка квартиры перед выходом. Не забыла ли она чего? Плиту и утюг она выключила. Краны плотно закручены. Кошачья миска полна еды. Сама же кошка спит, уютно свернувшись клубочком в кресле. Не захотела сегодня провожать их с Колькой до двери с мурлыканьем.

— Все, выходим, — громко говорит Зоя сыну.

Три поворота ключа в замке. Проверая, она дергает дверь за ручку. Закрыта.

Десять шагов по коридору. Вызывает лифт, тот приходит быстро.

Двери открываются, они с сыном садятся в кабину лифта.

— Ой, Зоя Викторовна подождите, не уезжайте! — раздается сзади еле слышимый голосок.

Это соседка — Антонина Петровна. Старая дева. В душе — курва полнейшая, но с виду безобидная божья коровка. Зоя недовольно хмурится. Ехать вместе с соседкой ужас как не хочется. Но уезжать, сделав вид, что не расслышала слова соседки тоже не слишком вежливо.

Антонина Петровна затискивается в тесную кабину следом за ними, заполняя собой и без того небольшое пространство. Колобок, да и только! Нажимает кнопку первого этажа, разворачивается и с болезненным любопытством смотрит на Зою в упор.

Соседку не любит весь дом. Сплетница и подхалимка.

— В садик? — вопрошает «Колобок» младшего.

— Да... — кивает головой сын, хмуро соглашаясь.

— Молодец, — неискренне улыбается соседка. Выдавливает из себя слащавую улыбочку.

Брррр...

Шарит глазами по Зое, обстоятельно и детально изучая внешний вид той. Мысленно разбирает каждую деталь Зоиной одежды, а у самой в глазах застыл немой вопрос. Вон, аж губы шевелятся.

Зоя передергивает плечами:

— Вы что-то спросить хотите, Антонина Петровна? — вежливо спрашивает Зоя у соседки.

— Сына в садик, муж на работе. Всех распихала, кого куда, а сама на свидание?

Зоя изумленно улыбается:

— Антонина Петровна, в своем ли Вы уме? Я на работу тороплюсь. И как Вы уже успели заметить, у меня есть муж.

— Да? — откровенно злорадствует соседка, — интересно даже, что это за работа такая, на которую в такой юбке короткой шастают, и на таких вот каблуках? Туда, куда я думаю, уже поздновато вроде. Старовата ты для стояния на обочине.

«Вот кочерга старая! — думает Зоя, — Все-то она замечает».

Лифт доехал до первого этажа, его двери открылись.

Они выходят из лифта. Соседке никак не угомонится.

— Работа? — ехидничает она, — А мужики из твоей квартиры днем тоже по работе выходят? Вона, позавчера видела, как выходил от тебя один такой здоровый, небритый... Зоя напрягает память: «Позавчера? Ах да, Федор к ней заезжал. Завез ее ноутбук. Ребята знакомые из сервисного центра установили новую версию антивируса Касперского и парочку программ по работе. Федор в кои-то веки ей выходной на неделю дал, пожалел ее. Поверил, что она устала. Выдохлась. Вот и заехал к ней, завез ноутбук. Сам забрал его из сервиса. А она его в благодарность обедом накормила. Первое-второе. А то все больше сухомятка. Да, это было позавчера».

Она его по коридору до лифта провожала.

А эта старая жаба как раз из лифта выходила навстречу. Увидела их с Федором вместе, замерла и уставилась на Зою, словно стремилась пробуровать ее взглядом насквозь. Но смолчала. Наверное, Феდიной комплекции испугалась. Он умеет смотреть на посторонних сурово и недобро. Как посмотрит на человека своим «фирменным» взглядом и сразу лишние вопросы отпадут сами собой.

«Ну вот, зато сейчас душу отвела, — весело и зло подумала Зоя, — Как же, такой роскошный вопрос пропал даром».

Соседка, блаженно улыбаясь, ждет ответа. Вроде как на факте прелюбодеяния поймала. Точно в дешевом водевиле. Муж на работе. Жена дома. И мужик чужой за порог — шась. И не скрывался-то особо. Уверенно так топал по коридору. Чувствовал себя как дома. Старая связь значит. «А Зойка то! Зойка! Вот, прости Господи... И, это — замужняя женщина!». Все это Зоя читает в соседских глазах.

— Ну, разумеется, Антонина Петровна, — чеканя каждое слово, произносит Зоя, — Как же Вы сможете поверить, что иногда мужчины могут с работы заезжать. И по работе. Оправдываться? Да Боже упаси!

Зоя весело смеется.

— Объяснять? Конечно, нет. Ну, уж точно не Вам. От души повеселили. Значит, не все для меня потеряно. Если мужчины ко мне еще внимание проявляют, в дом ко мне приходят. Сыночек, закрой-ка ушки, — ласково просит Зоя Кольку.

Колька послушно закрывает уши ладошками.

— Антонина Петровна! — на щеках Зои появились озорные ямочки, — Рухлядь Вы старая! Завистливая сплетница. Уж Вам-то, конечно, не постигнуть всей радости плотских утех. Не понять мужского внимания, желания. Все это прошло мимо Вас, и уже не коснется. А Вы как были, так и остались жирным невестребованным «Колобком». Ни мужа, ни детей, ни семьи. Никто Вас не любит. И поезд Ваш давно ушел. Ту - ту... Стучат вагончики на перегончиках.

Соседку корежит от злости и ненависти. Она морщится, кривится.

— Ах ты, сучка! — свистящим шепотом выпаливает соседка, — Ишь ты...Сучка!

— Сыночек, открой ушки! — заливисто хохочет Зоя, — Что, проняло Вас, моя любезная соседка? Не волнуйтесь же так! Сучка? Ну, это имя очень Вам подходит. Кратко и выразительно. А меня Зоя Викторовна зовут. Ну не такое роскошное имя конечно, как Ваше новое, но тоже ничего. Сойдет. Приятно было с Вами пообщаться. Мне бежать надо, спешу сильно. Надеюсь, что еще увидимся. Соседка смотрит на Зою безумными глазами и тяжело дышит.

— Пойдем, мой милый, — Зоя тянет сына за руку, — в садике нас заждались уже. Они спускаются по ступенькам, толкают входную дверь и выходят на крыльцо. «Колобок» так и остается стоять в парадной, у почтовых ящиков. Застыла в недоумении, разинув рот, пережевывая внутри себя только что произошедший диалог между ней и Зоей.

А на улице благодать, солнышко светит. Тепло. Почти лето.

Зоя кивает головой стоящему у крыльца молодому соседу Диме. Смотрит на часы. Она безбожно опаздывает. Вприпрыжку с сыном бегут в садик. А минуты бегут и кричат, убегая:

— Ты опаздываешь, Зоя!

Досадно, когда выбиваешься из временного ритма. У нее ведь все предельно жестко. С утра каждая минута на вес золота. А тут сразу две словесных перепалки. Одна за другой. Сначала с мужем, а потом с «Сучкой» Петровной.

Зоя в раж вошла, минуты не считала, и вот теперь расплата за собственную расточительность. Они бегут, взявшись с сыном за руки.

Лошадка на высоких каблуках, а рядом жеребенок скачет. Лошадку за руку держит. Цок-цок...

— Мама, это игра такая, да? — дергает Зою за руку сын.

— Ага, — соглашается лошадка, — Игра. Называется: «Добеги быстрее до садика».

От бега копна ее каштановых волос развевается у нее за спиной, обдуваемая škодливым ветерком. В них бликами играет солнечные лучики. Ни дать, ни взять — лошадиная грива. Бежит лошадка, стучит копытцами по асфальту. Новые туфли, сегодня в первый раз одела. В кармане жакета начинает наигрывать мобильник. Зоя прислушивается к музыке. Звучит «Money-money».

«Федор звонит... — понимает она, — Значит, рабочий день начался».

— Доброе утро, Федор, — Зоя улыбается в трубку, а у самой голос песней звенит.

— Доброе утро, — басит шеф, — Уже в пути?

— Так точно, гражданин начальник!

— И в каком именно месте ты в данный момент находишься? — интересуется Федор.

— Ох, недалеко я продвинулась в пути-дорожке, Феденька, — кается Зоя, — я пока что на подступах к садику с Колькой.

— Зоя, мать твою! — голос Федора суровеет, — Девятый час уже! Съемка на час дня назначена! Еще визаж перед этим. Тоже не меньше часа займет. Соображаешь? Да, кстати, грим

везешь?

— Ну, разумеется, — вздыхает Зоя, — Вчера вечером в «Маску» заезжала. И грим везу, и ткани, и аксессуары подобрала нужные. И знаешь, пускай Леночка в следующий раз сама грим покупает. Она с ним работает. Кому, как не ей, лучше знать, что именно ей для работы нужно. Да, я понимаю, что это в виде исключения. Что она не могла сама вчера поехать. И все же, пусть постарается не сваливать это на меня. Мне и так забот хватает.

— Хорошо, — соглашается Федор, — А веер везешь?

— И веер тоже, — успокаивает его Зоя.

— Зой, ядрен батон! — заканчивает разговор Федор, — Делай быстрее свою машину, чтобы быть мобильной и на колесах. Опаздываешь, машину поймай. Студия оплатит. И мчись быстрее, очень тебя прошу.

Он отключается.

Их, скачущая галопом, «лошадиная» парочка приближается к перекрестку. Зоя видит, что дорога затоплена горячей водой примерно по щиколотку. Авария, трубу прорвало. Вода разлилась по проспекту на пол-остановки и влево и вправо. Обходить нет времени. Она подхватывает сына подмышки, рывком отрывает от земли и тащит его, болтающего ногами в воздухе через дорогу, ступая ногами по воде. Мокро, горячо. Хорошо еще, что не кипяток. Стерпит.

— Прощайте, новые туфли! Время-время...

Они врываются в группу в самом разгаре завтрака. Воспитательница хмурится:

— Почему опаздываете?

— Форс-мажор с утра пораньше, — скороговоркой выпаливает Зоя, — И авария на перекрестке, — добавляет она с усмешкой, кивая головой на свои мокрые ноги в хлюпающих туфлях.

Воспитательница всплескивает руками. Зоя быстро сует ей пакет с кистями, красками, книгами для группы. Вчера покупала. Между прочим, за свой счет. Жди-пожди, пока государство свои обязанности исправно выполнять начнет. Плохо садик финансируется. Он хороший, но бедноватый. А ребятишкам необходимо рисовать, читать и развиваться.

— Ох, Зоя Викторовна! — благодарно вздыхает воспитательница, — Балуете Вы нас!

— Балую? — искренне удивляется Зоя, — Нет, это малость. Делаю то, что в моих силах. Не более.

— Послезавтра окна меняем. Будут ставить стеклопакеты, — озадачивает ее воспитательница, — Просим всех, кто сможет, придержать детей дома. Всего лишь на один день. Сможете?

Зоя быстро, на лету, соображает, потом хмуро кивает головой:

— Смогу.

Окна... Значит, придется Кольку послезавтра с собой на работу тащить. Если только баба Тоня не согласится взять его к себе на целый день. И некого Зое больше просить о помощи. А на послезавтра у них запланированы две портретных съемки. И предметная фотосъемка парфюмерии для каталога одной известной косметической фирмы. Спектр услуг Фединой студии широк.

И если Зоя возьмет Кольку с собой в студию, то Федор наверняка будет рвать и метать. Зачем, мол, помеху в студию притащила? Ничего. Федор конечно вспыльчивый, но отходит быстро. Поорет, потом успокоится.

С няньками Колька наотрез отказывается сидеть. А своей бабушки у них нет. Вот уже четвертый год пошел, как ее не стало.

Приходится действовать, каждый раз исходя из конкретной ситуации. Принимать решения быстро и хладнокровно, порою на ходу. И так каждый день.

Зоя чмокает сына на прощание, вешает сумку на плечо и пулей вылетает из группы. Сбегает

вниз по лестнице.

— Здравствуй, улица моя! — выпаливает она, и жадно вдыхает в себя воздух, наполненный ароматом цветущей сирени.

Снова переходит вброд перекресток с разлившейся горячей водой. Хорошо, что она на каблуках. Ногам не так сильно от воды достается.

— Клак... — раздается под левой пяткой:

«Что это? Похоже, что сломался каблук. До кучи. Да, день не задался».

Она нагибается, решительно снимает туфли. Удерживает их в одной руке, а другую выбрасывает вперед, голосуя.

И тут же чуть приоткрывается дверца, остановившейся рядом с ней машины, за рулем которой сидит плюгавенький лысеющий мужичонка.

— Сколько? — развязно спрашивает он Зою.

Она не улавливает сути вопроса.

Почему он ее спрашивает? Это же ей спрашивать его полагается, сколько он за дорогу запросит.

— Сколько возьмешь? — переспрашивает мужичонка, лениво пережевывая жвачку. Выдувает пузырь, — В рот берешь?

Зоя морщится, до нее, наконец, доходит смысл его вопроса. Гадость-то какая!

Значит, за проститутку ее принял. Хочет, чтобы отсосала, да еще и подешевле. Вот бы «Сучка» Петровна возликовала, вместе с Зоиным мужем заодно, если бы сейчас услышала вопрос мужичонки. А тот довольно лыбится, приобнажая, все в камнях, зубы. Ну, уж нет! Дудки! Воевать с уродом она не собирается, но плевать себе в душу не позволит никому.

Зоя нагибается к приспущенному стеклу и проговаривает в окошко, с холодной яростью глядя на водителя:

— Слушай меня внимательно, гоблин. Ты время суток сильно перепутал. «Бабочки» обычно в ночь выходят работать. Если доехать до Техноложки, то более пятисот рублей я бы тебе не дала. А на твою: «Сколько?» отвечу так... Денег не хватит даже на то, чтобы руку поцеловать. И личную гигиену, включая чистку зубов хотя бы время от времени, еще никто не отменял. Газуйте, дядя!

Зоя с силой захлопывает дверцу.

— Ах ты, сучка облезлая! Коза драния! — слышит она в ответ.

Машина, резко сорвавшись с места, быстро набирает скорость и уезжает. Народ на остановке смотрит на Зою с интересом. Еще бы, бесплатное утреннее представление. Вот быдло. Обидеть женщину так просто и легко. Особенно, если ее защитить некому. Зоя кончиками пальцев упрямо смахивает катящуюся по щеке слезинку.

А слезы ведь бывают и от злости, и от отчаянья. Редкие злые слезы. Сжимая руки в кулаки, Зоя стискивает до боли зубы:

— Стоп! Не плакать!

Растрепанные волосы, стрелка на колготках, мокрые ноги, испорченные туфли, в общем, то еще зрелище.

А в студии у нее имеется и пара запасных туфель, и запечатанная упаковка колготок. На всякий «пожарный» случай держит. Мало ли что...

Вот как сегодня, например. Форс-мажор. Но до студии еще добраться надо.

Зоя идет по обочине дороги. Морально собраться с силами, и снова проголосовать? В таком виде ее не каждый водитель возьмется подвезти. Сзади слышится визг тормозов. Поди, еще один урод остановился.

Зоя, не оборачиваясь, резко выбрасывает руку в сторону и показывает средний палец.

— Накуси-выкуси!

— Зоя, Вас подвезти? — слышит вдруг она.

Зоя оборачивается и видит вылезающего из машины соседа Диму. Совсем еще молоденький. Лет двадцать пять, не больше. Хороший такой, человечный, не испорченный обществом мальчик. И улыбка у него всегда такая обаятельная, открытая.

И смотрит на нее восторженными глазами, что не может не льстить ее женскому самолюбию. Дима стремительно подходит к ней, останавливается рядом. Сочувственно заглядывает ей в глаза. Светлые густые волосы. Невероятно красивые ярко-синие глаза. Мальчик-василек.

Мальчик? Повыше ее ростом будет, хотя Зоя и сама высокая.

Косая сажень в плечах. Крепкая спортивная фигура. Сильные ноги затянуты в потертые джинсы. Белая футболка облегает мускулистую грудь, под легкой кожаной курткой перекачиваются бицепсы.

— Вас подвезти? — настойчиво повторяет он. — Зоя! Я мимо проезжал, все видел. И как Вы затопленный перекресток переходили, и как туфли снимали. И как безрезультатно голосовать пытались. Вот я и развернул машину, решил к Вам подъехать. Не сердитесь? На работу опаздываете, да?

Зоя молча кивает головой. А слезинки продолжают предательски скатываться по щекам.

— Пожалуйста, не плачьте, — умоляюще произносит Дима. — Только скажите, и я Вас подвезу! Вам домой, переодеться?

Зоя отрицательно качает головой:

— Нет, мне на работу надо, в центр. Я очень опаздываю, Дима.

— В таком виде на работу? — удивленно произносит он.

— Да, — упрямо произносит Зоя, — Именно так. Я на работе переоденусь. У меня съемка назначена на час дня.

Она смотрит на тикающие на запястье часики. Боже... Без двадцати девять! Федор будет психовать. Еще бы. Всегда исполнительный и пунктуальный администратор на этот раз так безбожно опаздывает.

Какое долгое утро!

Между прощальным: «Сучка», адресованным ей мужем и нынешней минутой прошло не более часа. И сколько неприятностей за этот час уже успело произойти!

Вон сколько помоев на нее вылили!

— Мне на Техноложку надо, Дима, — произносит Зоя, — но я не хочу нарушать Ваших планов. Зачем? Вы же, наверное, тоже на работу торопитесь.

Он вопросительно и по-детски растерянно смотрит на нее, хмурит брови, а потом вздыхает и с облегчением смеется:

— На работу? Нет. Сегодня у меня образовался незапланированный выходной. Есть пара текущих дел, но это не срочно. Подождет. Садитесь в машину, Зоя. Зачем опаздывать еще больше? Поговорить мы можем и по дороге.

От его теплой улыбки становится светлее на душе.

— Ко мне на «ты» можно обращаться, — улыбается в ответ она.

— Нет, — серьезно произносит Дима, — Не могу я Вам «ты» говорить. Кому угодно другому, но только не Вам. Разве Королеве можно тыкать? — в его голосе слышится неприкрытое восхищение. Зоя смущается. Ей приятно его внимание.

— Проходите первой.

— Ах, нет, только после вас.

И прочие галантные расшаркивания. К чему вся эта никому не ненужная светская

канитель?

— Не ломайся, Зоя. Соглашайся, — говорит ей внутренний голос.

Она молча подходит к машине, залезает на переднее сиденье. Бросает мокрые туфли себе под ноги. Кладет на колени сумку. Дима садится за руль. Машина трогается с места.

— В путь. Я уже еду, Федор... — беззвучно, одними губами шепчет Зоя.

Дима внимательно смотрит на дорогу.

— Только адрес работы скажите! — просит он.

— Да, конечно, — торопливо произносит Зоя, — Дзержинский переулок. У самого Измайловского сада. А номер дома я скажу, когда поближе подъедем.

— Это рядом с Загородным проспектом? — уточняет Дима.

— Именно так.

— Хорошо, Зоя. Я понял.

Ее мобильник внезапно взрывается резкими звуками: «Money-money». Господин начальник держит руку на пульсе.

— Федор, не психуй! — немного отстранив трубку в сторону, она дает ему возможность прокричаться, и выпустить пар.

Вот он — темперамент Федькин! В трубке громко возмущаются басом по поводу ее непунктуальности и беспечности. Да сколько же можно! Легко обвинять человека, не зная всех возникших обстоятельств. Как говорят индейцы: «Чтобы понять человека, походи в его мокасынах».

— Федя, не ори! — внезапно рявкает в трубку она.

Дима вздрагивает, чуть не выпустив руль от неожиданности.

Кошечка выпустила коготки. Всем — брысь.

— Не ори на меня! — громко, с напряжением в голосе повторяет Зоя. — Я еду! Слышишь? Еду! Не смей упрекать меня в несуществующих пороках! Авария на дороге у садика была. Трубу с горячей водой прорвало, понимаешь? Вброд улицу переходила. Слушай меня ушами! Еще раз говорю! Авария была! Каблук сломала. Туфли испорчены. Машину долго поймать не могла. Поймала, слава богу. Мир не без добрых людей...

В трубке уже не кричат, а внимательно ее слушают. И молчат. Подумаешь, «хренов» темперамент! У нее тоже он в наличии имеется. И темперамент, и эмоции. Когда нужно и рявкнуть может. И кулаком по столу стукнуть. И отбрызнуть так, что мало не покажется.

Машина мчится по проспекту. Мимо мелькают дома, прохожие, кусочки городского ландшафта. Появляются впереди, стремительно выравниваются по одной линии с машиной и через мгновение остаются далеко позади.

— Строгая Вы какая! — Дима бросает на нее уважительный взгляд, — Подчиненный?

— Начальник, — улыбается Зоя.

Хорошее настроение понемногу возвращается к ней.

— Разве так можно разговаривать с начальником? — изумляется Дима.

— Можно, — Зоя улыбается, и на ее щеках появляются милые ямочки, — а иногда, даже нужно. Особенно, когда работаешь в творческом коллективе.

— Вы модель? — уточняет Дима, — Вы говорили, что у Вас съемки.

— Модель? — Зоя заразительно хохочет, — Нет. Я администратор фотостудии, а Федор ее директор. Мой непосредственный начальник.

— Ясно, — Дима замолкает, внимательно глядя перед собой на несущуюся ему навстречу дорогу.

Третью дороги они уже проехали. Молчат оба. Дима следит за дорогой. Аккуратный водитель.

Она молчит, прокручивая в голове все важные моменты предстоящего рабочего дня. Не упустить бы чего. Дел у нее сегодня чертова туча. Работа администратора студии не так легка и беззаботна, как это кажется неопитам со стороны.

— Ах, фотографии! Как же это красиво! Какая интересная у Вас работа, Зоя Викторовна.

Да, интересная. И непростая. Ну, разумеется, она любит свою работу. Иначе бы просто не занималась этим.

Работа администратора — это куча обязанностей всех мастей. А вот тебе и ведение клиентской базы, и работа с клиентами. А они порой бывают очень непростыми. С такими тараканами в голове. Ой-ой...

На ней и помощь арендаторам. И фотографам. Хозяйственная часть. Контроль порядка в студии. Организация мероприятий фотостудии, PR-студии и прочая, и прочая. Мамочки...

И это далеко не полный список ее рабочих обязанностей.

У ее мобильного снова пререзается голос. Звонок следует за звонком.

Звонит подруга, просит помочь найти ей няню, пожить с ее ребенком, приглядеть за ним. Подругу внезапно отправляют в срочную командировку на несколько дней. Она одинока, ребенка оставить не на кого. У Зои есть на примете одна такая няня. Опытная и ответственная женщина. Ребенок будет под присмотром, в хороших руках. А няне совсем не помешает лишняя денежка. И все останутся довольными. Она диктует телефон няни. Подруга благодарит, а Зоя отшучивается. Звонит еще одна подруга. Хочет вытащить Зою на девичник. Встретится, посидеть вечером в кафешке. Зоя отнекивается, подруга обижается:

— Всегда у тебя так! Работа на первом месте! Трудоголик ты, Зойка! Похвально, конечно. Но и отдыхать иногда необходимо. Разве ты этого не понимаешь?

Зоя вздыхает и предлагает компромисс. Почему бы не посидеть в кафешке в один из выходных дней на этой неделе?

Подруга благосклонно соглашается и дает отбой.

Еще самое начало недели, а до выходных дожить надо. Каждый божий день под завязку наполнен делами, событиями, проблемами. Посиделки в кафе кажутся сейчас чем-то нереальным. Получится ли?

Когда она в последний раз сидела в кафе, наслаждаясь покоем и отдыхом? Она уже и не помнит. Но подруга успокоилась, и слава богу. А там посмотрим.

Звонит сестра. У племянницы через неделю день рождения. Пять лет исполняется. Сестра напоминает заранее. Знает, какой у Зои загруженный график. Имя свое впору забыть. Бегут дни, недели, месяцы в каком-то бешеном ритме. Не забыть бы, купить подарок!

Звонит классная руководительница Игоря. Напоминает про завтрашнее родительское собрание. Просит по возможности прийти. Зоя уже год не была ни на одном собрании. Работа... Работа, сжирающая все ее время. Что остается взамен? Так, жалкие крошки. Молекулы свободного времени. Жалеет ли она об этом? Нет.

Машина, миновав Черную речку, мчится по Каменноостровскому проспекту. Вот они миновали Каменный остров. Ее любимый остров. Ее и Ильи.

Илья. Память прошлого.

«Нет, не сейчас», - Зоя гонит от себя воспоминания о нем.

А как вот их прогонишь? Его уже нет, но он продолжает жить в ней. Незримо присутствует во всем.

Зоя прикрывает лицо руками. Делает глубокий вдох, чтобы сдержать слезы.

— Плакса-вакса. Сырость развела, — шепчет она себе дрожащими губами.

— Зоя, что с Вами? — слышит она обеспокоенный голос Димы. Чувствует, как он осторожно

дотрагивается рукой до ее плеча:

— Все нормально?

— Ничего, все хорошо, — бормочет Зоя, — Устала немного. Вот и все.

— От Вас так нежно ландышами пахнет, и этот запах очень Вам подходит, — Дима на секунду отрывает свой взгляд от дороги и переводит его на Зою, — Что это за духи?

— Это «Пенхалигонс», мои любимые, да и цветы эти тоже, — она снова берет себя в руки. Слезливый порыв прошел.

Да, она горюет, и здесь нет никого, кто мог бы разделить с ней ее горе. Ну не с этим же мальчиком синеглазым ей болью своей делиться.

Незачем. Это ее горе, ее боль. Успокоиться. Улыбаться:

— Скажи, сыр.

— Сыр.

— Хорошая девочка.

Пусть и дежурный, но смайл.

— Да уж, — сочувственно соглашается Дима, — Ну и выдержка у Вас, Зоя.

— Приходится быть сильной, Дима, — отвечает она, — Особенно, когда нет другого выбора.

— Выбора? — удивляется он, — Разве Вам не хочется побыть слабой? Ну, хоть иногда? Чтобы с Вами был рядом сильный, надежный мужчина. Впрочем, о чем я говорю? Ведь Вы замужем. Неужели Ваш муж принимает это как нормальное положение вещей?

— Вы переступаете дозволенную границу, Дима! — ее голос звучит сухо, — Это уже моя личная, интимная, территория. Посторонним вход воспрещен.

— Простите меня, — смущается он, — Само собой вырвалось.

— Ничего, ничего, — теплеет ее голос, — Я понимаю, что Вы не хотели меня обидеть. Запомните, Дима, мужчина нужен женщине для того, чтобы чувствовать себя слабой. Сильной она может быть и без него.

— И все же, — не унимается Дима, — ваш муж... он что, совсем не ценит Вас?

Он проговаривает последнее слово медленно и проникновенно, словно в этом ничтожно-коротком: «Вас» для него заключен весь мир: синева и глубина неба, шум моря, крики чаек, парящих над волнами.

— Муж объелся груш, — резко обрывает его Зоя, — И не будем больше обсуждать эту тему, милый мальчик. Не зачем это. Вам хоть двадцать пять годочков то протикало?

— Мне двадцать девять через месяц будет, — немного обижается Дима.

— А мне тридцать пять, — говорит Зоя.

— Ну и что с того?

— Ничего, Дима. Ни-че-го. Проехали, — Зоя хмурится и, рассержено смотря на него, резко произносит, — Вы бы за дорогой лучше следили.

Дима краснеет и крепко сжимает руль. Вон, аж костяшки пальцев побелели. Обидела. Ну и что? Не надо ему касаться ее души. Там еще не зажило.

Там все еще живет боль по Илье. Любимому сильному мужчине, с которым она чувствовала себя слабой и хрупкой, как заморская бабочка. В ту пору, с ее мужчиной. С ее Ильей. С ним ей не надо было притворяться, играть. Примерять вечные маски, заготовленные на все случаи жизни. Тогда это воспринималось, как начало новой жизни.

Как заглавие интересной, с захватывающим сюжетом, книги. Их отношения, чувства, черт побери. Порою Зоя щипала саму себя, чтобы проверить, не спит ли она и не видит ли прекрасный сон?

Вот какой счастливой она была. А оказалось, что не книга это. Не роман и даже не повесть.

Не рассказ. Просто несколько страничек очередной жизненной главы с неожиданным тяжелым финалом.

А он, этот мальчик-василек... Пусть и не по злему умыслу, но все равно причинил ей боль своими настойчивыми вопросами. Рану ее разбередил.

— Какое сегодня число? — внезапно спрашивает Зоя и, не дожидаясь Диминого ответа, вспоминает, — Девятнадцатое мая. А завтра, значит, двадцатое.

Годовщина смерти Ильи. Завтра исполнится ровно год, как его не стало, а кажется, что это было вчера.

Машина проезжает Марсово поле. Часики на ее запястье показывают половину десятого утра. Еще совсем немного и она будет в студии.

Скорей бы уже. С головой занырнуть в работу. Закрыться ею, точно щитом, от болезненных воспоминаний. И работать...

Работать, как проклятая. Самое лучшее для нее лекарство из всех возможных. Так, чтобы физическая усталость вытеснила прочь боль душевную. Ну, хотя бы на время. Ненадолго. А говорят, что время лечит. Ни черта оно не лечит. Притупляет боль немного, не более.

Снова звонит мобильный.

Это Инна. Администратор группы волонтеров детского Хосписа. Напоминает о приближающемся празднике в поселке Песочном для пациентов Хосписа. Славно, что он придется на выходной день. Будет у детишек праздник. С клоунами, аниматорами, розыгрышами, играми. И спектакль разыграют для них. Больным детям радость вдвойне нужна. Зоя обещает Инне привести фотографа и визажиста с аквагримом. Ребята дали свое согласие. Приедут на праздник. Молодая пара: фотограф из ее студии Слава и визажист Леночка. У них — творческий тандем и семейный союз.

Полгода назад Зоя в первый раз переступила порог Хосписа и с того самого дня он стал частью ее жизни. Важной частью.

Она отвозит в Хоспис собранные детские вещи, книжки, игрушки.

Есть у нее и подопечная по имени Машенька. Маленький ангел, двенадцати лет отроду. Голубые глаза, кудрявые длинные волосы, мягкая улыбка. Глядя на эту красавицу невозможно даже подумать над тем, что ей пришлось пережить. Страшный диагноз ей поставили немногим более двух лет назад: острый лимфобластной лейкоз. И в течение двух последних лет врачи боролись за жизнь девочки, лечение проходило очень тяжело, со многими осложнениями. Два раза Машенька чуть не умерла на глазах своей мамы, которая все время молилась Богу, чтобы он не забирал у нее дочку. Наверное, Господь услышал горячие, искренние молитвы матери, Машенька не умерла. Сейчас девочка в ремиссии и старается жить как раньше. Добрая, ласковая, отзывчивая девочка, она не ожесточилась во время болезни. Вот только борьба за жизнь не прошла для Машеньки бесследно: из-за токсичного лечения у нее практически разрушились головки тазобедренных суставов обеих ног. О чем могут мечтать девочки в этом возрасте? О разном. А красавица Машенька мечтает научиться просто ходить без ужасной боли. Как Русалочка из сказки. Девочка недавно прошла очередной курс лечения, находится на домашнем обучении. На улицу она выходит редко, долго ходить ей тяжело. Специалисты из Германии берутся сделать ей операцию на обеих ногах, немецкая клиника готова принять девочку на лечение и Машенька сможет ходить и бегать легко, как до болезни. Деньги на операцию уже собраны, мир не без добрых людей и скоро девочке помогут исполнить свою мечту. Ведь сказки должны кончаться хорошо...

Зоя забегает к Машеньке домой по мере своих сил вечерами, после работы. Когда на часик, когда и на два-три. Помогает маме девочки. И сыновей своих с девочкой познакомила. Теперь вот дружат. Особенно старший сын. Ее Игорешка. Частенько к Машеньке в гости навещается. Не стыдится дружбы с больной девочкой.

Недавно у Машеньки день рождения был. В подарок Зоя воплотила для девочки ее давнишнюю мечту. Привезла девочку в студию вместе с ее мамой и устроила Машеньке фотосет в образе феи Цветов. Заручившись вначале согласием Федора. Слава с Леночкой выложились тогда на всю катушку. Фотографии получились яркими, солнечными.

И не было слов, которыми можно было описать неподдельное, искреннее счастье ребенка, увидевшего свою мечту сбывшейся...

У них тогда у всех комки в горле стоял. И у чувствительной эмоциональной Леночки, и у сурового Федора.

Зоя обещает перезвонить Инне вечером. Уже из дома. Уточнить нюансы и детали по части фотосъемки. Федор тоже собирался поехать с ними. Их небольшой рабочий коллектив давно стал для Зои второй семьей. Студия — почти что домом.

А Федор не только начальником, но и хорошим другом. В жизни такое бывает не часто. Зоя договаривает и, держа телефон перед собой на расстоянии вытянутой руки, обращаясь к нему, произносит:

— Помолчал бы ты хоть немного, дружок. Еще успею, сегодня наговорится. И по тебе, и так. Ну, дай же мне хоть немного помолчать. С мыслями собраться.

Дима хмыкает:

— Забавная Вы, Зоя.

— Забавная? — Зоя удивленно приподнимает брови, — Это расценивать как комплимент? Если да, то сомнительный он какой-то получился.

— Нет, — тут же исправляется Дима, — Вы веселая и добрая. Умная. Открытая.

— Как открытая книга? — улыбается Зоя.

— Нет, конечно! Вы открытая людям, миру. Искренняя. А почему детский Хоспис? Я слышал Ваш последний разговор. Ваши вопросы и ответы. Кое-что понял, что-то нет.

— Почему Хоспис? — переспрашивает его Зоя, — Я волонтер детского Хосписа. Поэтому.

— Простите... — Дима мнется, молчит пару минут и быстро выпаливает, — Зоя, а зачем это Вам? Вы же и так крутитесь, как белка в колесе! Работа, пусть и любимая, но сил забирает много. А еще дети, дом, бытовые заботы. Разве Вам своих детей не хватает? Вы же тянете на себе непосильную ношу! Добровольно! Вы — слабая женщина. Зачем?

— Зачем? — яростно повторяет Зоя, — Зачем мне это? Да потому, что меня не оставляет равнодушной слово: "онкология". Потому что за последние восемь лет именно из-за онкологии я потеряла трех близких и дорогих мне людей. Сначала — отца моего старшего сына Игоря — Олега. Он умер от рака легких за год до того, как сын пошел в первый класс.

— Да, да... — продолжает она, — У моих сыновей разные отцы. Понимаете? Три года назад от рака умерла моя мама. А ровно год назад не стало еще одного близкого мне человека. Вот поэтому я хочу внести свою крошечную лепту, свою каплю добра в реку людского горя. Хоть немного помочь. Что может быть страшнее чем, когда рядом с тобой умирает близкий, любимый человек? А если это ребенок, то это вдвойне, нет... В десять раз страшнее. Понимаете ли вы это? Ну, хоть немного?

Ее щеки горят, как нахлестанные:

— Жизнь таких детишек становится такой хрупкой! Ведь она может оборваться в любую минуту. Но вопреки всему они продолжают жить, надеяться, мечтать. Вопреки боли, отчаянию, страху смерти. Эти дети — настоящие герои. В них столько мужества. Столько надежды... Нам, взрослым, впору поучиться у них этому невиданному мужеству. Желанию жить! — последние слова Зоя произносит со слезами в глазах.

На ее щеки выступают алые пятна. Вот они — следы сильного душевного волнения. Выплеснутых эмоций. Редко, но случается. Зоя прикрывает глаза ладонью, пытаясь скрыть текущие слезы. А перед ее глазами стоят лица: Олега, мамы, Ильи.

Теперь они находятся в другом месте. По ту, другую сторону зеркала. Они незримы для нее. Ни обнять, ни прикоснуться. Ничего...

Внезапно ей становится холодно. Зоя дрожит. Подтягивает к себе ноги, обхватывает точеные колени руками, пытаясь согреться. И сидит, раскачиваясь в кресле взад-вперед, взад-вперед с закрытыми глазами. Словно баюкая саму себя. Убаюкивает свою свербящую душевную боль.

— Молчите же, Дима, — свистящим шепотом произносит Зоя. — Не говорите в эту минуту ничего. Прошу Вас. Заклинаю. Мне просто нужно успокоиться.

Оставшуюся часть пути они проезжают молча, и лишь раз Зоя прерывает молчание, назвав номер нужного ей дома, не открывая при этом глаз.

Наконец машина останавливается напротив Измайловского сада. Приехали...

Любой, даже самый длинный и протяженный путь, всегда когда-нибудь заканчивается.

Путь от точки А до точки Б. Альфа и Омега.

— Зоя, — прерывает тишину Дима, — Простите, но мы уже приехали.

Зоя вздрагивает, широко распахивает свои зеленые кошачьи глазища. Потом нагибается вперед, подбирает мокрые туфли, сдергивает сумку с колен.

— Спасибо, что подвезли меня, — благодарит она Диму, — И пожалуйста, забудьте все то, что я Вам тут наговорила. Выбросите это из головы. До свидания! — она отворачивается от него, пытаясь выбраться из машины.

— Зоя, — Дима осторожно прикасается к ее запястью, — Хотите я вечером подъеду к студии, встречу Вас и отвезу домой? Вы не будете возражать? Во сколько мне заехать?

— Не надо этого делать, Дима, — Зоя вылезает из салона машины, — Ну зачем Вам лишние хлопоты? Вы и так сегодня меня сильно выручили. У меня ненормированный рабочий день, его протяженность зависит от объема текущей работы, которую я должна выполнить. Бывает, что и допоздна задерживаюсь. Что, ждате будете?

— Буду, — он вылезает из машины следом за ней.

— Не надо, Дима. Лишнее это, не нужное никому из нас.

— Мне это нужно, — упрямо повторяет Дима.

Зоя досадливо пожимает плечами:

— Не будьте ребенком. Спуститесь-ка Вы лучше с небес на землю. Чем быстрее Вы спуститесь, тем лучше для вас самого будет. И не забывайте о нашей с Вами разнице в возрасте. Вам нужно себе женщину моложе себя искать. А не старше. Девушку, не отягощенную проблемами и детьми. Она поворачивается, чтобы уйти.

— Зоя, ну подождите еще секунду, — Дима поспешно подходит к ней. Торопится что-то добавить к уже сказанному, — Зоя!

Милый, трогательный мальчик. Ей кажется, что она старше его на целую жизнь. Они стоят напротив друг друга, лицом к лицу. Скрестившись взглядами. Две пары глаз: голубые и зеленые.

— А муж меня частенько сучкой называет. А Вы вот так уважительно: Зоя, — невесело улыбается она.

— Он так Вас называет? Вас...? — Дима цепенеет, низко опускает голову. Сжимает кулаки. На его скулах играют желваки, губы шевелятся, но он ничего не произносит.

— Меня, — соглашается Зоя, — Для кого-то я — Зоя Викторовна. Для друзей — просто Зоя. Для сыновей — мама. А для мужа — сучка. Вот такой забавный коктейль получается.

— И Вы это терпите?

— А я воспринимаю это, как комплимент.

— Комплимент? — Дима потрясен и растерян.

— Запомните, Дима... Запомните это хорошенько. Если мужчина называет женщину сучкой,

значит она права. А теперь дайте мне дорогу. Пропустите же меня. Федор меня убьет, — она поднимает глаза на окна студии и видит выглядывающего из распахнутого окна Федора с сигаретой в руке. Встретившись с ней взглядом, тот резко тушит тлеющую сигарету, а потом демонстративно вскидывает руку к лицу и указательным пальцем постукивает по циферблату наручных часов. Закончив постукивать, Федор показывает ей кулак. Зоя обходит Диму и устремляется к подъезду. Дима провожает ее взглядом.

— Зоя, — мечтательно и несмело шепчет он ей вслед.

Она быстро заходит в подъезд, поднимается по лестнице в студию. Добралась. И понеслось...

Подготовка к съемке. Обычная рабочая нервотрепка. Рокот Фединогo голоса с множеством оттенков: то возмущенный, то насмешливый, а то и довольный. В зависимости от конкретного рабочего момента. Многоликий Янус. Может быть и добрым, и безжалостным, отсекает жестко все лишнее, не относящиеся к работе.

Все личное остается за дверью студии — таков его девиз. Наверное, так и надо. Со временем Зоя поняла, как он прав. Ведь именно Федин девиз удерживал ее на плаву весь последний год. Заставлял плыть против течения.

У Федора характер — камень. С таким не забалуешь. Случайный человек в его студии надолго не задержится. Как придет, так и уйдет. Вот поэтому ему и удалось со временем окружить себя сплоченной командой крепких профессионалов и единомышленников. Людей, думающих в одном с ним направлении. Его студия не стала бабочкой-однодневкой. Она развивалась, становилась популярной. Расширился спектр ее услуг.

Появились и постоянные крупные заказчики. Команда Федора всегда выкладывалась на полную катушку. Клиенты редко оставались недовольными. И придя хоть раз к ним в студию, возвращались потом снова и снова. Рекомендовали их своим друзьям и близким.

А дополнительная реклама никогда не бывает лишней. И посредством сарафанного радио тоже. Федор человек настроения. Возмутился громогласно ее опозданием, выпустил пар и успокоился. Поостыл. Первая съемка прошла хорошо, а вот вторая...

Реклама свадебных платьев для каталога. Хороший заказ, постоянный солидный клиент. Никогда не оставался разочарованным. А тут... съемка сорвалась по вине модели.

Модель для съемки отбирали через модельное агентство. Был кастинг. Для съемок такого уровня не профессионалок не привлекают. Все должно быть на высоте. Требовался определенный типаж. Подобрали. Заказчик утвердил модель. Все шло, как по маслу...

И никто не мог предположить, что модель накануне съемки расстанется со своим молодым человеком, и, от отчаянья, наглотается таблеток. Вот, дура-то! Идиотка! Мелодрамы ей захотелось. Хорошо еще, что откатать удалось. Врачи вернули, можно сказать, с того света. За ногу, видимо, вытянули. Под счастливой звездой девчонка родилась.

Но из обоймы агентства она теперь вылетит. Такую жесткую подставу ей вряд ли простят. Профессиональных моделей много и конкуренция между ними большая. Была модель, станет просто девчонкой с формами, никому не нужной в профессиональном плане. Думать головой было нужно и, нечего теперь выть.

Личное всегда должно оставаться за дверью, если ты хочешь достигнуть каких-то профессиональных высот. Жестоко, но справедливо. И исключений тут нет ни для кого. Не те это правила, которые можно нарушить.

Рекламную съемку теперь придется переносить на другой день. Снова геморрой. Нужно подбирать другую модель. Вторично согласовывать все с заказчиком. Будет новый кастинг. А ведь аванс за сорванную съемку Федору уже проплатили. Слава богу, что заказчик не устроил скандал и не заставил возвращать деньги. Репутация их студии не пострадала. Но все равно неприятно.

Досталось по полной модельному агентству, ну а оно в свою очередь отыграется на несчастной дурочке, когда та оклемается.

Но это уже не проблема студии. Им и своего хватает. Всяко-разно бывает. День на день не приходится.

Рабочий день пролетает для Зои стремительно. Времени перекусить не было. То одно, то другое. Чашку чая на ходу выпила и все. Да, еще пару раз с Игорешкой поговорила по мобильнику. Узнала, как там ее сыновья. Все ли у них в порядке? Их забрала к себе баба Тоня. Не получилось сегодня во время домой уйти. Да и редко это удается. Она же не сидит в студии от звонка до звонка, натирая себе мозоль на пятой точке. Для Зои работа уже давно стала важной частью ее жизни. Нужной, необходимой. Дети и работа.

Две значительные величины. И важнее этих величин в ее жизни нет ничего. Прощаясь с Федором на пороге студии, она немного задерживается. Федор напоминает ей, какое завтра будет число. Как будто она могла об этом забыть.

И Федор тоже не мог забыть. Илья был его близким другом, почти что братом. Дружили еще со школьной скамьи. Илья и привел ее в эту студию почти три года назад. Вскоре, после того, как познакомился с Зоей. Федор тогда был против ее прихода. Встретил ее появление в штывы. Кто мол, она такая? Зачем пожаловала? Ревновал Илью к ней. Служебный роман? Да на кой ляд он нужен? На работе необходимо думать только о работе. Такова была позиция Федора. А потом принял. Признал как свою сотрудницу. Уже не чужую, не враждебную ему женщину. Боже, кажется, что это было сто лет назад. Где-то в другой жизни. С другими людьми.

Пять лет назад они открывали эту студию вместе: Федор и Илья.

Год назад Ильи не стало. И в тот же самый день умерла часть ее сердца. А что ей осталось взамен? Работа в студии, которая целиком перешла Федору и воспоминания о кратком счастье с Ильей.

После его похорон, Зоя хотела уволиться из студии. Слишком болезненны и свежи были воспоминания. Но Федор категорически запретил ей это делать. И взял ее под свое крыло. Стал опекать Зою в память о друге.

Ее суровый начальник и хороший друг Федор.

— Завтра с утра я заеду за тобой. Поедем на кладбище к Илье, — басит Федор, — Справятся и без нас в студии. Всего-то на несколько часов. Ничего серьезного на завтрашний день не запланировано. Зато послезавтра изрядно попахать придется.

Он стоит напротив Зои и внимательно смотрит ей в глаза. А у нее слезы наворачиваются. Нельзя же бесконечно их сдерживать. Зоя низко опускает голову. А как же быть с ее правилом, что плакать можно лишь дома в подушку? Да черт с ним, с этим правилом! Не возможно все время следовать ему, не железная она леди. При Федоре можно дать слабинку, он все поймет правильно.

Федор гладит ее по голове:

— Поплачь девочка, теперь можно. Рабочий день закончился. Да, очень больно. Только Илью не вернешь. Мне тоже его не хватает. Поверь... — тут он внезапно замолкает. Отворачивается от нее. Зоя поднимает голову и смотрит на Федора:

— Федя, ты чего замолчал так резко?

Федор стоит, сгорбившись, и вытирает свои глаза тыльной стороной ладони.

— Аааа, соринка в глаз попала, — смущенно произносит он.

— Сразу в оба глаза? — тихо спрашивает его Зоя.

Федор молчит. Застала его врасплох. Эх, не сдержался. Наверное, выдержка ослабла.

— Подвезти тебя домой? — спрашивает он.

— Не надо. Спасибо тебе конечно за заботу... — благодарно улыбается Зоя, Но я хочу немного пройтись. В себя прийти. Не заморачивайся. Завтра еще наездимся. Я пойду, ладно?

— Давай, — соглашается Федор, — Тогда до завтра. А я еще немного здесь побуду.

Зоя выходит из студии, спускается по лестнице. С задумчивым видом выходит из подъезда на улицу.

Погруженная в свои мысли, она не спеша бредет по тротуару, вспоминая их последний проведенный вместе день. Ее и Ильи.

Родной и любимый ее человек. Вечная ему светлая память...

— Зоя, — внезапно доносится за ее спиной, — Зоя, постойте! Остановитесь, пожалуйста!

— О, Боже!

Конечно, она узнает этот взволнованный мужской голос. Ее утренний спаситель. Ее сосед. Мальчик -василек.

Зоя резко останавливается и оборачивается назад. Замирает. Да, это он.

Дима идет ей навстречу стремительной походкой, держа в руках плетеную корзинку с какими-то белыми цветами. Ландыши, да еще в таком количестве? Не может быть. Подходит к Зое и останавливается.

— Дима, ну зачем? Зачем Вы меня встречаете? Зачем ждали? Я же попросила не делать этого! — взволнованно говорит ему Зоя. — Какой же Вы упрямец!

— Зоя! — Дима на секунду замолкает, прокашливается и смело продолжает, — Я готов Вас не только этот день, но и всю жизнь прождать. Понимаете? Чтобы когда-нибудь оказаться рядом с вами. Ни на миг. Ни на час, а навсегда. Да, я все понимаю... Наверное, я не вовремя с такими разговорами к Вам лезу. Вы можете ничего мне теперь не отвечать. Но я хочу, чтобы Вы это знали. Всю жизнь... — снова повторяет он и протягивает ей корзинку.

— Что это? — вопрошает Зоя.

— Ваши любимые цветы.

И зачем она его спросила?

Этот нежный, свежий и слегка терпкий аромат Зоя узнает среди тысячи других, даже с плотно завязанными глазами. На нее веет томящим дыханием ландышей.

Корзинка, доверху наполненная ими.

Она прижимает ее к себе и окунает лицо в это благоухающее счастье.

— Это цветы для Сучки? — лукаво улыбается Зоя.

— Нет, — серьезно, без тени улыбки отвечает Дима, — Это цветы для Зои. Той женщины, любовь которой я обязательно завоюю. Рано или поздно. Но это случится. Вот увидите. А ждать я умею.

Зоя растерянно слушает его и молчит, сжимая в руках корзинку. В ее памяти внезапно всплывают почти, что позабывшиеся детские стихи.

— В королевстве есть город. А в городе — улица. На улице той есть двор. Во дворе — высокий дом. В доме — спальня. В спальне — колыбелька. А в колыбельке той — ландышей корзина. Ландышей, ландышей полная корзина... — тихо мурлычет себе под нос Зоя, — Ландышей, ландышей полная корзина...



Uruna Peysoi





Мемогу



*"Ты ушёл навсегда, но не из наших сердец."
Памяти близкого друга посвящается...*

Среди ночи раздался звонок. Мобильный долго наигрывал композицию: " Мемогу", нарастая громкостью звучания по восходящей. А ей никак было не проснуться. Не выдернуть себя из тумана тревожного, смутного сна. Да и не сон это вовсе был, а, скорее, паутина вязкого забытья. Не открывая глаз, она протянула руку в сторону. Осторожно зашарила ею рядом с собой, стараясь не разбудить спящего сына. Татьяна слышала его глубокое дыхание и вздохи во сне. Пальцы наконец-то нащупали вибрирующее тельце мобильного телефона и поднесли трубку к уху.

— Да, слушаю, — её голос прозвучал хриловатым со сна.

— Татьяна Игоревна? — спросила трубка на том конце соединения мужским баритоном.

— Да, — повторила она во второй раз. Глаза распахнулись в темноту комнаты.

— Алексей Владимирович Иванов приходится Вам родственником? — официально спросил баритон.

— Это мой муж, - пробормотала Татьяна.

В её, не до конца проснувшееся сознание, постучался молоточек тревоги.

— Что-то с Лёшей случилось? — прошептала она.

Ответа на свой вопрос Татьяна так и не получила.

— Вам необходимо будет подъехать в центральную районную больницу города Приозерска.

Ваш муж находится там.

У неё перехватило дыхание. Глаза распахнулись ещё шире.

— Подождите, — сказала она уже в тишину трубки. Баритон резко отключился. Татьяна поднялась с постели, держа трубку в руке. Подошла тихонько к окну, не включая света.

— Что это было? — подумала она. Сердце категорически отказывалось принимать известие, что с Лёшей случилось что-то серьёзное. Взгляд скользнул в угол, выхватил из темноты комнаты светящиеся цифры электронных часов, стоящих на полке секретера. Четыре часа ночи. Она открыла половинку окна, выглянула во двор. На Татьяну спустилась темнота ночи. С её дрожащим, влажным от дождя, воздухом. Набрала номер мужа, но тот не отвечал. Лишь голос робота равнодушно сообщил ей, что вызываемый абонент выключил телефон или находится вне зоны действия сети.

Память услужливо подсказала ей рассказы друзей и знакомых об участившихся в последнее время, подобных звонках на мобильные телефоны, с единственной целью — выманить деньги. Вымогательства всегда обставлялись совершенно по-разному. То мошенники сообщали растерянному, перепуганному человеку, что с его близким или родственником случилось какое-то горе. Попал в аварию, больницу. Человека сбил на переходе. В такие шоковые минуты, когда тебя внезапно оглушают страшной новостью, разве вообще можно трезво, не впадая при этом в панику, что-то соображать?

Совсем недавно так случилось с её свёкром. Мужу позвонили на мобильный так же, под утро. Сообщили, что свёкра насмерть сбила машина. Лёша тогда тянул время, боялся позвонить домой. Сообщить ужасное известие своей матери. А чуть позже оказалось, что всё в порядке. Свёкор сам перезвонил несколькими часами позже и очень удивился, узнав, что его записали в покойники. Похоже, что преследуемые жадой быстрого обогащения, мошенники полностью переступали через понятия морали и нравственности. Вели себя предельно цинично и безжалостно. Это воспоминание принесло с собой некоторое облегчение. Татьяна немного успокоилась и снова

прилегла на постель, к спящему сыну. Димка спал беспокойно, бормотал что-то неразборчиво во сне. Закрыв глаза, она постаралась провалиться в сон, прочь от тревожных мыслей. Безуспешно. Тщетные попытки. Надо дожидаться утра, а потом, глядишь, ей позвонит Лёша и выясниться, что всё в порядке. Куда она помчится сейчас в ночи, по мокрому асфальту?

Мысленно Татьяна отсчитала время назад. В день, предшествующий этой ночи.

Тот выдался солнечным, ясным. Подарок уходящего сентября.

У Татьяны был первый выходной. А впереди — ещё два. Суббота и воскресенье. С самого утра она возилась по дому, убиралась. Лёша догуливал неделю своего коротенького отпуска, выпавшего так неожиданно. Всё лето полиграфическая фирма, где он работал, была до упора загружена большим количеством заказов и его, недель раньше окончания отпуска, выдернули на работу. В помощь. Он был хорошим специалистом и на работе его ценили. В таком, обрушившемся на фирму, рабочем аврале без Лёши было, как без рук. Фирма-то небольшая, сотрудников — наперечёт. Теперь вот вернули ему эту неделю, чтобы отпуск до конца догулял. Муж радовался, как ребёнок. Погода удалась. Вторая половина сентября выдалась ясной и погожей. Денёк к деньку. В лес — по грибы, по ягоды. Дача, озеро, лодка резиновая, удочка в руках. Рай, да и только.

В пятницу, ранним утром, Лёша вместе с дядей Татьяны уехал в лес, за грибами. Она сама не поехала. Слишком много дел навалилось на неё по дому, да и желания побродить с корзиной по осеннему лесу не возникло. За ним заехал дядя Миша на машине, и они уехали вдвоём. Муж вернулся домой из леса во второй половине дня. Был слегка уставшим и счастливым. В лесу грибов оказалось много. Привёз два полных ведра. Напали с дядькой на грибное место. Потом Татьяна и Лёша сидели за кухонным столом и чистили грибы. Болтали. А вот о чём именно они болтали? Она пыталась напрячь память, но та не давала ей вразумительного ответа. Болтали обо всём понемногу. Темы менялись, плавно перетекали от одного предмета разговора к другому. Но к концу их беседы всё же остался элемент какой-то недосказанности.

Она сидела напротив Лёши, отложив в сторону ножик и подперев ладонью щеку, всё вглядывалась в его, такое родное, до боли любимое, лицо. Жадно впитывала, вбирала в себя каждую его чёрточку. Лёша улыбался в ответ, через стол, после опускал глаза и продолжал очищать шляпки грибов от плёночек, хвоинок, прилипших маленьких листиков. Потом чистил грибные ножки и складывал грибы в таз, стоящий на столе, перед ним.

Закончив работу, он засобирался снова на дачу. И опять в компании дяди Миши. Впереди оставалось два свободных дня. Неделя недогоулянного отпуска плавно подходила к концу, в понедельник уже на работу. А на даче мужа ждала новая резиновая лодка. На ней только парутройку раз всего и плавали.

Внутри себя Татьяна не хотела, чтобы он уезжал на дачу сегодня. Один, без неё. Так, не явный внутренний протест, а скорее смутное необъяснимое нежелание.

— Лёша, давай завтра вместе на дачу поедem. Не зачем сейчас ехать, куда торопиться? — попросила его она. — Уже вечер. Останься дома, пожалуйста.

Уже потом, спустя дни, недели, месяцы и даже годы она раз за разом в своих мыслях возвращалась в тот самый день, вечер, в их прощальный разговор. В ту роковую минуту, которая потом решила всё. Ехать — не ехать.. Наверное, прояви она тогда больше твёрдости и категоричности в своей просьбе, Татьяна смогла бы уговорить его остаться дома. Обычно, в таких ситуациях так и происходило. Она говорила:

— Нет, не хочу. Я — против, — и Лёша, немного поспорив с нею, больше для вида, мужик всё таки, прислушивался к её просьбе. Но на этот раз всё случилось совсем по-другому. Её привычная решимость во чтобы то не стало добиться желаемого, неожиданно изменила Татьяне. В первый и единственный раз в жизни. Всегда такой мягкий и уступчивый

Алексей вдруг засопровтивлялся её просьбе. Он поедет сегодня и точка. Татьяна стояла в прихожей, напротив входных дверей и с грустью смотрела на Лёшины сборы в дорогу.

— А может, всё же завтра поедешь? — ещё раз спросила она.

Муж внимательно посмотрел на неё, еле слышно вздохнул:

— Нет, Таня, — немного извиняющимся голосом, но, тем не менее, решительно произнёс он.

— Я сегодня поеду. Так будет лучше, я уже всё решил. Приедем вечером с дядей Мишей на дачу и завтра с самого раннего утра махнём на лодке.

— Ну, если ты так решил... — Татьяна только вздохнула и помолчала немного, — Тогда поезжай сегодня.

— Прости, — виновато улыбнулся Алексей, — Только не обижайся на меня, пожалуйста. Так действительно будет лучше. В понедельник мне на работу выходить надо. Всего-то осталось догулять два полных дня, да вот этот вечер. А ты приедешь ко мне с сыном завтра. Да и мы уже к тому времени вернёмся с озера.

Татьяна ничего не ответила.

«Наверное, он прав, — подумала она. — Всего-то один вечер без Лёши, а завтра мы с Димкой к нему приедем».

Внезапно затренькал дверной звонок. Приехал дядя Миша. Муж открыл ему входную дверь и сам заторопился на выход. Татьяна перехватила его за локоть, у самого выхода.

— Лёшенька... — прошептала она севшим голосом, а в горле точно ком застрял. Он остановился и внимательно посмотрел на неё.

— Танюш, ну чего ты? Всё же хорошо, успокойся. Не дёргайся. Я обязательно позвоню тебе сегодня, позже. Димку поцелуй за меня, когда он с прогулки вернётся. Передай, что папа его очень любит.

Она посмотрела ему в глаза долгим, растерянным взглядом, провалилась им в Лёше, растворилась в нём. Да что же с ней происходит? Татьяна не узнавала саму себя. Ей так не хотелось его отпускать.

— Лёш, а может?.. — её вопрос повис в воздухе.

— Таня, — твёрдо сказал он, — Хватит, Танюшка. Я поехал. Неудобно, дядя Миша уже спустился и ждёт внизу. Всё хорошо будет, милая. До завтра.

Он быстрым движением привлёк её к себе, крепко обнял. Поцеловал осторожно в висок, ободряюще улыбнулся. Потом разжал объятия, развернулся, и, взяв рюкзак, вышел из квартиры. Алексей никогда не любил долгих прощаний.

— Долгие проводы — лишние слёзы, — обычно всегда в таких случаях приговаривал он. Татьяна, замерев, смотрела ему вслед, не отрываясь.

Вот он вызвал лифт, сел в его подошедшую кабину. Двери лифта сомкнулись, увозя мужа вниз.

Она закрыла дверь, после прошла в комнату, к окну. Отдёрнула в сторону занавеску. Стояла и смотрела, как он садится в машину. Дядя сидел за рулём. Это была их давняя, семейная традиция. Её и Лёши. Он всегда махал ей рукой на прощание. Перед тем, как сесть в машину. Знал, что она всякий раз стоит у окна и провожает его взглядом. Такая вот у неё привычка.

А на этот раз он забыл это сделать. Не поднял голову к окну. Не помахал ей на прощание, в первый раз в их семейной жизни. Татьяна почувствовала себя очень подавленной. Лёша уезжал отдыхать, радоваться за мужа надо. Только радости вот не было вовсе.

Между тем дверцы машины захлопнулись, и она тронулась с места, увозя его, прочь со двора. Остаток вечера пролетел незаметно. Вскоре после Лёшиного отъезда, с прогулки вернулся сын. Переделав все домашние дела, Татьяна решила отдохнуть. Посидела немного в гостиной,

вместе с мамой. По телевизору шёл эстрадный концерт. Уютно устроившись на диване с ногами, она бездумно смотрела перед собою, в мерцающий экран. Там мелькали часто сменяющиеся кадры. Феерический калейдоскоп, состоящий из ярких красок, костюмов, лиц исполнителей. Мысли витали где-то далеко, она не особо вникала в слова песен и манеру их исполнения. Маме выступление нравилось. Димка играл в своей комнате, концерт ему был совсем не интересен.

Лёша позвонил Татьяне, как и обещал. Увидев, как на экране мобильного высветилось его имя, Татьяна чуть улыбнулась. Невольно взглянула на часы, висящие на стене. Отметила про себя время: половина восьмого вечера. Он поговорил с ней совсем немного. Посетовал, что они застряли в пробке, машины двигаются совсем медленно. А потом, уже прощаясь, немного помолчав, ласково сказал:

— Я очень люблю тебя, моя милая. Тебя и Димку... Поцелуй его за меня.

Татьяна услышала лёгкую улыбку в его голосе.

— Лёшенька... — прошептала она в ответ, но он уже повесил трубку, не услышав её шёпота.

Димка попросился спать в тот вечер довольно рано. И девяти ещё не было. Она и сама хотела лечь следом за ним. Ведь завтра Татьяна планировала встать пораньше, чтобы доехать с сыном до дачи без пробок. Уложила его спать, тот отключился мгновенно. Сама же прошла потом на кухню, попить с мамой чаю перед сном. Сидя за кухонным столом, они немного заболтались, и вдруг неожиданно за стеной раздался Димкин плач. Внутри у неё всё похолодело, замерло. Подскочив, как ошпаренная с табуретки и отбросив её резко в сторону, она бросилась в комнату. Мать — за ней.

Сын лежал посреди постели, плотно сомкнув глаза, и плакал отчаянно, навзрыд.

— Димочка... — взволновано позвала Татьяна сына, — Дима, что тебе приснилось?

Она осторожно дотронулась до него. Сын дёрнул плечом, и, не отзываясь на её голос, не реагируя на вопрос, резко присел на постели. Свесил вниз босую ногу. Затем — другую. Встал, продолжая горько плакать. Тоненько, по-щенячьи поскуливая.

— Господи, свят, свят... — стоящая рядом мама испуганно перекрестилась. Татьяна, впад в какой-то немой ступор, смотрела на сына молча. А он чуть приоткрыл глаза и весь в слезах кинулся прочь из комнаты, забежал в ванную, закрылся в ней. И снова его жалобный плач раздался из-за закрытой двери.

Татьяна последовала следом за Димкой, стала стучаться в дверь.

— Дима, сынок, что случилось? Открой!

Не сразу, после череды её уговоров и увещаний, сын чуть приоткрыл ей дверь. Татьяна дёрнула за ручку и влетела в ванную. Димка сидел на самом краешке ванны, сняв с себя всю одежду. Абсолютно голый и рыдал, зажмурившись.

— Господи... — мать ошеломлённо смотрела на происходящее с её внуком, продолжая при этом креститься.

— Хватит уже, мама! — повысила голос Татьяна, — Просто сон ему страшный приснился, только и всего. Не надо всё так драматизировать! Включи, наконец, свой здравый смысл. Она старалась разговаривать с матерью нарочито бодрым голосом, отгоняя от себя всё нарастающую тревогу. Такого с её сыном не происходило ещё никогда.

Еле сдерживая волнение, холодными щупальцами скользнувшее ей под кожу, Татьяна с силой затрясла сына за плечи.

— Дима, сыночек, что с тобой?

Димка распахнул глаза. Все ресницы слиплись от слёз. Осмотрелся кругом непонимающим, отстранённым взглядом пришельца. Подсыхающие, белёсые дорожки слёз на щеках, взъерошенные волосы. Испуганные глаза.

— Мам? — пробормотал сипло он.

— Что тебе приснилось, сынок? Что тебя так сильно напугало? — ласково обратилась к нему Татьяна.

А у самой голос так и дрожал от волнения. Димка отмалчивался, тяжело вздыхая и всхлипывая. Вдвоём с матерью им удалось одеть сына в пижаму, отвести его в комнату и уложить назад, в постель. А он и не сопротивлялся. Покорно лёг, всё ещё продолжая всхлипывать. Татьяна присела рядышком, в изголовье. Какое-то время сидела и гладила по голове сына. Он заснул быстро, за считанные минуты.

Мать молча ушла к себе в комнату, плотно закрыв за собой дверь. Татьяна сидела на кровати беззвучно, не шевелясь. Лишь её взгляд скользил по комнате. Потом, внезапно, она посмотрела в окно и замерла. По ту сторону окна, за стеклом, на подоконнике, примостился белый голубь. Её заколотило. Она подскочила с постели к окну. Нервы не выдерживали. Слишком много странного и непонятного произошло за этот вечер. Между тем, голубь с силой взмахнул крыльями и сорвавшись с подоконника, взмыл вверх. Улетая прочь от окна и перепуганной Татьяны.

Измотанная до предела выдавшимся беспокойным вечером, она потом долго мерила комнату шагами. Ходила от стены к стене. Вышла на балкон, покурила. Волевым усилием взяла себя в руки, приказала успокоиться. Не верит она в мистику и прочую чертовщину. Ерунда всё это, предназначенная для слабонервных и экзальтированных людей. Сама Татьяна была не такая. Всегда твёрдо стояла на земле обеими ногами. И верила только в «голые» факты. И Лёша был ей под стать. Два сапога — пара.

Очень захотелось ему позвонить, чтобы поделиться произошедшим. Он бы смог её успокоить. Высмеять по-доброму её тревоги и страхи. Чтобы полегчало и отпустило. Она ещё немного поколебалась: звонить — не звонить. Вверх взяло второе. Зачем дёргать мужа по пустякам? Женские страхи, подумаешь! Лёша тоже больше ей не перезванивал. «Спит сейчас, наверное, — с нежностью подумала Татьяна.

Время перевалило за полночь, когда она, наконец-то, легла в постель. Переживания сильно вымотали её. Уставший организм потребовал компенсации, взяв её сном. Татьяна провалилась в колодезь забытья, лишь только голова коснулась подушки. А потом последовал тот ночной звонок, и после было ещё несколько часов полусна-полубодрствования. И непонятно, чего было больше.

Проснулась рано, ещё и семи не было. Присела на постели, в полумраке комнаты и всё вспомнила...

Сердце заскреблось шуршащей мышью, в нём залегла тревога. Воспоминания последних событий выстроились цепочкой: отъезд Лёши, плач сына, улетающая прочь птица. На этом поток мыслей остановился, упёршись в невидимую преграду.

Стоп, остановка. Этот внезапный ночной звонок... Баритон, сказавший ей что-то про мужа и велевший приехать в больницу Приозерска. Надо собираться и срочно выезжать. Мышь, скребущая сердце острыми коготочками, противно пискнула и убежала прочь. А если всё то, что сообщил ей баритон не выдумано? Вдруг это — действительно правда? И Лёша попал в аварию. А она взяла и легла спать, без зазрения совести. Вдруг он сейчас лежит там, в больнице и нуждается в ней. В её присутствии, помощи. Ждёт, а она — дома, встала с тёплой постели.

— Сволочь ты, Таня, — сказала она горько, сама себе. — Эгоистка чугунная. Время шло, требуя решительных действий. Она прошла в ванную, свет зажигать не стала. Зачем он ей? Умылась, наспех причесала волосы. Вернулась в комнату, быстро оделась, собрала сумку. Все сборы заняли минут пять. Набрала с мобильного номер Лёши. Тот, по-прежнему, не отвечал. После позвонила брату, тоже Диме. Кратко объяснила ему суть произошедшего. Затем

приступила к просьбе, которая больше смахивала на приказ. Он должен отвезти её в больницу Приозерска как можно быстрее. Ведь в таком нервно-разболтанном состоянии она не сможет вести машину сама.

Брат, молча всё выслушал, не задавая лишних вопросов. Просто вобрал всю информацию в себя, произнеся в конце разговора:

— Не накручивай себя раньше времени. Держись, ведь точно ещё ничего не известно. Собирайся и спускайся во двор. Буду у твоего парадного через полчаса, — он повесил трубку. Брат всегда тонко чувствовал её душевное состояние, понимая с полуслова. Умел моментально мобилизоваться в любой жизненной ситуации, не произнося при этом лишних, ненужных слов. Был сдержан на эмоции, молча выслушивал и после приступал к конкретным, чётким действиям. Татьяна посидела немного рядом со спящим сыном. Затем поднялась с кровати, взяла сумку и вышла из комнаты. Мать к тому времени уже встала, гремела посудой на кухне и молчала, не решаясь завести разговор первой. Увидев, стоящую в дверях и собирающуюся уходить, дочь она нахмурилась. Хотела задать вопрос, но Татьяна её опередила. Не дав матери вымолвить ни единого словечка, быстро скороговоркой выпалила, что планы внезапно изменились. Она едет сейчас не на дачу, а в Приозерск. Так надо. Сына с собой не берёт. Пускай он остаётся дома, под присмотром матери. А она, Татьяна обязательно позвонит, как сможет. Тревожиться не надо, всё, ей надо бежать.

— Таня, с тобой всё в порядке? Что-то ещё случилось? — Мать вышла из кухни, подошла к Татьяне. Встала с ней рядом, лицом к лицу и испуганно посмотрела на дочь.

— Что ты пытаешься от меня скрыть? — У матери задрожал подбородок.

«Сейчас последуют слёзы, — поняла Татьяна. — Этого я точно не выдержу и всё ей расскажу. Нельзя. Быстро на выход».

Прощаясь, молча обняла мать:

— Мам, всё нормально. Перестань волноваться, только твоих слёз мне сейчас не хватало, — жёстко сказала она, как отрезал. — Я позвоню, обещаю.

После вышла из квартиры и, не дожидаясь лифта, пока его, медленно ползущую сволочь, дождёшься, с ума сойдёшь, спустилась вниз по лестнице. Вышла на крыльцо, и поморщилась от осенней хмари. Мелкий холодный дождь. Сырой воздух. Нехорошая погода для поездки, ехать надо будет предельно осторожно.

«Может и фары включить придётся, когда за город выедем», — подумала Татьяна. Она стояла под козырьком парадного, укрываясь от дождя. Брата можно и здесь подождать. Стояла и курила, бездумно уставившись взглядом себе под ноги. Время от времени стряхивала пепел с тлеющей сигареты. Больше стряхивала, чем курила. Вскоре рядом с её парой ног, появилась ещё одна, мужских, одетых в чёрные кожаные полуботинки. Подняв глаза, Татьяна увидела стоящего рядом с нею брата. Тот подошёл совсем неслышно.

— Готова? — спросил он сочувственно — Тогда поехали, я и Олю с собой захватил. Она в машине сидит.

Оля — это сестра. И Диме, и Тане. Ему она родной приходится, а ей — двоюродной. Да какая, чёрт возьми, разница в этой степени родства крови?

Для неё они оба — роднее не бывает. У родителей Татьяна была единственным ребёнком, и Лёша у своих — тоже. Дима приобнял её за плечи и потянул за собой.

— Не стой столбом, поехали, — Сказал он. — Отомри. Дождь усиливается, а дорога дальняя.

Она послушалась, последовала за братом, боковым зрением отметив лёгкое движение занавески на кухне. Значит, мать всё это время стояла у окна и выглядывала во двор, стараясь

оставаться при этом незамеченной. Вот конспираторша хренова, всё же заметно. Татьяна подошла к распахнутой задней дверце машины. Из салона выглянуло озабоченное лицо сестры.

— Как ты? — взволнованно затараторила Оля, — Тебе ещё раз перезванивали по поводу Лёши? Где именно его положили? Этаж, палата?

— Оля, помедленней, — осадил её Дима. — Столько вопросов сразу.

— Сам дурак, — в ответ огрызнулась сестра. — Я ведь тоже, наверное, переживаю! Сам этого разве не понимаешь?!

— Тихо оба! Вы то чего друг на друга заершились? — упрекнула их Татьяна.

— Нет, Оля, — обратилась она к сестре, — Больше не перезванивали. Всё, что мне сообщили про Лёшу, я уже рассказала. Ничего нового я не знаю, до Лёши никак не дозвониться.

— Надо ехать в Приозерск, а на месте мы разберёмся, — Подытожил Дима. — Ну что, сёстры, — поехали. Таня, давай, залезай в машину. Чего время тянем?

Татьяна села впереди. Поставила сумку в ногах, пристегнулась ремнём безопасности, и вжалась в спинку сиденья. В мыслях она была уже там, в больнице, около мужа.

— Господи, как он там? Насколько всё серьёзно?

— Спокойно, Таня, — Дима сел рядом, за руль. — Не кипешись. Перестань себя накручивать раньше времени.

Оля осторожно положила руку на её плечо:

— Танюш, Дима дело говорит. Мы с тобой.

Татьяна чуть улыбнулась, на большее её не хватило.

«Какие они у меня хорошие», — подумала она.

— Всё, выезжаем, — Димины руки сжали руль. — Только бы дождь ещё больше не разошёлся. Видимость та ещё!

А дождь тем временем усиливался. Дима включил дворники, и они замельтешили: влево-вправо, срезая стремительно падающие на лобовое стекло крупные капли. Машина обогнула двор, выехала на проспект Энгельса. Оттуда, через два поворота, на Выборгское шоссе и вскоре покинув черту города, взяла маршрут на Приозерск.

«Какой серый промозглый день, — тоскливо подумала Татьяна. — Небо плачет, а у меня вот даже слёз нет. Бессмыслица какая-то».

Слёз не было, вопреки желанию заплакать. Сухие глаза. Она взглянула на тикающие на запястье часики. Неужели всего лишь чуть больше часа прошло с момента её пробуждения? Время — понятие субъективное. Брат с сестрою негромко переговаривались, а она внутренне отключившись от их диалога, смотрела перед собой, на летящую ей настрочу дорогу. Ни слёз, ни мыслей. Ни-че-го, кроме одной единственной, засевшей тупой занозой в мозгу:

«Насколько тяжело Лёшино состояние?»

Плохого думать не хотелось, мысли ведь материальны, а информации пока немного. Глазами Татьяна выхватывала сегменты дорожного паззла, мелькающие по обочинам трассы. Деревянные дома проскакивали вперемешку с каменными особняками и добротными кирпичными коттеджами. Золото листвы на деревьях, редкие прохожие. Мокрый, потемневший асфальт. Хмурое, неприветливое утро, насквозь прошитое косыми каплями дождя. Ох, уж этот дождь... Совсем он не в масть, да и видимость паршивая. Особо быстро и не разгонишься, опасно. А тревога всё возрастала, надвигалась на неё бесформенной, не имеющих чётких очертаний, массой.

Беспопашная память вновь распахнула перед Татьяной чёрный ящик Пандоры и воспоминания, на этот раз уже последних месяцев, вырвавшись из чердака подсознания, роем облепили её. Ей припомнились Лёшины предчувствия. Собственно говоря, это даже и

предчувствиями-то было трудно назвать. Нечто непонятное, странное, в последнее время творившееся с ним. Он и в Бога-то не верил. Что ему — судьба, Фатум? Муж и слов то этих в жизни не произносил. Высмеивал, как суеверные пережитки. Такая вот утешительная обманка для тонких, сверхчувствительных натур.

Хотя сам именно таким и был — ранимым, чувствительным, с тонкой душевной организацией. Но фаталистом не был. Своей ранимости муж стыдился, тщательно пытаясь её скрыть, спрятать глубоко внутри себя. Прикрываясь при этом прочным забралом язвительности, насмешливости, даже местами надменности. Но Татьяна-то хорошо знала, каким был он на самом деле. Без забрала, щита и прочей защитной шелухи. И воспоминания, которые она тщательно отгоняла от себя, подавляла, стараясь не задумываться, что происходило с Лёшей в те моменты, когда он вдруг начинал говорить странные, более того — страшные вещи. Теперь эти воспоминания выстроились в очередь, напоминая о себе одно за другим. Вот они пару месяцев назад отдыхают в Кронштадте, гуляют в центре города. Август месяц, стоит жаркая солнечная погода. Выходной день. Они с Лёшей вдвоём, не спеша, идут по тенистой алее, пролегающей вдоль ограды городского кладбища. Идут и о чём-то разговаривают, проходят мимо открытых ворот. И тут, неожиданно, Лёша начинает тянуть её за собой, на территорию кладбища.

— Пойдём туда, пройдемся, — сказал он ей тогда. — Там так хорошо, спокойно...

Татьяна внимательно посмотрела на него:

— Лёш, ты чего? — недоумённо спросила она. — С тобой всё в порядке?

Но уступила, пошла за ним следом. Они прошли по центральной аллее кладбища. Лёша шёл впереди, молча смотрел по сторонам и о чём-то сосредоточенно думал. Что происходило в те минуты в его душе, Татьяна так и не узнала, ни тогда, ни после. Его поведение показалось ей странным. Внезапно муж остановился у чьей-то могилы, замер, и некоторое время стоял безмолвно. Смотрел на мраморное надгробие, читал имена и фамилии. Даты рождения и смерти. Потом перевёл свой взгляд на Татьяну. А у самого было такое безмятежное, отрешённое выражение лица.

— Знаешь, — прервал он затянувшуюся тишину, — Если со мной вдруг что-нибудь случится, я бы очень хотел быть похороненным здесь. На этом кладбище. Мне всегда здесь нравилось, спокойно здесь очень.

— Лёшка, что ты такое говоришь? Ты в своём уме? Что за чушь ты несёшь? — Татьяна подошла к нему вплотную и резко встряхнула мужа за плечи, — Что с тобою может случиться? Встряска подействовала моментально. Лёша вздрогнул, переключился, выражение его лица стало осмысленным, серьёзным.

— Милая, не обращай внимания на мои слова, — немного извиняющимся голосом сказал он и неловко улыбнулся. — Нашло вдруг что-то странное. Я и сам не знаю. Полный абсурд. С этими словами к ней вернулся её привычный, знакомый Лёша. Они не сговариваясь, взяли за руки и покинули кладбище. Вернулись домой. Прогулка оказалась скомканной, незавершённой какой-то.

Позже они старались не вспоминать об этом эпизоде. Мало ли нашло на человека. С кем не бывает. Много работы, а отдыха мало. Нервы просто не выдерживают и вот результат. Переутомился Лёша. Главное, не вспоминать. Не было ничего этого. Всё нормально, всё хорошо. Воспоминание под номером один досадливо ретировалось, окрысившись на прощание недоброй гримаской, следом за ним подоспело следующее воспоминание.

— А это тоже забыла? — злорадно шепнуло оно Татьяне в ухо. — Забыла — напомним. Ничего не забывается бесследно, девочка моя. Это лишь иллюзия.

Вспомнился диалог между ней и Лёшей, произошедший около месяца назад. Они находились в своей комнате, смотрели телевизор. Лёша сидел на диване, а Татьяна уютно

свернулась клубочком рядом с ним, положив голову ему на колени. Сын был на даче, вместе с её родителями. Внезапно Татьяна почувствовала на себе пристальный взгляд мужа, подняла голову и посмотрела на него в ответ.

— Лёш, ты чего?

Он продолжал молча вглядываться в черты её лица.

— Лёшенька, — она мягко прикоснулась ладонью к его небритой щеке, провела по ней подушечками пальцев, почувствовав колючесть чуть отросшей щетины. А всего то сутки не брился.

— Таня, — разорвал повисшую тишину Лёша, — Знаешь...

Он тихо вздохнул, немного поддержал паузу и потом продолжил:

— Если со мною что-нибудь вдруг случится...

Татьяна впилась в него яростным взглядом.

«Опять эта тема начинается, — нервно подумала она. — Похоже, Лёша становится настоящим ипохондриком. Снова его бредни выслушивать придётся».

— Что за пессимистические мысли, Лёш? — спросила она, уже вслух. Но казалось, что он слышит только себя.

— Если меня вдруг не станет, — упрямо повторил муж, — Мало ли что со мною может случиться... Пройдёт время, найдёшь себе достойного мужчину. Захочешь выйти за него замуж, поменять фамилию. Выходи и меняй. Вот только фамилию сына не трогай, пожалуйста, пускай он так мою и носит.

— О, Боже, Лёшенька! Ну что же ты такое говоришь?! — Татьяна расплакалась. Она плакала так отчаянно, что Лёша бросился её утешать. Приговаривая растерянно, что он дурак, кретин безмозглый. Сам не знает, что на него вдруг нашло. Так вздор, не стоит обращать внимание. Просто он её очень любит. Любит так сильно, так отчаянно, что воздуха порой в груди не хватает от этого чувства. Она — его единственная. А слова? Это нервы просто сдают, устаёт. И потом человек всегда, всегда боится потерять то, что любит. Чем дорожит. И он тоже не исключение. Так уж устроена человеческая природа. Слушая его, она перестала плакать и лишь продолжала горько всхлипывать, уткнувшись лицом ему в колени. Лёша гладил ей по волосам и продолжал успокаивать, извинялся за свои жестокие, необдуманные слова.

А после у них была ночь любви и взаимной нежности, наполненная близостью разгорячённых тел. Казалось, что вместе с телами переплелись и их души. Они остались в квартире одни, и Татьяна могла не сдерживать себя ни вздохом, ни стоном. Не тревожась, услышат ли её чувствительные уши-локаторы сына. Только Лёша и она, и больше никого рядом нет. Эту феерическую, неповторимую ночь Татьяна потом вспоминала долго. Они тогда просто растворились друг в друге, стали единым целым. Воспоминание под номером два осклабилось кривой усмешкой и собралось уходить, взмахнув когтистой лапкой на прощание.

— Вспомнила всё до конца? — вкрадчиво произнесло оно ей перед тем, как удалиться. — Помни, не забывай. Тебе это ещё пригодится.

Татьяна судорожно вздохнула, пошевелилась в кресле. Да как же такое можно забыть?

Сестра услышала её вздох и шорох движения.

— Таня, — позвала она. — Столько времени едем, а ты всё молчишь. Хоть словечко бы вымолвила! О чём ты думаешь?

Татьяна ничего не ответила, ей не хотелось разговаривать. О чём можно вообще говорить в эти минуты? О Лёше? Так ведь ничего ещё толком не известно. Насколько тяжело его состояние, им сообщат в больнице. А все другие порошковые разговоры будут сейчас только лишними. Ну, сколько же ещё им осталось ехать? Когда же они, наконец, доедут до Приозерска? Чёртов дождь...

— Оля, — одёрнул Дима сестру, — Не трогай Таню, отстань от неё. Не спрашивай. Хочется поговорить — я к твоим услугам. Или тебе меня мало? Не наговорила ещё по дороге?

Оля скорчила досадливую гримаску, и тоже надолго замолчала.

Они проехали Отрадное в полной тишине, каждый думал о своём. Вскоре машина въехала в Приозерск. Миновала Собор Рождества Пресвятой Богородицы, пересекла Красноармейскую, улицу Ленина и остановилась у здания центральной больницы. Конечной точки их пути. Дождь лил как из ведра. Дима припарковался почти у самого крыльца.

«И наплевать, что не положено! — зло подумал он, — Правила создаются, чтобы их нарушать. Зато не вымокнем до нитки».

Он слегка подтолкнул Татьяну в бок:

— Тань, очнись. Приехали... За всю дорогу и слова не проронила, как в рот воды набрала. Ты как, нормально?

Она в ответ чуть улыбнулась. В улыбке сквозила горечь и печаль. Экскурсия по недавнему прошлому подошла к концу. Вот оно, настоящее. Они добрались. Скоро она увидит Лёшу, прикоснётся к нему. Будет рядом с ним. И даже если он сильно разбился, ничего, она его выводит... Врачи помогут. Главное, что живой остался. Родненький. Вместе они всё смогут преодолеть.

— Да, Дима, — ответила она. — Я в порядке. Пойдёмте быстрее к Лёше. Узнаем, как он, в какой палате лежит.

Пройдя в холл больницы они разделились. Таня с Олей присели в кресла у окна, а Дима отправился узнавать в справочной состояние больного и номер палаты. Вернулся довольно скоро с недоумённым, растерянным видом.

— Проклятая богадельня, — зло произнёс он и в эту минуту был так не похож на себя обычного. Всегда спокойного и невозмутимого. — Ничего толком сказать не могли. Кретины. Эта курица там, в справочном, посмотрела на меня таким странным взглядом. И лишь выдавила из себя пару слов. Даже номер палаты не сообщила. Сказала только, чтобы мы поднялись на третий этаж, и подошли к посту. Видимо, такие здесь порядки, чёрт их всех возьми.

В Татьяне нарастала паника. Ну что же это такое? Сговорились они, что ли все? Сначала этот баритон, который разбудил её сегодня ночью, поселив в сердце страх. Ничего конкретного не сообщил. Приезжайте, всё узнаете на месте, ни словом больше. Приехали. Теперь и здесь темнят, чего-то не договаривают. Не к добру это. Ох, не к добру. Значит, всё слишком серьёзно. Сильно разбился Лёша...

Сердце снова заныло, заскулило жалобно. Она шла по коридору, поднималась по ступенькам, почти не чувствуя ног. Как ватными стали. Дима шёл впереди, Оля — последней. Второй этаж, третий. Пост находился в самом начале длинного коридора, почти напротив лестницы. За стойкой сидела молоденькая медсестра, которая, почему-то, уставилась на них испуганными глазами.

— Вы родственники Иванова Алексея Владимировича? — срывающимся от волнения голосом спросила она.

Видимо ей позвонили снизу, со справочной. Что за тайны Мадридского двора? Татьяна почувствовала в себе стремительно нарастающую агрессию на всех них. На этого проклятого баритона со своей страшной новостью. На курицу в справочной. На эту молодую дуру за стойкой с испуганными плоскими глазами. Мнётся, жмётся, как будто писать хочет. А сама и двух слов связать не может.

— Да, это мы, — тихим, звенящим от ярости голосом, произнесла Татьяна. — Я — его жена. Вы дадите мне, наконец, вразумительный ответ, в каком состоянии находится мой муж? И в какой палате он лежит? Пока я не разнесла по кирпичику вашу чёртову больницу, — её голос сорвался на крик, и последние слова она уже выкрикивала, швыряла их в побледневшее, вытянувшееся лицо медсестры.

— А он не в палате... — с жалким, вымученным видом пролепетала медсестра.

— А где же он? — рявкнула Татьяна.

— Он в коридоре лежит. Вам налево. Простите... — Она отвернулась, не в силах сдержать слёз. Совсем молоденькая была. Ещё девочка. Татьяна точно оглохла. Она резко повернула голову налево и на расстоянии пары десятков метров от себя увидела лежащие на полу носилки, накрытые белой простынёй. Под нею кто-то лежал... Больше в коридоре никого не было. Только они втроём, медсестра и тело на носилках, под простынёй. Она шла к носилкам, проваливаясь при каждом шаге в вязкое болото. По щиколотки, колени, пояс, грудь, шею. Под ногами не было пола. Не было его. Только болотная жижа, топь... Как долго она шла к этим носилкам? Несколько секунд или целую вечность?

Она подошла к ним с рвущимся на части сердцем, потому что уже поняла, кто лежит на них, прикрытый белым саваном простыни. Увидела, выглядывающие из-под её края, Лёшины кроссовки. Присела на корточки рядом и приподняла край простыни. И тут же умерла внутри себя, застыла, оледенела.

Муж лежал на носилках вытянувшись, с закрытыми глазами. Очень спокойный, расслабленный. С лёгкой улыбкой на лице. Казалось, что он просто спит. И лишь на виске виднелась небольшая ранка, окружённая корочкой запёкшейся крови. Разве перед смертью люди могут улыбаться? Ей на секунду показалось, что всё это нелепая игра. Глупый розыгрыш. Что Лёша просто притворяется, а сам подглядывает за ней сквозь ресницы прикрытых глаз с чуть заметной улыбкой.

— Разыграл мол. Обманули Дирака на четыре кулака.

Сейчас откроет глаза и поднимется с носилок. Скажет:

— Всё поехали домой.

Сознание отказывалось принимать правду. Но Лёша не вставал и не шевелился. Его руки лежали вдоль тела. Татьяна прикоснулась к одной из них — холодная, как лёд. Всё... Это не розыгрыш. Лёши больше нет. Он умер. Он чувствовал свою приближающуюся смерть. И та пришла за ним.

Она сидела на полу, рядом с носилками, и держа его холодную руку в своей, вглядывалась в его лицо. Запоминала прощальную лёгкую улыбку. Значит, не мучился, ушёл сразу. Может даже и не понял, что с ним произошло. Покинул её, обратившись в вечный свет. Татьяна закрыла лицо руками и завывала. Она не рыдала, не плакала и не всхлипывала. Она выла так, как воет смертельно раненое животное. Её тоскливый вой эхом отражался от стен, и от этого казалось, что он идёт отовсюду сразу, превращаясь в нескончаемую песню горя.

Эпилог

Лёшу похоронили рядом с посёлком Песочный. Не в Кронштадте, как он того хотел. Татьяна пыталась настоять на своём, но вмешались Лёшины родители. В Песочный им было ездить ближе. После его похорон они стали вести себя так, как будто у них никогда не было сына. Видимо так им было легче пережить горе. Не было человека и всё... Кого тогда оплакивать? Лёша приходил к Татьяне во сне каждую ночь. Был таким счастливым и радостным. Рассказывал ей что-то, показывал место, где живёт. Говорил, что начал строить дом для них. Видимо там ему было хорошо.

После каждого такого сна Татьяна просыпалась в слезах и не могла уснуть до самого утра. В её душе бушевала обида. Копилась горечь. Как он смеет быть таким счастливым? Как будто радуется, что ушёл от неё. Оставил их с Димкой одних. Разве не видит, что для неё в миг рухнуло всё? Она страдает, а ему там хорошо и спокойно. В какой-то момент Татьяна поняла, что ещё немного и она сойдёт с ума. Внутренне обратилась к Лёше:

— Уйди. Не надо мне сниться. Я так больше не могу. Не выдержу.

Сны прекратились...

Выяснилось, что за рулём машины сидел дядя Миша, а Лёша находился рядом, на переднем сиденье. В крови у дяди нашли небольшую дозу алкоголя. Машина ехала по ровной лесной дороге и вдруг резко вильнула в сторону. Пересекла обочину дороги и въехала в лес, врезавшись в две огромных, рядом растущих сосны. Не хватило каких-то полметра вправо или же влево, и она смогла бы миновать эти деревья, и уехала бы дальше в глубь леса, в бурелом. Да, конечно, они бы искалечились, но остались живы.

Всего каких-то полметра... Не получилось. Судьба заранее спланировала всё, вплоть до мельчайших деталей. До миллиметров. Машина врезалась в узкое пространство между деревьями, сквозь которое было невозможно проехать. От удара дядька вылетел в окно, был не пристёгнут. А Лёша пристёгивался всегда, он так и остался сидеть в машине. Экспертиза показала, что муж умер на месте аварии. Очевидно, спал и не понял, что произошло. Иначе не улыбался бы... Разве человек может улыбаться, когда смерть летит ему в лицо?

Что заставило машину резко свернуть с ровной, заасфальтированной дороги? Там и поворотов то не было. И машин всегда ездило мало. Кто выскочил на дорогу перед самой машиной? От столкновения с кем уходил дядя Миша? Кого он пытался спасти? Ответа не было. Лёша погиб, а дядя после аварии впал в частичную амнезию. Он не помнил, что с ними произошло, и рассказать ничего не мог. Вспоминал, как заезжал за Лёшей к нему домой, а дальше шёл полный провал в памяти. Но зная дядьку, Татьяна подозревала, что тот симулирует амнезию, чтобы уйти от ответа и смягчить наказание. На суде ему дали два года условно и присудили выплачивать денежную компенсацию вдове погибшего. Татьяна не получила ни копейки. Дядька стал избегать её, скрывался. Говорил, что у него совсем нет денег. Что он больной и нищий. Авария полностью лишила его здоровья и возможности работать. Так откуда ему брать деньги, чтобы выплачивать компенсацию?

Невольный убийца её мужа. Она даже не услышала от дяди короткого:

— Прости меня.

Каждый месяц Татьяна приезжает к Лёше на кладбище и привозит с собой Димку. Сын растёт и всё больше становится похожим на отца. И часто говорит ей:

— Привет. Я люблю тебя.

Это было любимым выражением Лёши. Димка помнит, как любили друг друга его родители. А ещё каждый раз, приходя с ней на кладбище, сын близко подходит к надгробной плите, кладёт на неё ладонь и рассказывает, как у него дела, что нового произошло. Татьяна, глядя на сына улыбается и у неё по щекам бегут слёзы. С серой могильной плиты улыбается молодой обаятельный мужчина. Ему всегда будет тридцать лет. Спасибо мастеру, которому удалось передать выражение любимых глаз и светлую улыбку мужа. Внизу плиты выбита надпись: "Не погиб ты и не умер. Ты ушёл и где-то рядом".

Она так часто и думает, что Лёша не умер. Просто ушёл первым, строить для них дом и дожидаться того времени, когда она придёт к нему и останется с ним рядом. На целую вечность. На небесах совсем другое исчисление времени. Там оно летит гораздо быстрее. И когда-нибудь они встретятся. Лёша всегда умел ждать. Он обязательно её дождётся. А по-другому просто и быть не может...

Урина Рейсой





Луса Салливан



Атомы I

Атомы II

Людей слишком много.
Они как
Атомы.
Их души
Как дыры -
Телами залатаны.
Они как
Ноты -
Звучат, но не движутся.
И, как пустоты,
Пространством
Залижуются
Места
Отсутствия
Человечности.
Людей слишком много
Для этой
Вечности.

Их слишком много.
Как трупов на кладбище.
Они - как овцы,
А мир - как пастбище.
Любой из них
Несомненно хуже,
Чем солнце
Лживо
Светящее в луже.



Людей слишком много.
Предметы приятней.
Они не лгут
И молчат понятней,
На них глядишь
И не видишь бездну,
Они не вселяют
Пустую надежду.
Когда тебе худо -
Предметы рядом.
Они не боятся
Назваться стадом.
Они такие,
Какими нужны нам.
Как люди, в чувствах
Они не остынут.
Людей слишком много.
Они пропали,
Как те продукты,
Что долго лежали.
Запрятав годности
Сроки подальше,
Они прекрасны
В обертке фальши.
И так легко
Людьми отравиться,
Лежать в кровати
Или в больнице,
И в окружении
Лишь предметов
Молчать и думать
О том и об этом.
И если предмет
Можно сделать по-новой,
То люди, к несчастью,
Больны основой.
Не стоит винить в том
Природу и Бога.
Все портится. Просто
Людей слишком много.



Туда-сюда



Вспомнив о белом небе
И о закате красном,
Лежа в предсонной неге,
Зубы почистив пастой,

Пересчитаешь мысли,
Сделанное расставишь
Там, где найдется место
Среди обломков клавиш,

Рядом с тетрадкой в цифрах
И ощущением боли,
В пыльных и затхлых рифмах,
Сдвинешь табличку "воин",

Книги вокруг рассыплешь,
Память подальше спрячешь,

Недостоверность слова
Красками обозначишь,

Сбоку приткнешь булавкой
Нужное — чтобы помнить — ,
Еще не просохшей краской
Выпачкаешь ладони,

Вытрешь об одеяло,
Скинешь на пол подушку...
Почувствуешь, как все стало
Будто бы понарошку,

Но не успеешь взяться
Пальцами за реальность,
И пропадешь куда-то,
Откуда ты просыпалась.



Ирина Рензай



Глеб Зинovieв
До боли в пальцах



Через чуть приоткрытые ставни на четвертом этаже слышны гудки таксомоторов и далекая колокольная мелодия из San Carlo Quattro Fontane. Эту мелодию и этот тембр он может узнать из тысячи таких же колокольных мелодий других римских базилик и церквей вокруг. У него с детства отличный слух.

Нет в этой мелодии чего-то родного, теплого, что заставляет до боли в пальцах нажимать то черные, то белые клавиши, подражая русскому колокольному звону. Тихая via Napoli. И кто говорил, что в Риме плохо жить? Нужно только знать где. Комната большая, но мебели почти нет. Черный рояль «Блютнер», на нем играли еще в начале прошлого века. Аукционное приобретение, которое наделало много шума. В углу вольтеровское кресло с книгой Ремарка «Geborgtes Leben» на немецком языке перевернутой переплетом вверх и открытой посередине. На ней очки. Он всегда играл без очков, чтобы четко не видеть клавиши своего рояля. Столик с зажженным абажуром, освещавшим комнату.

Он сидит за роялем. Крышка корпуса закрыта. На ней откупоренная бутылка Кьянти почти столетней давности. Пустой бокал с остатками вина. Нотариально заверенная доверенность, позволяющая ей пользоваться его счетом в «Banca Monte dei Paschi». Скоро он отправит ей эту доверенность в Москву. Без всяких объяснений и слов.

Нет, он не забыл, как смотрела она на него во время первых его концертов, еще там - в Москве. Она верила в то, что он играет. Ее глаза верили, что его юношеская мечта может оказаться реальностью. Она верила... А он играл для нее... Всегда, до боли в пальцах.

Его мечта сбылась. Может быть, только благодаря ей. Он уехал играть в театр «Ла Скала», аккомпанировать певцам, давать концерты в Европе. Он превратился из московского талантливого паренька в виртуоза с мировым именем. Появились деньги... Вот этот Блютнер... Будь он не ладен. Квартира, Кьянти, оvationи, лица, уткнувшиеся в папки с нотами во время выступлений, хватающие со сцены каждую оплошность, словно голодные собаки кусок мяса, и при этом зло и недовольно улыбающиеся. Появилось многое, а она из залов исчезла. Исчезли ее доверяющие, полные любви глаза, ее руки, прижатые к груди, легкая улыбка или слезы, когда он играл грустное. Исчезли ее чувства, пронизывающие воздух зала, долетающие до него. От этих чувств хотелось забыть заученные ноты, импровизировать. Просто жать клавиши... в те минуты он был уверен, что какую бы ноту он ни сыграл — он не ошибся бы, не сфальшивил.

А сейчас?

Он получил, что хотел, но — потерял ее.

Возле двери на старой вешалке висит новенькое, немного старомодное соломенное канотье, успевшее покрыться пылью. Могло показаться, будто комната попала в этот час и год из другого времени, если бы не ноутбук с мерцающим в полумраке экраном, на котором открыто одно из ее писем. Она пишет часто, почти каждый день, а он читает. Радует, огорчает, грустит, скучает... Но не может, не осмеливается ответить ни на одно из писем.

Левая рука легко тронула клавиши: соль, си бемоль, ре. Сначала по очереди, потом вместе и увереннее, сильнее. Он подумал: «Дождь, пусть это будет дождь». После резко нажал фа, ля, до. Опять подумал: «Солнце, похоже на него. Оно ярче, веселее, глубже».

И снова первый аккорд. Снова дождь.

Опять солнце... Яркое и уже совсем громкое, наполнившее своими лучами всю комнату.

Правая рука побежала по клавишам, тут же придумывая мелодию.

Резко оборвал. Струны рояля загудели. Выпил Кьянти, не чувствуя вкуса и запаха, как пьют водку на Родине.

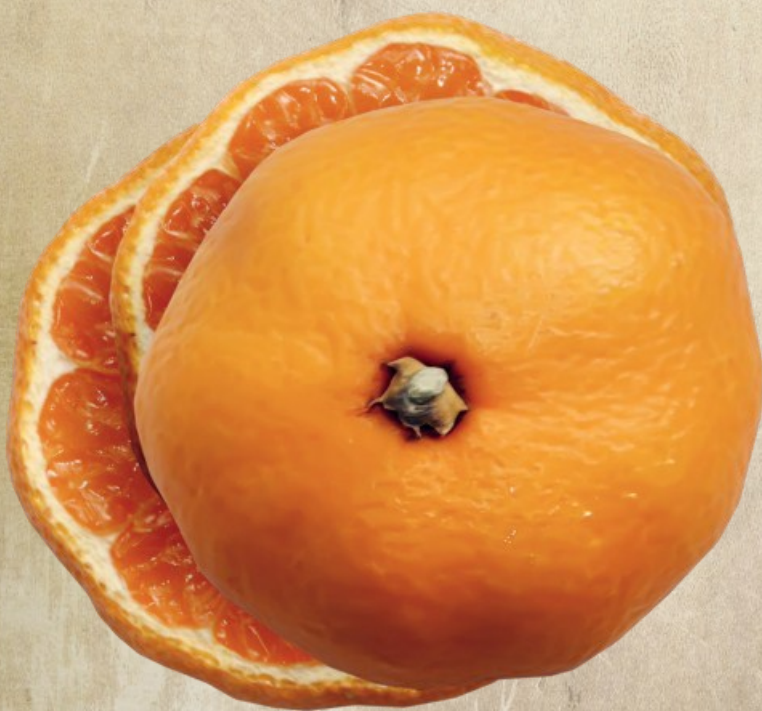
А что, если бросить все и уехать в любимую теперь Москву, где давно не был, где в квартире на Арбате ждет мама — одна? Ждет своего сына, купающегося в овациях и славе. Уехать за Ней, чтобы начать жить по-настоящему, а не как прежде,... где были только день — белые клавиши, и ночь — черные, вместе с бесконечными увертюрами, этюдами, вальсами, сонатами и симфониями. Где кроме игры на роялях, стоящих целое состояние, ничего не было... Игры до боли в пальцах. Забрать Ее сюда, в Рим, Милан, Париж, Геную, Вену, Флоренцию... Или, если она не захочет, остаться там, в Москве. Так даже лучше. Только когда осуществить все это? Как остановиться, оборвать бесконечную мелодию, что называется жизнь, прежняя жизнь. Когда поставить точку после целых, четвертных, восьмых, шестнадцатых и тридцать вторых нот?

Может быть... Дождь, солнце, дождь, солнце... Снова аккорды заполнили комнату. А затем начало новой жизни. Тогда не нужна будет эта доверенность, не нужны ответы на Ее письма. Он расскажет Ей все так — музыкой. Это получится, ведь у него с детства отличный слух. Не нужно будет больше жить так, до боли в пальцах.

Не заметил, как заиграл «Голубка то сядет, то взлетит». Последнее время он полюбил Ее почему-то больше всего. Играл сначала медленно, а потом быстрее, быстрее, быстрее... Ну вот, опять до боли в пальцах.

Впрочем, пора идти в Teatro dell'Opera на Piazza V.Gigli. Там через два часа, в который раз, будет полный зал и клавиши рояля. После, не заходя домой, поезд в Милан. Завтра играть в «Ла Скала». И снова нажимать одни и те же клавиши. Играть классиков. Не иметь возможности импровизировать. Но тут импровизации не примут, не поймут. А Она поймет, ведь Она верит в него. Верит его душе и любит.

Он тоже сможет полюбить Ее... сильнее, чем эту музыку, чем знаменитую, но блеклую жизнь. Устало сжал и расслабил пальцы над клавишами, закрыл крышку рояля, допил Кьянти. А ведь он никогда раньше не пил перед выходом на сцену. Что это с ним? Встал, ушел. Ушел играть до боли в пальцах.





Сыртымир Ваги

Бабушка



Затворились ворота скрипучие. Мелькнул-всколыхнулся средь лесных ветвей черный плащ всадника — вот и нет его. Умчался. Спешит нагнать старших братьев. Затеяли они, молодцы во времена Копыла-царя в догонялки играть. Первым старший помчался — только пыль из под ног. Сверкал белой рубахой по городам да весям. Побежал ему вдогон средний — алой шапкой встречным людям хвалился. Третьему и не бежать бы за братьями, да услышал, что кличет их матушка — полетел вослед старшим домой их звать, да не догнал. Успел лишь старое корзно черное на плечи накинуть. Бежит старший — все ему весело. Хорошо ему первым быть. Да дышит в спину средний брат — а вот догоню! И вослед им кричит младший, поспеть за бегунами старается. Уж давно ослепла от горьких слез их матушка, развалился трухой отцов терем, а им все бы гнаться. На бегу взросли, на коней сели, уж не счесть сколько раз всю Землю объездили — а все друг за другом поспешают.

Вот и младший снова уехал. Затворяет Яга ворота. Украдкой смахнула любопытную слезу с глаза. Каждый день приезжают к ней братья по очереди. Соскочит с белого коня старший, отряхнет светлый свой наряд.

— Что, бабушка, не видать ли братьев за спиной?

Вынесет ему Яга колодезной воды да ломоть белого хлеба:

— Не видать, кормилец.

Примет он подношение, расправит саженные плечи, да снова на коня сядет, поскачет смеясь. Молвят люди:

— День наступает.

Пыль не осядет еще за белым, а уж трубит в рог всадник алый.

— Здравствуй, бабушка? Далеко ли брат мой?

Подаст ему Яга корец с алым вином да печатный пряник.

— Далеко, соколик.

Перехватят тонкие руки всадника удила — и не видать уж его.

Молвят люди:

— Солнышко пришло.

Время пройдет — снова лошадь у ворот храпит. Падает с нее на руки Яги бледный мальчик:

— Не догнал ли я братьев, бабушка?

Заплачет Яга:

— Не догнал, милай!

Пользует его горькими травяными отварами, что хвори за семь верст гонят. Подает ему каравай черного хлеба — чтоб сил прибавилось. Умчится несчастный, кутаясь в черный отцов плащ — падает ночь на землю.

Закрывает Яга скрипучие ворота. Трет глаза. По кому плачешь, старая? Заменяли тебе трое упрямых молодцев собственных твоих детей. Они друг друга лишь видят, а все одно — на пути своем к тебе сворачивают. Спроси каждого — о тебе и не вспомнят. А сгинешь, старая, — опечалятся поздней печалью. А пока — все тебе утеха.

Помнишь, Яга, время древнее? Помнишь ли молодую Землю? Реки широкие, степи бескрайние — помнишь ли? Величали тебя, молодку, степные люди богинею. Летала ты по ковыльему морю на лихом коне, бросала аркан на сайгаков, медным ножом добивала рогатых. Мчались тебе на потеху всадники, метали на скаку острые стрелы. Смеялась ты, черными глазами сверкала. Несли степняки тебе золото литое, и билось друг с другом золотое зверье в смоли твоих кос. Приходили к тебе степные молодцы, кланялись. Хотели коней твоих выслужить, дочерей твоих просватать думали. Да сложили на службе тебе свои головы. Отмыли их кости дожди, укрыли степные тонкие травы.

Помнишь ли меч свой, старая? Злым степным солнцем горело его лезвие. Не было преград вострому — рассекал доспехи, как воздух пустой. Сколько славных батыров лишил он голов? Помнишь, как высоко поднимались на пирах те черепа, вином наполненные? Гремели тебе, Яге, здравницы.

Где теперь степные люди? Спят под курганами, сжимая у сердца темные мечи. Ветер лишь, памятуя о лихих скачках с тобой, целует на сопках каменных баб, что ваяли во славу твою нынче мертвые.

Помнишь, как дряхлеть ты стала, Яга? Разбежались твои славные кони. Поляницы-дочери давно в степь ушли, отнянчив в чужих краях своих внучат. Шепчутся теперь в ковыле, смеются родниками. А тебе в степи уже нет места. Старятся без людей каменные бабы. Старилась без людей и ты.

Помнишь, как рвалась ты, немощная, на коня вскочить, и бессильно скользили по седлу дрожащие пальцы? Помнишь, как, схватив кладенец свой, тщила ты изрубить безвинного скакуна, да падал из рук тяжелый клинок? Сколько ночей выла ты на курганах, умоляя вернуться славных воинов, принести тебе твоё прошлое? Не было тебе, Яга, ответа. Отжила золотая степная вольница. Помнишь...

А вспомнишь ли, Яга, как очутилась ты в лесу дремучем, в избе мертвой, что у края того света стоит? Молчит здесь память. Щадит тебя, старую.

Отгорел степной пожар твоей молодости, да долго угольё его жгло. Сколько молодых и сильных сгубила ты, завидуя их молодости? Кто сочтет? Мертвые руки их тебе, Яга, на стол накрывали, черепа с тына огнем глядели. Все вокруг проклиняло убивицу.

Стала злость твоя пеплом. По двору ходишь, черепа на ограде гладишь, умоляешь простить. А они смотрят пустыми своими глазами и молчат. Нет от них прощенья. Не нарастет на них съеденное тобой мясо.

Ходила ты на тот свет, и до сей поры мертва нога, коей ты за границу ступила. Нету богине в смерти покоя. Лишь старость дряхлая тебе в подруженьках.

Однажды ожила ты, Яга. Когда стало твоё душегубство забытою сказкою, увидала в своем лесу ты людей. И кричала ты, бросалась их коням под ноги, молила лишь имена назвать. Поднимали тебя из грязи руки сильные, глядели на тебя светлые глаза. Спрашивали люди:

— Чем помочь тебе, бабушка?

И выла ты раненой волчицей, рвала душный ворот платья. Видела же, видела — вот они, дочерей твоих правнуки! И бежала ты в избу, умоляя их остаться. Топила им баню, завывая в голос. Лишь бы не ушли! Хоть минуточку побудьте, внучата! А те улыбаются, помочь норовят:

— Что же ты плачешь, бабушка?

Уезжали. Уезжали за сине море, за быстрые реки, за темные леса. Счастье своё искать, жену выручать, князю служить, да ворогов бить.

Приезжали их правнуки, и ты, старая, снова себя не чуяла — топила баню им, подорожникам, собирала на стол, что знала — все им рассказывала. Где мёды слаще, где невесты краше, где ворога ждать, где себя искать. Говорила, а сама в лица глядела, плакала:

— Внучаточки!

Как губила людей, так же теперь им верила – безоглядно, люто. Только люди были разные.

Помнишь, старая, свой кладенец-меч — последнюю память свою о степном раздолье? Наплел тебе дурачок про ворогов, рвал на себе рубаху, воевать собирался. Отдала ты ему свое сокровище.

— Сбереги себя, внучек!

А тот в кружале твой меч на бутылъ сменял.

Горько старой, а все равно к людям льнешь. Дураков иногда прежней славой пугаешь:

— Вот в печь тебя суну, на косточках твоих покатаюсь.

А за дверью богатырь смеется:

— Открывай, бабушка!

И ты снова спешишь швырнуть подальше в угол засов из старой человеческой кости – страшно внушка расстроить.

Уснет богатырь у тебя в избе, набираясь сил для подвига, а ты все в лицо ему глядишь, дочерей своих вспоминаешь. А потом спохватишься:

— Что же я, старая, сию?!

Бежишь во двор, зовешь зверье лесное, птиц небесных, гадов болотных. Каждого умоляешь:

— Внука не выдайте!

Встанет поутру русский богатырь, примет из рук твоих полотенце с древней молитвой, да спросит участливо:

— Чем помочь тебе, бабушка?

А ты головой мотаешь. Какое помочь? Что тебе, старой, дырявая крыша, гнилой пол, да треснувшая печь? Было бы с внучком все ладно!

Ускачет богатырь. Вольный да храбрый, как степной ветер, добрый да сильный, как русская лесная река. А ты ему вслед смотришь. Чуешь – теперь ты, богиня, все правильно делаешь.

... Давно уж был у тебя, Яга, человек. Века прошли, а ты все ждешь. Злорадно молчат черепа на заборе. Ноет перед стылыми дождями костяная твоя нога. Нет богатырей. Словно сгинул русский народ, рассыпался по земле дряхлым пеплом: Нет у меня коня – не привык я ездить. Нет у меня меча – я иду не на подвиг. Мне без надобности чужие края и громкая слава. В моей подорожной суме лишь простая плотницкая снасть. И несу я Яге одно короткое слово.

Скрипучие ворота тщатся напугать меня, мастерового, ветхой своей немощью. Пустые черепа настороженно глазят с тына.

Что же... Крепко вбиваю кулак в створу.

— Бабушка, открывай!





Сергей Бондаренко



Градусы взлетают до предела

Градусы взлетают до предела.
Режут плоть как острые ножи.
Плачет искалеченное тело,
Плачет искалеченная жизнь.

Раньше почему-то было проще.
Можно было верить и мечтать,
А теперь в полусгоревшей роще
Дни свои приходим коротать.

Только ум надежд не оставляет,
Только сердце верит в чудеса,
Только тело дурака валяет,
А душа стремится в небеса...



В поезде

Белый дым изо рта...
Ночь, дорога проста.
Чуть нахмуренный взор...
Не простой разговор.

Тамбур, речи, табак...
Полный мусорный бак,
Взоры, фразы, стихи,
Храпы, вздохи глухи.

Рельсы, шпалы, дома
И платков хохлома,
Блики, запах цветов...
Ко всему я готов.

Поезд мчит по прямой,
Ты опять не со мной...
Кружит дым сигарет,
Я надеждой согрет...
И сквозь сны и мечты
Мне являешься ты.





Даниил Николаев

Современное искусство как форма конформизма



На одной далекой (или не очень) маленькой планетке был один маленький (или не очень) городок. В котором жили Ужасно Творческие люди. Они были настолько Ужасно Творческими, что не могли и дня помыслить без искусства. Все их дома были заставлены произведениями, завешаны картинами, фотографиями, были превращены в музыкальные студии.

Но однажды у всех этих людей возник вполне резонный вопрос - а кто из них лучше? И началось. Каждый из них тщательно убирался дома, поэты зубрили стихи, музыканты по сотне раз перелистывали ноты, фотографы до блеска драили объективы - ведь Сегодня у них была грандиозная выставка собственного творчества!

Да, именно так.

С самого утра, в наглаженных костюмах Ужасно Творческие люди сидели и ждали гостей. Но шло время, час за часом, но никто не приходил.

Как же так? Обо мне забыли?

Множество мыслей, хороших или не очень, было ими перемысленно, но никто так и не понял, что произошло.

Пока наконец, под вечер, не пришел один странник. Он удивился пустым улицам и зашел в один из домов попросить еды или ночлега.

— Почему так пусто на улицах? — спросил он Великого Музыканта.

— У нас сегодня выставка, - ответил тот, продолжая играть на скрипке.

— И почему же вы не пойдете к другим людям, чтобы посмотреть на их творчество?

— Как?! — вскричал тот. — А вдруг кто-нибудь придет ко мне, а меня тут не будет?!

И он не познакомится с моим творчеством, не поймет, что я Великий!

Странник лишь пожал плечами и отправился дальше.

Какая у этой сказки мораль? А морали нет никакой.

Задумывались ли вы о том, какое количество фотографий, заметок собственного сочинения, стихов, песен, выкидывается каждый день в многострадальный интернет?

Я не назову цифру, ведь 100% ошибусь на пару порядков.

Как отобрать среди этого огромного куска творчества то, что тебе действительно интересно?

А никак. Только ориентируясь на удачу, и интуицию "бывалых" друзей.

Нам не хватит жизни, чтобы прочитать все книги, чтобы просмотреть все фильмы, пролистать все фотографии.

Почему?

Да потому что каждый, купивший себе фотоаппарат мнит себя фотографом. Каждый, у кого есть клавиатура и куча пафосных мыслей автоматически становится поэтом/писателем. Каждый, купивший гитару начинает активно строчить песни и хрипеть их в подворотнях.

И ведь все считают, что это нормально. Ну есть у человека деньги, он может позволить себе фотоаппарат. Есть мысли, почему бы и не озвучить их?

Стоп.

Вот она, главная ошибка всей современной культуры.

Творчество — это не возможность. Творчество — это необходимость.

Если ты не можешь по-другому выразить свои эмоции, кроме как стихами, если ты не можешь по-другому передать ощущение окружающего мира кроме как через картину - это действительно искусство.

Все пишут, почему я не могу? Почему мои друзья могут фотографировать, хотя не умеют, а я не могу?

Истинная мотивация подавляющего большинства Ужасно Творческих людей — потребность в признании. Выделится, заработать деньги, славу. Здесь и сейчас, я должен быть лучшим.

И вновь ошибка.

Главная цель по-настоящему творческого человека — самореализация, познание окружающего мира через призму собственных эмоций.

Желание, понять себя и дать эту возможность другим.

Все остальное — вторично.

Главное искусство, которое безнадежно потеряно современным миром — искусство ценить. Искусство понимать. Искусство чувствовать автора, предвосхищать его следующую ноту, строку, мазок кисти.

Ведь именно этого не хватало на той самой маленькой планетке. Читателей. Слушателей. Зрителей.

Тех людей, благодарям которым искусство не отправляется на помойку интернета, а прямо по назначению.

В самую глубину сердца.

И если у тебя не получается влиться в столь модную волну Ужасно Творческих людей, может стоит развить в себе действительно важный талант?

Умение понимать.





Ирина Рейзой



Мама

Сковала дом мой тишина —
До боли тихо.
В моей душе терзаний мгла,
Неразбериха.

А в детстве было страх прогнать
Мгновенья дело,
Когда цвела и пела мать,
А не старела.

И ловко монстры из щелей
Сажались в банку,
Но выпускали мы мышей —
Неволить жалко.

Горел ночник, и от тепла
Родной ладони
Я знала: злая темнота
Меня не тронет.

Прошло без году сорок лет,
Как две минуты.
Сама ночами жгу я свет
Янтарно-мутный.

А страхи лезут через ночь
Под одеяло,
Но так легко прогнать их прочь
Могла лишь мама.

Наталья Эткин



Город-старик

Город-старик-хмурый-лоб
мерзнешь, дрожишь, дробью стучит озноб.
Руки крестом, черный паук-душелов
Дуешь грудным дыханием сквозняков.
Ты, говорят, богатый на чудеса,
на красоту.

На паперти за пояса,
за пазухи в кладовые больной души
хочется взять что-то главное.

Не ищи
особь, стоящая в горе особняком,
нечем из горла вытравить жгучий ком.

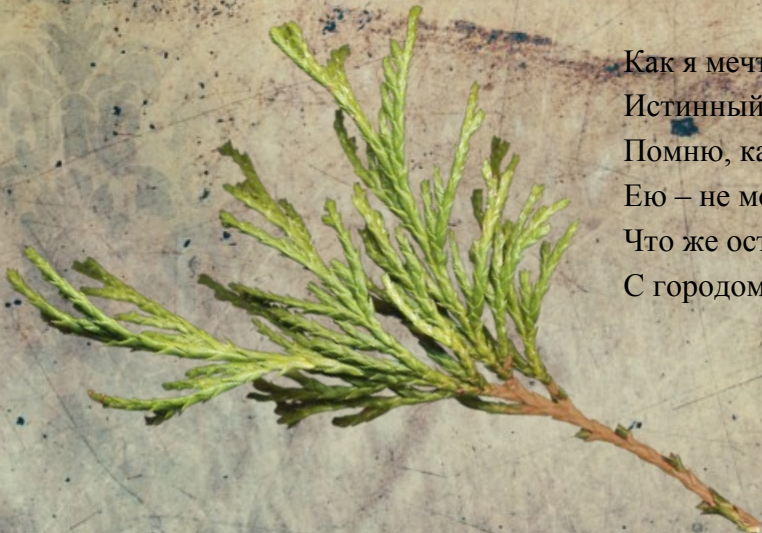
Я попытался, но
город не дал ничего.

Ты лицемерный жлоб, город-старик-хмурый-лоб!
Душа у тебя не болит. Что твоя память? Гранит.
Статуи-камни, мертвый узор-оскал.
Жалкая монотипия. Ты, как живой, не страдал.

Ты не велик, не добр, город-старик-хмурый-лоб.
Как же ты невыносим...
Пусть для других третий Рим, кем-то пускай
любим...

Только не мной.
Стал я в тебе полумертвый (или же полуживой).
Улиц твоих красоту, в яви и в паспарту,
Гасит затишие пульса...

Как я мечтал, чтоб вернулся
Истинный мой идеал.
Помню, как в прошлом дышал
Ею — не мог надышаться я.
Что же осталось теперь?
С городом ассоциация...





Юлия Вебер



Ника, земля, земляника...

*«Разгорается в лугах лето красное,
Ты опять мне говоришь, что мы - разные,
Видишь, к ягодке одной вместе тянемся?
Это значит, мы с тобой не расстанемся.»*

Словно красная букашка, перемещалась «девятка» по окрестным грунтовым дорогам. Остались где-то далеко позади пахучие сосны, исчезла за очередным поворотом серебристая прозрачная речушка с беловато-серыми камешками на берегу, раскинулись на все четыре стороны разноцветные, словно бабушкино узорчатое одеяло из лоскутков, луга и поля. Из динамиков доносилась любимая лирическая песня в исполнении Ольги Зарубиной, и Ника тихонько подпевала:

«Земляника, земляника, нашу жажду утоли!

Только слаще земляники губы нежные твои».

Ника бросила короткий взгляд на девчущку в спальном коробе. Спит Дуняшка — ее маленькая любимица. Да и Алёшка, утомленный однообразной качкой, давно уже дремлет, привалившись плечом к дверце и подперев голову рукой. И сестренку его Леночку сон сморил. На душе у Ники было хорошо. Езда всегда навевала ей легкие текущие мысли. Они мелькали, не тревожа, не печалая, как разноцветные пятна за стеклами машины, вселяя умиротворение и спокойствие.

Ника улыбнулась. Голубело небо, белыми спиралями разбегались в разные стороны пушистые облака, полыхало вдоль дороги лилово-сиреневое пламя цикория, а солнечный воздух, казалось, переливался тонким сладостным ароматом цветущих трав. Она глубоко вздохнула.

— Что, всё надышаться после столичного смога не можешь? — усмехнулся в усы отец.

Ника согласно кивнула головой:

— Когда в полях — такое разнотравье, воздух медом пахнет.

— Это точно, хоть половником черпай наш воздух и пей досыта, пока голова не закружится.

Ну-ка, доча, глаза на минутку прикрой.

И выросла неожиданно, резко, неправдоподобно на взгорке посреди поля церковь: стройная, высокая, почерневшая от времени и вандализма. Зияли темные проемы окон и дверей, открыты были всем четырем ветрам огромные полуовалы звонниц. Стояли крепкие, полностью сохранившиеся беленые известью краснокирпичные стены, они даже были обиты снаружи местами старыми металлическими листами. Только не было ни золотистых, ни поржавелых куполов с крестами. Сняты были кем-то в старо-старо-давние времена.

— Сто пятьдесят лет церкви. С двадцать пятого года стоит неприкаянная, никому не нужная. Пытались сжечь, но она в огне не сгорела, лишь прокалилась, еще крепче стала. И дороги к ней почитай уже лет тридцать нет, да и до ближайшего поселка пешком часа четыре идти. Отец остановил «девятку» посреди огромного косогора, на котором толпились маленькой группкой заросли сирени и крупные тополя.

— Вот оно наше родовое гнездо - Федоровка. Три десятка домов здесь когда-то в пятидесятых стояло. Тут я, Никуля, родился, тут детство и юность мои прошли. А потом, в семидесятых колхоз укрупнили и переселили всех жителей в поселок, за двадцать километров отсюда.

Заглушив мотор, он неторопливо распахнул дверцу машины и тяжело вздохнул:

— Ничего не осталось за тридцать пять лет: ни колхоза, ни деревни. Только деревья, что

отец с матерью посадил, да родник в ложбине, из которого воду носили. Давай передохнем тут с полчасика и дальше в путь двинемся, мать уже заждалась, поди ...

Коляску со спящей Дуняшкой Ника неторопливо прикрыла тюлевой занавеской, откатила в тенек.

Крупная земляника ярко краснела под ногами. Алёшка выпрыгнул из кабины, присел на корточки и стал собирать ягодки прямо в рот. Леночка вприпрыжку бегала по косогору, нюхала травы.

Ника уселась прямо на траву, аккуратно срывала тонкие стебельки с рясными ароматными ягодками, собирала их в пучок, словно ландыши. А вокруг всё стрекотало, жужжало, звенело, щебетало. Теплые солнечные лучи приятно щекотали кожу.

Ника подставила лицо солнцу, закрыла глаза и сквозь прикрытые веки вдруг почувствовала, как пронизывает, заливает, заполняет живительный красный водопад света не только ее, но и землянику, косогор, всю округу. Ей показалось, что она дышит этим светом, растворяется в нем, сливается с ним в единое целое. Всем своим телом Ника чувствовала теплое дыхание земли, пьянящий аромат дымчатой душицы, звездчатого зверобоя.

И в глубине ее души пробуждалось знание, знание того, что она не просто существует в этом мире, а является его частью. И независимо от того, в каком месте земного шара она, Ника, будет находиться в ней, всегда будет существовать неуловимое чувство принадлежности к этой земле. К земле ее предков. Зашептали ее губы горячие слова благодарности солнцу, небу, облакам, ветру, земле, жизни, словно молитву.

Окрыленная, полная счастья и благодати Ника открыла глаза: мир словно изменился, краски стали ярче, насыщеннее. Косогор ровно мерцал разноцветными искрами цветущих трав, близлежащая ложбинка теперь была особого цвета, особого запаха: веяло от нее радостью, нежностью, успокоением, отрадой, какой-то древней незыблемостью и нескончаемостью. Словно все прошлое и будущее, уложенное в этот проявленный вещественный мир, перетекало в сущность Ники, соединялось с воздухом, землей, небом, пронизывало каждую клеточку ее тела, соединяло разум с вечностью, с миром. И не было разницы между прошлым и будущим, было только одно бесконечное настоящее.

С каким-то радостным чувством, Ника легла животом на траву, вытянула руки перед собой, сорвала губами одну ягодку, другую. Прямо с куста. Спелая земляника приятно холодила во рту, мгновенно таяла на языке. Где-то рядом, перелетая с цветка на цветок, басовито гудел тяжелый шмель. Она попыталась скосить глаза, чтобы увидеть его полет. Но увидела только толстое, похожее на мохнатую сосиску, тело, висящее в воздухе над крупными розовато-сиреневыми цветами ясенца. Крылья шмеля работали так быстро, что их едва можно было различить, а хоботок старательно выбирал нектар из цветочных чашечек.

Светло и радостно было на душе у Ники. Выпрыгивали из травы усатые кузнечики с зелеными глазами. Маленькими самолетиками летали стрекозки. Мелкие бабочки-голубянки с оранжево-красными крыльями в пятнышках густо облепили близлежащий куст буркунца.**

Одна из них уселась на запястье руки, в которой Ника держала букетик из стебельков, увенчанных спелыми ягодами. Ника растерянно замерла, боясь ее вспугнуть. Завороженно, по-детски улыбаясь, она наблюдала за бабочкой. Тонкие лапки приятно щекотали кожу Ники, перламутровые крылышки то складывались, то разворачивались, во всей своей красе радушно поблескивая на солнце. Наконец бабочка замерла, Ника осторожно, двумя пальцами свободной руки взяла ее за кончики сложенных крыльев, поднесла к своим губам, легонько дунула и разжала пальцы. Стремительно, неслышно, невесомо скользнула бабочка по кривой над косогором и растаяла вдали. Ника снова потянулась губами к краснеющей перед ней землянике.

— Ты, словно ребенок. Я за тобой уже полчаса наблюдаю, а ты всё в одной позе, —

Голова у шестилетней Дуняшки в ярко-розовой шапочке, украшенной помпонами, словно флюгер, туда-сюда вертится. Любопытные ореховые глазки в считанные мгновения успевают всё вокруг и увидеть и рассмотреть. Шевелятся губки, пытаюсь сложить буквы в слоги, слоги в слова.

— Пии-ц-ца. Пицца. Бабуль, а здесь пиццу продают.

— Правильно, продают.

— О-б-бу-вь. Обувь. А тут обувь.

— Верно. Сапоги, ботинки и туфельки.

— Зо-ло-т-та-йа. Золотая. Ру-у-сь. Русь. Золотая Русь. Бабуль, давай в магазин зайдем.

— Некогда. В другой раз. Скоро все домой с работы придут, а мы с тобой еще ужин не приготовили.

— Бабуля, бабулечка! Ну, на одну минуточку. Я хоть одним глазком посмотрю, как там золотую русь продают. На развес или в пакетиках.

Бабуля тормозит.

— Ладно, зайдем. Только там, Дуняшка, не Русь, а украшения продают. Из золота и серебра. Заодно и подарок тебе к празднику присмотрим. Сережки или подвеску серебряную. Сама себе выберешь.

Бабушка сегодня добрая. В кошельке пенсия лежит: можно и себя и внуку порадовать. Обилие света, воздуха, стекла и драгоценностей расслабляющее действует на бабушку, вводит ее в своеобразное медитативное состояние. Дуняшка же, наоборот, становится собраннее и сосредоточеннее. Она внимательно всё рассматривает и, наконец, напоминает бабушке о цели визита:

— Бабушка, бабушка, купи мне что-нибудь. Ты обещала.

— Что-нибудь — это что? — уточняет бабушка, пытаясь научить внуку конкретике.

Ореховые глаза Дуняшки торопливым взглядом обегает стеклянные витрины: сначала с сережками, потом с подвесками. После некоторых раздумий она обращается к девушке-консультанту:

— А вот, тетенька, подскажите мне, пожалуйста... У вас есть знак: ни рыба, ни мясо называется?

Девушка в синем форменном костюмчике с яркой косыночкой на шее недоуменно смотрит на девочку. С одной стороны, вроде она - консультант и обязана клиента обслужить, а с другой стороны, клиент — мал и вопрос некорректный, неточный. Но, встретив насмешливый взгляд моложавой бабушки, девушка вступает в игру, проявляет ум и сообразительность:

— Посмотри, какие красивые к нам подвески поступили. Вот — бабочка, вот — стрекозка. А вот — божья коровка.

Дуняшка внимательно рассматривает подвески, а потом поднимая на девушку глаза, серьезно говорит:

— Тетенька, я не хочу насекомых. Понимаете: у меня мама — Рыба, а папа — Овен. А я — ни рыба, ни мясо, потому что двадцать первого марта родилась. У Вас на витрине знак такой есть? Девушка теряется. Хлопнув пару раз ресницами и растягивая губы в улыбке, отходит к соседней витрине:

— Нет, девочка, такого знака у нас нет. Но зато есть вот такие замечательные обезьянки, петушки, козочки. Это тоже знаки Зодиака.

Дуняшка неспешно подходит, с интересом рассматривает:

— Ой, бабуля, смотри. Обезьянка! Пузатенькая, волосатенькая. На дедулю нашего похожа.

Точно так же, как он по утрам, в позе лотоса сидит. Давай ты мне её подаришь!

Охранник прыскает в ладонь, девушка-консультант торопливо отворачивается к стене. Бабуля расплывается в широчайшей улыбке:

— Ладно, Дуняшка. Раз на дедулю похожа, так тому и быть. Покупаем. Только уговор. Сама дедуле будешь объяснять свой выбор.

Счастливая Дуняшка кладёт попку в розовую сумочку.

... Дедуля сначала теряет дар речи. Потом берёт Дуняшку за руку и ведёт в прихожую, останавливается перед большим зеркалом. Втянув живот и поправив тельняшку на груди так, чтобы не было видно курчавой растительности, говорит:

— Дуняш, посмотри внимательно-внимательно. Разве я похож на твою обезьянку? — Дедуля! Ну, что ты, как маленький! Это обезьянка на тебя похожа, — Дуняшка поднимает цепочку с обезьянкой к лицу деда. — Видишь, какая она? Пузатенькая, волосатенькая. Я её

теперь, как тебя люблю. И бабушку тоже. Это она мне подарила.

— Ладно, внуча, беги к родителям. А с бабкой я сам разберусь. Дуняшка скрывается за дверью, а дед, насупив брови, идет на кухню.

— Ну, и...? — сузив глаза, он смотрит на жену.

— Что, ну и...? — глаза бабули задорно вспыхивают. — Разве ты не доволен? Сам вчера мне предлагал ей подвеску со знаком Зодиака купить.

Дедуля обиженно поджимает губы:

— Так! Значит: пузатенький, волосатенький?

— Ага! Пузатенький! Волосатенький! Любименький, — глаза у бабули сияют.

— Вот сколько лет, мы, Вика, вместе, а я всё понять не могу: то ли ты издеваешься, то ли правду говоришь. Ну, ладно, пузатенький, — дед погладил округлый живот. — Согласен.

— Но чтоб волосатенький, — проведя рукой по абсолютно лысой голове, дедуля тяжело вздыхает и с любовью смотрит на бабку.





Юлия Павлова



Ах, как больно...

Ах, как больно, как страшно
Во взгляде холодном прицела
Отразиться, как в зеркале
Жизни своей уходящей.
Ах, как страшно, как больно
На лезвии ярком и смелом
Задрожать, словно бабочка,
Трепетом крыльев звенящим.
Ах, как страшно, как страшно -
Не боль - ожиданье удара
Бесконечно уверенной в силе
Карающей длани...
Но такую холодную
И обжигающей карой
Может быть лишь молчанье.
Молчанье.
Молчанье...
Молчание!



Мой сын рисует

Мой сын рисует храм.
Тетрадка в клеточку
О математике забыть должна:
Вот окунулся в небо
Купол светоча,
Вот вышла из-за облака луна,
Вот у пруда деревья
Встали стражами,
Густым штрихом легла ночная тень.
И я услышу вздох
Листа упавшего,
Увижу бледность белопенных стен.
И в этом осязаемом
Безмолвии
Читается незаданный вопрос.
И линия, как истина,
Как молния,
Как взмах, прогнавший с брови прядь
волос.
Но этого таинственного
Трепета
Я никогда, должно быть, не пойму.
Мой сын рисует храм,
Луну, безветрие...
Мне хорошо.
Не знаю, почему.



Весь ноябрь и декабрь у нас проходил конкурс на тему «Посвящения». Этот конкурс был самым масштабным, а потому самым сложным для нас. Дело в том, что мы впервые набирали произведения на конкурс не только на сайте Вконтакте, но и на ресурсах stihi.ru и proza.ru. Первый опыт оказался достаточно удачным, а значит, мы будем продолжать подобные конкурсы.

Жюри мы тоже набирали на разных ресурсах. В его состав вошли наши авторы и люди, которые давно по разным поводам сотрудничают с нами. Члены жюри:

Иван Гладких и Михаил Соболев, чьи произведения вы могла видеть на страницах нашей газеты. Наталия Коденцова, она также постоянно публикуется у нас, а кроме того, также постоянно помогает нам в подготовке номеров.

Юлия Привалова, она тоже помогает нам в подготовке номеров, а кроме того, является автором и создателем таких проектов, как журнал «Времена года» и «Читающий дракон», оба этих проекта существуют на просторах сайта proza.ru.

Римма Рид и Евгений Пряничников, с которыми мы также довольно давно сотрудничаем.

Конкурс проходил в трех номинациях: Стихи, Проза и Самое оригинальное посвящение.

Тексты, занявшие первые места по оценкам жюри опубликованы ниже, кроме того, авторам этих текстов достанется по одному экземпляру нашего сборника. А теперь об итогах.

Была замечена интересная закономерность: первые места в номинации «Проза» были оценены куда выше первых мест в номинации «Стихи». Да и вообще распределение оценок у обеих номинаций разные: оценки стихотворных текстов по большей части в среднем диапазоне, а прозаические тексты равномерно распределены по всему диапазону оценок.

Что касается конкретных результатов, то первые места завоевали следующие тексты: в номинации «Проза» — «Страх высоты» Алекса Ершова; в номинации «Стихи» — «Посвящение зрителю» Алекса Ершова; а в номинации «Самое оригинальное посвящение» — «Все мы знакомы», Сергея Данилова, посвященное Олегу Янковскому. Эти тексты вы сможете прочитать чуть ниже.

Вторые третьи места распределились следующим образом: второе место в номинации «Проза» досталось тексту «Сеанс арт-терапии. Попытка разговора» Евгении Кордовой, а третье место в этой номинации — «Все мы знакомы» Сергея Данилова; второе место в номинации «Стихи» досталось текстам «Благодарю тебя» Ларисы Тарасовой, а второе — «Мелькают версты пройдены дорог» Лады Петруниной; в номинации «Самое оригинальное посвящение» второе место досталось тексту «Сеанс арт-терапии» Евгении Кордовой, а третье — «Страх высоты» Алекса Ершова.

Ну а теперь, наслаждайтесь чтением.



Алекс Ершов Страх высоты

Посвящается ушедшему другу

...А знаешь, я стал теперь бояться высоты. Смешно, правда? Никогда за мной такого не замечалось, а вот поди ж ты...

Недавно сильным ветром оторвало угол крыши на балконе. Хлопает и хлопает при каждом порыве, спать невозможно. Наутро поднялся, достал инструмент и вышел на балкон. Всего делов-то — прибить гвоздём угол оторвавшейся крыши. Просто выбраться наружу, опереться ногой на перила соседнего балкона, а потом — гвоздь, молоток, привычная работа...

Вылез, опёрся, поднимаю руки и вдруг чувствую, что сейчас вот могу упасть. Держусь-то одними ногами, руки заняты. А тут ещё ветер холодный налетел, ноги почему-то задрожали... Залез обратно и думаю: «как же быть?» Пошёл искать надёжную опору. Достал длинную широкую доску, проложил её между балконами и взобрался, как на пьедестал. Почувствовал уверенность. Но всё равно, пока заколачивал тот гвоздь, не покидало тревожное чувство, что сорвусь я, упаду со своего второго этажа, и...

И буду лежать вон там, внизу, мёртвый, холодный. А может и живой, с переломанным позвоночником. Потом — больница, вечная кровать или вечная коляска. Впрочем, почему вечная?

Эх, Женька, Женька! Что для меня второй этаж? Ты ведь помнишь, как мы по деревьям лазили? Кто выше? Сколько раз я тебя обгонял? А помнишь, как ты упал? Я тогда ещё сразу слез обратно, подбежал, а ты лежал на спине и дышать не мог. Как же я испугался! Мы никому не рассказали, а то бы родители неизвестно что с нами сделали.

А в десятом классе, помнишь? Как у Таньки на дне рождения мы напились и я на перилах балкона сидел, на гитаре играл? Пятый этаж... И не упал-таки, и не боялся!

А теперь вот боюсь. Почему так?

Женька, я себе ещё налью. Плохо мне сегодня, Женька. Вот сейчас я здесь, на земле, а ты — там... И до тебя целых полтора метра. Высота!

Вспомнил. Наверное, тогда оно и началось. Когда хоронили мы тебя и бросал я горсть земли... Глянул вниз и голова закружилась — чуть не упал вслед за тобой...

Вот и кружится голова с тех самых пор. Как же так вышло, Женька?

Ты прости, что редко прихожу к тебе. Так уж получается. Вот сегодня пришёл, без всякого повода, просто захотелось поговорить с тобой. Или с самим собой...

Женька, ты же всё слышишь, правда? Ведь ты где-то там, высоко-высоко?

Посвящение зрителю

Нависли тени декораций
И рампы свет лежит у ног.
А я, в предчувствии оваций,
Читаю вечный монолог.

В который раз на этой сцене
Решаю — быть или не быть?
А ты, мой Зритель, добрый гений —
Держи невидимую нить!

Почувствуй, что со мной творится
И подскажи, как поступить:
Иль со знакомым злом смириться,
Иль к незнакомому спешить?

Я стану принцем, стану нищим,
Я стану всем, что хочешь ты.
Я воспарю над пепелищем,
Любой достигну высоты!

...Но вот Офелия сурово
Вдруг вопрошает в тишине:
— Мой принц! Вы будто нездоровы?
— О, нет! Здоров! Вполне, вполне...

Мой Зритель! Чувствами играя,
Лишь для тебя готов я жить!
Не изгоняй меня из рая.
Не рви натянутую нить...

Сергей Данилов-Ясинский

Все мы знакомы

Посвящается Олегу Янковскому

Саратов, Волжские дали, Янковские

Как комары пробирались через затянутую марлей дверь лоджии — загадка!.. По вечерам, перед тем, как укладываться спать, мы (я и жена) «лупастили» их полотенцами, прислушиваясь к тонкому, как игла, звону. А потом мокрой тряпкой стирали с крашенных синей краской стен кровавые пятна.

С лоджии второго этажа была видна вся Волга... и чудесный запах трав и воды, шум реки — корабельных дизелей и лодочных моторов — с раннего утра и до позднего вечера наполняли радостью ощущения молодости и начавшегося отпуска.

Это был 1970 год. Год столетия со дня рождения Ленина. Всё в той (уже далёкой, но ещё не позабытой) стране было посвящено этой дате — соцсоревнования инженеров, продавцов и дворников, субботники и растяжки на улицах со смешными на сегодняшний день лозунгами, значки с ликом вождя и надписи на бокалах и троллейбусах...

Мы только что окончили Саратовский госуниверситет. Тогда к «огромному прискорбию» многих родителей девчонок с физического факультета отправили (распределили!) работать учителями в деревни и сёла нашей необъятной Родины, а мальчишек — служить лейтенантами в уже совсем не «Красную армию». Ещё свежи были воспоминания о тревожных сообщениях про вооружённые столкновения на острове Даманский (март 1969 года) на советско-китайской границе и о вводе наших войск в Прагу (август 1968 года). Вообще, те времена были очень тревожные, как, кстати, и всякие времена в России!.. А семейных студентов тогда всё же не тронули — их оставили в Саратове. Нас с женой тоже оставили и позволили распределиться инженерами на предприятия оборонного комплекса.

Этим летом моя мама для успешно закончившего высшее учебное заведение старшего сына достала две путёвки в железнодорожный пансионат «Волжские дали». Надо сказать, что тогда это было не очень сложно. Она, уже много лет проработавшая в железнодорожной больнице, получила эти путёвки без всякого блата и усилий. Не наступили ещё те времена, когда бешеная алчность пустила корни, но почва уже была подготовлена: уже тогда при покупке билетов в театр, на поезд или вообще при покупке чего-нибудь дефицитного надо было готовить шоколадку или коробку конфет (смешно по сегодняшнему времени!).

Расселением в пансионате прибывших счастливиц занималась коротенькая, необъятно толстая (видимо, больная диабетом и это в двадцать пять-то лет!) черноволосая Роза. Она, быстро переставляя свои ноги-тумбы, тяжело дыша и отпыхиваясь, бегала от одного корпуса к другому и «понравившимся» или просто чуть знакомым давала ключи от номеров второго этажа. Никто не задумывался о том, чтобы ей что-то приплатить, но коробка конфет уже тогда делала своё (разлагающее общество!) дело. Понятие «коррупция» тогда ещё не существовало, но разделение на слои и прослойки «единого советского» народа торжествовало в полную силу. Особой прослойкой были завмаги и завскладами. На момент заселения Роза была местной заведующей хозяйством-«царицей» с огромной властью (повыше завмага), дающей право раздавать счастье проживания на втором этаже корпуса (на первом же этаже царствовал разгул комаров!). При заезде в пансионат благодаря именно такой коробке конфет (по совету маминых коллег-врачей) нас определили на второй этаж пансионатского корпуса.

Чуть не в первый же день в столовой пансионата за соседним столиком неожиданно для всех, и нас в том числе, мы увидели молодую чету артистов саратовского театра драмы

Янковских с маленьким мальчиком...

Он капризничал, резко отодвигая от себя то тарелку с белой сладкой рисовой кашей, то стакан чёрного чая. Чай расплескался по столу и бабушка (очевидно, мать Людмилы Зориной — жены Олега Янковского), склоняясь к его ушку, что-то тихо сказала. Реакция была незамедлительной: крик и слёзы. Быстро встав, бабушка подхватила кричащего, дрыгающего ножками мальчика и унесла его под восторженно-осуждающие взгляды присутствующих. Но за поворотом раздачи тарелок он вдруг затих. Как оказалось потом, там чадолюбивые повара дали ему полстаканчика сладкого какао, которое так понравилось. Мальчика звали Филиппок. Олег и Людмила, чуть смущённые поведением сына, почти сразу тоже ушли вслед за бабушкой. Их взаимоотношения с маленьким сыном были нам особенно интересны — в то время мы ждали рождения нашей первой дочери.

В Саратове про высокого и худощавого Олега Янковского говорили — муж актрисы театра Карламаркса (в одно слово!) Людмилы Зориной, и не иначе. Но после «Идиота» Олег стал довольно известным в Саратове, а фильм «Щит и меч» сделали его даже популярным. Простая светлая тенниска на выпуск с расстёгнутой верхней пуговкой и двумя верёвочками, босые ноги в сандалиях совсем не вязались с образом Генриха Шварцкопфа из фильма «Щит и меч». Людмила же (в тот день) была аккуратно причесана (с хвостиком светлых волос), но без обычного для актрис макияжа. Как же мы привыкли отождествлять актёров с их театральными образами!.. Кроме того, их знали все, а они только ещё привыкали к известности, и окружающие в то время не допускали «и намёка на вмешательство в личную жизнь» — тогда это было неприлично.

После этого завтрака, как и всегда, все торопились на пляж пансионата. Всем хотелось занять грибок с тентом от солнца, особенно, если тот располагался на стороне к Волге, а не к протоке. Пляж тянулся длинным песчаным островом под довольно крутым берегом. Протока, отделяющая этот остров, была не широкая и перекрывалась деревянным понтонным мостиком.

Спускаясь по узкому, выложенному бетонными плитками, серпантину-дорожке вниз к пляжу, мы уже издали видели, что бабушка и внук (Филиппок) находятся на этом мостике. Светловолосый симпатичный мальчик стоял, подняв руки, зацепившись за поручни мостика, и, просунув под них голову, пускал слюни-кораблики, смотрел на воду протоки, а ногой постукивал о стойку. При постукивании раздавался мелодичный звон — на его туфельках звенели бубенчики.

— Какие чудесные туфельки!.. — сказала моя жена, взойдя на мостик. Филиппок улыбнулся и гордо выставил к нам ножку в туфельке с бубенчиками. Бабушка смущённо сказала:

— Олег привёз... кажется, из Египта!..

«Заграничные» вещи, включая одежду и обувь, казались нам всем в то время чем-то невероятно привлекательными. Они даже пахли по-особому. А если на них были надписи на непонятном языке или фото-клише, да ещё и с фирменной наклейкой (часто снаружи), то это был «последний писк»!..

Мы все вместе взобрались на песчаный бархан пляжа и поторопились снять обувь, наполнившуюся уже тёплым песком. Филиппок категорически отказался снимать свои замечательные туфельки и, набирая в них кучи песка, шёл, цепляясь за бабушкину руку. Через какое-то время на пляж стали приходить и другие отдыхающие «Волжских далей». Пришли и Олег с Людмилой — мы им заняли зонтик-грибок, а бабушка Филиппка, жалуясь на начинавшуюся жару, поторопилась вернуться в корпус.

Как-то сложилось так, что все, стесняясь уже «знаменитых» артистов, вели себя так, будто ничего сверхъестественного не происходило. Каждый занимался своим «телом» — загорал его, купал, мазал мазями. Кто-то читал книжку или газету, исподтишка поглядывая на известную пару. Дети бегали с мячиками вдоль берега и кричали, копали песок, а Филиппок сидел с родителями — ведь он не хотел снимать туфли, а ему так хотелось зайти в воду!.. Потом, уже

сильно награвшись даже под зонтиком, он всё же позволил снять с себя туфельки, и они все вместе пошли к воде...

Наш столовский сосед — молодой с рыжими веснушками железнодорожник из-под Волгограда (со станции Котельниково), проявляя прямо-таки героическую активность, заявил всем нам, окружающим его на пляже (пока чета купалась и не слышала его), что он договорился с администрацией о помощи во встрече со знаменитыми артистами. И что, мол, Олег Иванович (это в 25 лет-то полное отчество, а не Иваныч!) согласился сегодня же рассказать о съёмках фильма «Щит и меч».

После ужина все, кто был в пансионате, не ушли из столовой, а переставив столы и стулья, образовав подобие зала со сценой, радостно перешёптываясь, ждали Янковских. Но пришёл один Олег, оправдываясь, что Людмила обгорела даже под зонтиком. Он просто без всякого вступления спросил всех:

— Как будем? Спрашивать—отвечать? Или я что-то сам расскажу?..

Все заговорили разом и, ничего не поняв, он, взмахнул рукой и стал рассказывать, что съёмки фильма «Щит и меч» велись в разных городах и даже странах: в Польше, Германии и у нас в России. Особенно для меня было интересно, когда он затронул съёмки в Калининграде-Кёнигсберге — моём родном городе. Вспоминал тамошнюю реку Прегель и её набережную около немецкой биржи, здание которой своей стеной опускается прямо в реку — это совсем недалеко от разбитого Королевского замка. Потом он вспоминал и восхищался грандиозными развалинами Кафедрального собора и сохранившимся после войны портиком могилы философа Эммануила Канта. Много рассказывал о Станиславе Любшине, игравшего главную роль разведчика Александра Белова — Йогана Вайса.

При таком свободном общении люди почувствовали себя равными ему и, перебивая, засыпали вопросами. Молодого машиниста (из Котельникова) особо волновал вопрос о том, как приходилось Олегу играть пьяного Генриха Шварцкопфа. Не принимал ли артист по-настоящему спиртного для полноты впечатления. Олег сначала презрительно, как это он умел делать, а потом с хохотом рассказал, что на пятый или шестой дубль этих сцен он выпил пару бутылок пива в перерыве, но контроль за поведением не прерывал. Он, смеясь, сказал, что так можно было бы случайно перейти с «немецкого» (подразумевался язык) на матерный.

Особо он отмечал, что во время съёмок приходилось всё время приводить в порядок черную эсесовскую форму. Как к ней всё липло! Он говорил, что за ним всё это время ходила костюмерша со щёткой и в промежутках чистила его с головы до ног. А одна молоденькая «расфуфыренная» дама в пляжной шляпке заметила, что костюмерша не только из-за этого за ним бегала, наверное. Олег чуть смутился и, как-то косо (как это умел делать только он) посмотрев на неё, с иронией спросил:

— Разве?.. А я и не понял!..

Кстати, тогда же он рассказывал и про Львов — город, где ему была предложена эта роль. Именно там, как я понял, в какой-то кафешке первый раз его увидел режиссер Владимир Басов. И опять же тогда, когда он пил пиво из бутылки, ему было замечено, что это не совсем сочеталось с его интеллигентным видом...

Взволнованный его рассказами «народ» всё больше «наглек» и задавал всё более сложные вопросы типа: не сложно ли было играть человека другой нации и другого времени — ведь тогда ещё было принято у нас играть немцев-фашистов, как наших злейших врагов — с какой-то озлобленной издёвкой, глуповатыми что ли...

Он вспоминал:

— Да-да, я тоже неоднократно мучил режиссеров, говоря им, что нас в театральном училище учили понимать «сверхзадачу» роли. При съёмках «Щит и меч» я приставал к ним с

вопросом: какова же сверхзадача этой роли?.. А они смеялись надо мной — какая, мол, к чёрту, сверхзадача?.. Играй и не обращай внимания на всякую ерунду!.. У тебя всё получается!

Он вспоминал, что Станислав Андреич (Любшин) ему во многом помогал. Он был уже опытным «киношным» актёром — снимался уже во многих фильмах и подсказывал ему всякие нюансы. Как вспоминал Олег, именно Любшин говорил ему, что съёмки в дублях кино и игра на сцене — два совсем разных процесса: приходится всё время отвлекаться и повторять как «маленькие этюды» одно и то же, а режиссер потом выбирает лучшее. Это и трудней и проще одновременно — кто как приладится...

Вчера проезжал на троллейбусе по Московской (это в Саратове) и на школе, где учился Олег Иванович Янковский, увидел памятную доску с его именем. И вспомнив о такой далёкой и мимолётной встрече с ним, решил написать этот рассказ — не о его работе в нашем театре драмы, куда мы довольно часто ходили в то время, а о памятных моментах для нас — его современников —



Благодарности

По нашей новой традиции в этом разделе мы выражаем благодарность тем, кто принимал участие в подготовке номера. Итак, огромное спасибо нашим младшим редакторам, которые помогли нам отобрать тексты в номер: Исаевой Марии, Юлии Приваловой, Ольге Наумовой, Дмитрий Лебедев. Кроме того, благодарим Ольгу Наумову и Галину Буфетову за то, что взяли на себя нелегкий труд корректоров.

За помощь в организации работы рубрики «Работа над ошибками» благодарим Сергея Романцова и Веру Иванову.

Огромное спасибо Михаилу Соболеву, Юлии Приваловой, Наталии Коденцовой, Римме Рид и Евгению Прянищникову за уделенное время и согласие потрудиться в роли членов жюри на конкурса.

Ну и конечно же спасибо Анастасии Мануйловой за помощь в разработке дизайна обложки.

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://gazeta.atakarov.pp.ru/forum/>

Наша группа ВКонтакте — <http://vkontakte.ru/club5903087>

Наша страница на сайте proza.ru — <http://www.proza.ru/avtor/gazetabuk>

Наша страница на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>